

СТОЛИЦА №2 Сентябрь 1990 80 коп.

СТОЛИЦА

Граждане! Отечество в Госбезопасности!

Президент в отцепленном вагоне

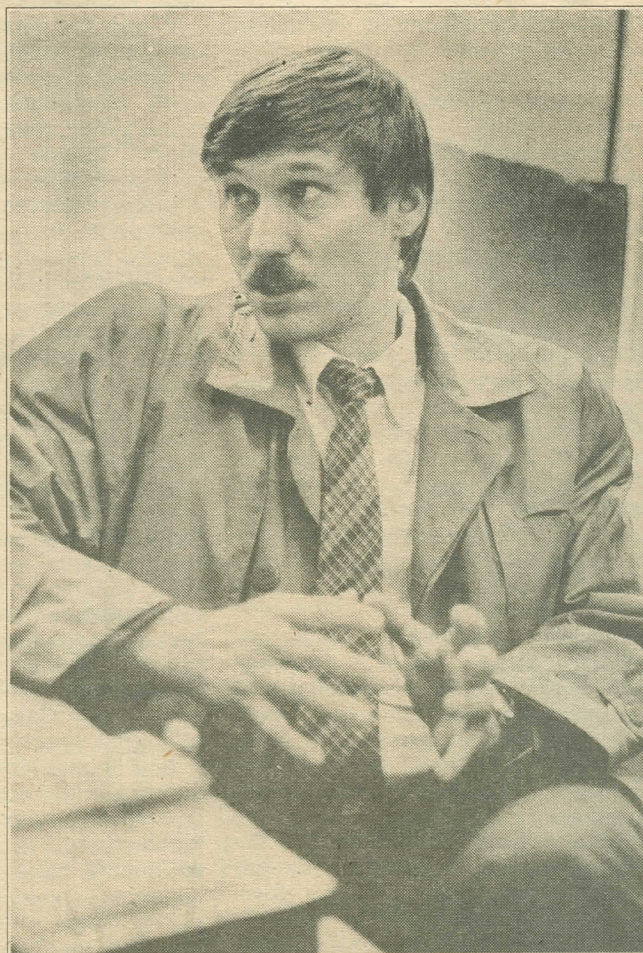
Минздрав сам не лечит и другим не даёт

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЕЖЕНЕДЕЛЬНИК

Сон разума рождает ЧУДОВИЩ

Трудовой лагерь под Ростовом-на-Дону. 1976г.

Аркадию МУРАШОВУ 33 года. Народный депутат СССР. По образованию — физик, закончил МВТУ им. Баумана, до начала политической карьеры работал в Институте высоких температур АН СССР. Был депутатом Моссовета 20-го созыва.

В 1989 году коллектив ИВТ АН СССР выдвинул его кандидатом в народные депутаты. Основной своей работой в парламенте считает деятельность на посту ответственного секретаря Межрегиональной депутатской группы. Член комитета по науке ВС СССР, председатель оргкомитета по созданию движения «Демократическая Россия».

Прошел кандидатский стаж, но в КПСС не вступил. Стал заместителем председателя Демократической партии России

Аркадий МУРАШОВ:

Что нам делать со свободой?

Мне вчера дали свободу, что я с ней делать буду?
В. Высоцкий

Отлетает в прошлое Советский Союз. Распадается «великий, могучий», «созданный волей народов» наследник царской империи. Независимо от того, как к этому факту относиться, он становится политической реальностью, которую нам предстоит осознать и осмыслить. Мы вступаем в переходный период, особенностью которого является, с одной стороны, — возникновение суверенных, независимых государств, заявивших о своем

рождении Декларациями о государственном суверенитете, и, с другой стороны, — существование старых, отживших политических, экономических, административно-государственных, военных и других Союзных структур.

Самое примечательное в национальном вопросе — то, что до сих пор речь шла о проблемах, порожденных властвованием коммунистической утопии. Мы все дальше и дальше возвращаемся к истокам нынешних бед. Сначала речь шла о преодолении застоя, затем — об искоренении сталинизма, сейчас мы осознаем ложность самой коммунистической идеи и, наконец, выхо-

СТОЛИЦА

дим на столбовую дорогу" естественно-исторического процесса, приступив к тому, что было недорешено в начале столетия — к ликвидации последней империи на земном шаре. Начали осуществляться вековые чаяния евразийских народов, связанные с обретением ими собственной государственности.

Чтобы процесс демонтажа проходил безболезненно (а в конце XX века мы вправе рассчитывать на это), необходимо своевременно расчищать все, что мешает естественному ходу событий. А более всего сейчас мешает, бревном лежит поперек дороги правительство Рыжкова. Если Ельцин и Горбачев договорятся и уберут с дороги это препятствие — поедом дальше; если нет — столкновение неизбежно. Впрочем, Ельцин может поехать и один. А Президент останется в отцепленном вагоне.

Процесс демонтажа имперских структур связан также с пересмотром всей концепции национальной безопасности. Мы должны понять, что стержнем, на который нанизана вся тоталитарная империя, является военно-промышленный комплекс. Нам никто и ничто не угрожает извне. Опасность для общества и для государства исходит от нас самих. Сумеем ли мы преодолеть экономическую деградацию или процесс распада станет управляемым? Для подъема экономики недостаточно просто приватизировать предприятия и землю. Даже приватизированная американская экономика не смогла бы функционировать при том уровне налогов, который будет сохраняться, если штырь ВПК не выдернуть из тела общества.

В прессе можно прочитать сетования на то, что мы идем не в ногу со всем человечеством. Все человечество интегрируется, объединяется, а мы-де, наоборот, стремимся к разъединению. На самом деле наша дезинтеграция — это проявление тех же общемировых процессов. В условиях, когда центр, мягко говоря, не торопится входить в мировое экономическое сообщество, каждый стремится это сделать самостоятельно.

Я надеюсь, что к тому времени, когда читатель прочтет этот текст, правительство Рыжкова уже будет бывшим правительством. Я надеюсь, что программа Г. Явлинского «500 дней», которая получила поддержку, как демократических сил, так и Президентского совета, будет принята к исполнению. Вопрос о том, может ли эта программа

быть реализована?

У нас в стране не только сильнейший экономический кризис, но не менее сильный кризис политический. Устройство власти, которое называется советским, обнаружило свою полную несостоятельность. Оно было прекрасно приспособлено к существованию параллельной монопольной партийной власти. Как только демократия и многопартийность заявили о себе, мы с изумлением столкнулись с полной неразберихой как между законодательной и исполнительной властью, с одной стороны, так и между властью разного уровня — с другой. Гоодские районные Советы принимают декларации о суверенитете под стать прибалтийским, объявляя исключительной собственностью Совета не только землю, но и недра, а также воздушное пространство, заявляя, что законы Союза и республики вступают в силу только после ратификации местным парламентом. Иначе и быть не могло, именно так понимается положение о том, что Советы обладают всей полнотой власти.

Без дальнейшего глубокого преобразования политической системы, без формирования сильной исполнительной власти, независимой от власти законодательной, реализовывать программу перехода к рынку будет некому.

Я уже не говорю о третьем столпе власти правового государства — сильной, независимой судебной власти. Пренебрежительное отношение к этому важнейшему элементу гражданского общества, которое фактически сейчас имеет место, совершенно неприемлемо. Время бить в набат. Где мы завтра будем брать сотни тысяч позарез необходимых судей, юристов?

И, наконец, может быть, главное, без чего реформы никогда не будут осуществлены, — это изменение общественного менталитета. Номо soveticus не нужна свобода, не нужна ответственность за свою судьбу и судьбу своих близких, иждивенчество вошло в плоть и кровь этого несчастного существа, которое к тому же завистливо и лениво. Не учитывать это печальное обстоятельство невозможно, хотя, по моим наблюдениям, в демократическом движении именно оно как раз и не учитывается. Общество состоит не из одних только предпринимателей и коммерсантов. Но уж этих редких людей мы должны лелеять и оберегать, ибо только они — энергичные, предприимчивые, бесстрашные, те, кто пополнил тюрьмы за предпринима-

тельную деятельность в годы жизни последних трех поколений, могут спасти общество от окончательного загнивания.

КПСС все больше оттесняется на периферию политической жизни. Во время телемоста между Моссоветом и Ленсоветом депутаты с трудом нашли в своих рядах сохранившегося коммуниста. Идеи гуманизма с человеческим лицом, провозглашаемые теми, кто еще вчера аплодировал развитому социализму, похоже, мало кого вдохновляют. Хотя органы печати компартии утешают своих членов тем, что КПСС очищается от карьеристов и проходимцев, в это как-то не верится. Сразу вспоминаешь обойму депутатов-межрегионалов, покинувших бывшую руководящую силу за последнее время.

Недавно, встречаясь с избирателями на одном из московских предприятий, я узнал, что от прошлогодней численности партиячейки в 107 человек осталось всего 7, из них трое — приписанные к парторганизации пенсионеры. Райком же партии никак не хочет смириться с этим жизненным явлением и до сих пор присылает ведомость для уплаты членских взносов на 85 человек. Я подозреваю, что именно из таких цифр и складывается официальная партийная статистика.

Вместе с тем грустно видеть, как многие демократы переносят свою ненависть к системе на отдельных живых ее представителей. Право, несчастные люди, прожившие жизнь в погоне за миражами, заслуживают милосердия и понимания. Сравнивая безжалостные выступления известных диссидентов Григорьянца и Подрабинка на Ленинградском форуме по правам человека, с выступлением коммуниста А. Яковлева на съезде КПСС, я отдаю свои симпатии бывшему члену Политбюро.

Резюмируя эти заметки, приходится констатировать, что, во-первых, мы вступили в очередной переходный период (если пользоваться привычной терминологией семинаров по научному коммунизму, то это переход от социализма к капитализму — обманываться здесь нельзя) и, во-вторых, что этот период, увы, не будет коротким.

Прежде всего нам предстоит научиться быть свободными. Чехов говорил о выдавливании из себя по капле раба. Именно этим нам и предстоит заниматься ближайшие годы. Еще не до конца осознана глубина мысли о том, что каждый народ имеет то правительство, которое заслуживает. Заслуживаем ли мы уже большего?

Уважаемые читатели!

ПЕРВЫЙ НОМЕР нашего журнала печатался в типографии издательства «Московская правда». Выбор наш был не случаен: это лучшая в Москве типография офсетной печати. К сожалению, мы не учли, что имеем дело с партийным издательством. В результате выход номера был задержан, а я, главный редактор, оказался в положении Хлестакова, хвастающегося тем, чего не имеет.

7 августа с экранов телевизоров я сообщил москвичам, что через два дня они смогут приобрести «Столицу» в киосках «Союзпечати» — именно такую информацию я получил из издательства. Бумагу мы туда доставили вовремя и в нужном объеме, ротационные машины стояли без дела — но «Столицу» типография так и не начинала печатать. Прошел день после означенного срока, потом два, три, прошла неделя, минули десять дней... вразумительного ответа о причинах задержки мы так и не получили. Зато отпечатанные отдельные номера куда-то возили, кому-то показывали (это после отмены предварительной цензуры!), наконец, стали происходить и совсем загадочные вещи — на Пушкин-

ской площади была открыта широкая торговля «нснапечатанной» «Столицей», причем по ценам, весьма отличным от номинала. Наивысшая ставка была зарегистрирована 14 августа, когда мы проводили международную пресс-конференцию по случаю выхода (правильнее было бы сказать: невыхода) первого номера: экземпляр журнала вечером того дня стоил 10 (десять) рублей! В дальнейшем его цена снизилась до трех рублей. При этом киоски «Союзпечати» штурмовали москвичи, раздосадованные тем, что от них скрывают «Столицу», а телефоны редакции раскалывались добела.

Что это было? Перестраховка? Открытый саботаж? Желание нагреть руки на еще одном дефиците? Не знаем. Зато можем точно сообщить читателям фамилии виновников произошедшего, а также их телефоны (на случай, если кто-то из читателей захочет с этими нашими партийными товарищами пообщаться). Это главный инженер типографии Алексей Никифорович ФОКИН (259-44-44), заместитель директора издательства Михаил Викторович КОВАЛЕВ (256-94-05).

Сообщив имена виновни-

ков задержки, мы, тем не менее, хотим от себя лично извиниться перед читателями за то, что номер они получили с опозданием. Впредь мы будем иметь дело с иными партнерами. По крайней мере до тех пор, пока «Московская правда» является собственностью КПСС.

И последнее. 31 августа в передаче «Добрый вечер, Москва» появился член Политбюро ЦК КПСС, московский партийный лидер Ю. А. Прокофьев и в прямом эфире сообщил телезрителям, что еженедельник «Столица» «печатается на производственной базе МГК КПСС». Юрий Анатольевич солгал: директор издательства «Московская правда» В. А. Перель официально уведомил редакцию, что после выхода первого номера «Столицы» его издательство окончательно убедилось в отсутствии «производственной возможности» печатать наш журнал. Правда, добавил он, если бы «Столица» заплатила издательству МГК КПСС валютой, такая возможность нашлась бы.

Воздержимся на этот раз от комментариев.

Андрей МАЛЬГИН

В номере:

Аркадий МУРАШОВ	Что нам делать со свободой?	1
Андрей МАЛЬГИН	К читателям.	3
Вячеслав БАСКОВ	«Дневник юнкера», или История наших новоселий	5
	Пресс-мышеловка	8
		55
Юрий БЫЧКОВ	Последний наместник Москвы	12
	Экстрасенс против рэкетиров	17
	Как Иван Полозков собирал свой съезд	18
Александр МИНКИН	Граждане! Отечество в госбезопасности!	20
	Человек на койко-месте	24
	Как я нашел марганцовку	26
	Больной второго сорта	29
	Минздрав: сам не лечит и другим не дает.	29
Кирилл СВЕТИЦКИЙ	ДАЗДРАПЕРМА Размышления об эстетике, текущем моменте и английской драматургии	31
Александр МИНКИН	Защита Ленина. Дебют и эндшпиль в Коммунистической партии.	36
	<i>Партия большевиков в безнадежной позиции. Но упрямо они продолжают игру. Не понимают, что лучше сдать партию, чем получить мат.</i> Трагедия Оша — тысячи погибших. Кто ответит за это?	39
Зинаида ГИППИУС	Черная книжка	40
	<i>«Зверей Зоологического сада, еще не подошедших, кормят свежими трупами расстрелянных, благо Петропавловская крепость близко...»</i> Что сулит нам телевизионный налог	46
Валерий КИЧИН	Политика газетного киоска.	47
Нелли ЛОГИНОВА	Ищите учителя	49
	Пока мужа разыскивает милиция	52
	<i>Семнадцать молодых, вполне нормальных людей, провели детство в сумасшедшем доме и были помещены в пансионат для престарелых</i>	53
	Русский Израиль	56
Анатолий РУБИНОВ	Шикарные женщины	59
	(продолжение)	
Вильям МЕЙЛАНД	«Воспоминания о сумрачной зоне»	64

СТОЛИЦА

Сентябрь, № 2

Москва 103051, Петровка, 22

Телефон: 928-23-49
Телекс 4011700 MALPEK
Телефакс 2002216 MALPEK
2002217 MALPEK

**Общественно-политический
иллюстрированный
еженедельник Моссовета**

**Главный редактор
Андрей МАЛЬГИН**

Редакционная коллегия:

Вячеслав БАСКОВ
Владимир ВОЙНОВИЧ
Валерий ВЫЖУТОВИЧ
Илья ЗАСЛАВСКИЙ
Владимир ПЕТРОВ
(ответственный секретарь)
Валерий КИЧИН
(зам. главного редактора)
Александр МИНКИН
Аркадий МУРАШОВ
Олег ОРЛОВ
Александр ПОЛЯКОВ
Анатолий РУБИНОВ
Сергей СТАНКЕВИЧ
Галина СТАРОВОЙТОВА
Владислав СТАРЧЕВСКИЙ
(зам. главного редактора)
Татьяна ТОЛСТАЯ
Владимир ЦВЕТОВ
Александр ЦИПКО
Владимир ЦЫБУЛЬСКИЙ
(зам. главного редактора)
Владислав ЯНКУЛИН
Генеральный директор
Михаил ПЕКЕЛИС

**Мнения авторов не всегда совпадают
с точкой зрения редакции.**

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

При перепечатке ссылка на «Столицу» обязательна.

Редакция в переписку не вступает.

**С предложениями о рекламе звоните
по телефону:
928-83-40**

Первая и вторая страницы обложки фото То-фика Шахвердиева.

Номер набран в типографии издательства «Известия» с участием творческого объединения «Интерпракс» советско-американского фонда «Культурная инициатива». Отпечатан в типографии издательства «Десна»
Номер подписан в печать 28.09.90.
Тираж 300 000
© «Столица», 1990.

«Дневник юнкера»,

ИЛИ КРАТКИЙ КУРС ИСТОРИИ НАШИХ НОВОСЕЛИЙ

**Вячеслав
БАСКОВ**

Первыми с корабля побежали московские начальники. Например, был в Москве один средний большой начальник. Одно время он работал заместителем начальника Главмосстроя. Занимался строительством. Потом вдруг оказался председателем городской Плановой комиссии. Стал, следовательно, крупнейшим экономистом и финансистом. А теперь он вдруг стал вообще некоей выдающейся лично-

стью: специальным решением исполкома Моссовета он переведен, как там сказано, «в аппарат президента СССР». Кем — не говорится. Многие другие московские начальники вдруг оказались кто где и кто кем. Начиная, разумеется, с самого бывшего председателя Мосгорисполкома, которого долго знали как директора ЗИЛа, и добрейшего первого секретаря горкома КПСС, которого никто не знал как специалиста в области воен-

ного строительства. А я познакомился еще с одним начальником, когда он из своего кабинета ведал московскими дворниками, а перешел он на работу в МВД СССР: оказался, по-моему, полковником. Следовательно, юристом высшего класса...

Но самое удивительное в том, что начальники бегут — и начальников в Москве не становится меньше. Все кабинеты по-прежнему заняты. Корабль вроде бы плывет... Однако курс его

высчитывается уже не в кабинетах и даже не на совещаниях, хотя, если верить секретаршам начальников, начальники, как и встарь, то и дело сидят на каких-то совещаниях. Корабль всдут из тесного актового зала бывшего дворца московского генерал-губернатора на Советской площади — в здании Моссовета: в этот неудобный зал с плоским полом и высоко поднятой сценой наконец-то переехали из Дома политпросвещения народные депутаты.

Строго говоря, для народных депутатов Моссовета в здании Моссовета мест нет. Кабинеты, повторяю, заняты. Ну, вот разве что в зал их пустили. А Моссовет живет своей жизнью, отдельной от актового зала. Туда, например, в газетный киоск завозят газету «Московские новости», но киоскерша наотрез отказалась продавать газету депутатам. «Московские новости», всжливо отодвигая локотком каких-то возмущенных людей, брали секретарши начальников и уходили...

Депутаты разделились на комиссии — комнаты для них нет. Мосгорисполком, который из года в год захватывал роскошные дворцы и особняки в прилегающих кварталах, оккупировав таким образом чуть не весь центр города (по числу занятых домов с ним может соперничать разве что КГБ), а также красивые дома на набережных и прочие архитектурные достопримечательности, этот Мосгорисполком по бедности сделал широкий жест: подселил несколько депутатских комиссий к Министерству угольной промышленности СССР.

В министерство избирателей не пускают: там в вестибюле строгая охрана. Поэтому в трех коротких коридорчиках на разных этажах обгчно безлюдно, на безмолвных дверях приклеены бумажки: комиссия по гласности, комиссия по связи... Две комнаты в том коридоре за ради Христа выделили и нам, редакция еженедельника «Столица», и мы слышали, как иногда из-за двери тех комиссий стучала одинокая пишущая машинка. Но где же люди? Где депутаты и их избиратели? Бог его знает, только все еще не в Моссовете. Не в нашем загадочном Моссовете с его бесчисленными кабинетами, среди которых нет свободных...

В кабинетах Моссовета всегда сидели загадочным образом отобранные мужчины и женщины — никто не знал, откуда они туда сваливаются. Только одеты они были как-то одинаково: почти все женщины, например, были в белых блузках, с жабо. А причесывались, как Нифонтова и Весселовская в фильме «Хождение по му-

кам», — очень красиво. Оди жабо свисали, другие, наоборот, описывали пышную дугу. Но что «сестры» делали совершенно неразлично, так это ходили по коридорам. Именно в ходьбе по коридору сказывался неповторимый моссоветовский стиль. Каблуки в Моссовете, вероятно, были официально запрещены, хотя полы устланы ковровыми дорожками, поэтому в своих черных туфлях на низком каблучке женщины и в одиночку шагали широко, словно в босвом строю. И глядели они одинаково — зло и без всякого кокетства. Возможно, потому, что в Моссовете с давних пор была официально запрещена густая косметика?

Моссоветовские мужчины были одинаковы своими костюмами: синими или черными. Иногда — довольно редко — встречались в сером. Костюм, неизменный галстук. На лацкане пиджака был пришпиглен депутатский значок: красное металлическое знамя, как бы колеблемое ветром. Наподобие того живого флага, что колышется над Моссоветом. В то время работникам аппарата еще не запрещалось быть народными депутатами. Так что редкий из начальников не был депутатом. Я знал депутатов, которых никто никогда не выбирал: просто менялся очередной моссоветовский начальник и следующий сидел в его кабинете уже с застывшим в металле глазированным знаменем на пиджаке. Вероятно, депутатские значки им оперативно выдавало местное ХОЗУ вместе с чернильницей.

Моссоветовские начальники были, однако, одинаковы не столько костюмами, галстуками и значками, сколько круглосуточным враньем. Работа у них была такая. Если посетителю удавалось к ним прорваться, они его обнадеевали, но уже в следующий раз попадали на прием удавалось не многим из тех, кого однажды внимательно выслушали, обещали «разобраться». В последние годы в коридорах дома на Советской площади во все дни недели было пустынно: горожане туда почти перестали обращаться. Моссовет откровенно превратился в учреждение, которое лишь вперед всех потребляло лучшие книги, создав свою книготорговую сеть, импортные лекарства, автоматически направляемые туда раньше, чем в городские аптеки, чудесные пирожные, изысканные колбасные изделия, театральные билеты, лучшие в городе дома, машины, квартиры... А город жил, как жил, довольствуясь малым.

На напористых посетителей старались воздействовать психологически. Склонив голову набок, выразив глазами когда внимание, а когда участие, начальник долго молча слушал.

— Чего вы хотите? — спрашивал он, заранее зная, что взволнованному посетителю нелегко четко сформулировать свою просьбу. Потом он рас-

крывал телефонную книжечку, выпущенную для особого хождения, и звонил начальнику, который посетителя обидел. Он мягко, интеллигентно, однако в полный голос уговаривал того начальника уступить: ну, что ему стоит починить протекающую квартиру, «изыскать возможность» отселить буйную соседку — недолларовую проститутку, начать искать украденный велосипед?.. Но взволнованный посетитель, тронутый проявленным к нему вниманием, не догадывался, что этот хороший человек в костюме и галстук очень часто звонил не начальнику, а к себе домой и разговаривал, как с начальником, с родной женой, которая давно привыкла к такой игре и что-то забавно лепетала, на что хороший человек со значком народного избранника находил новые доводы, словно бы телефонный начальник с ним не соглашался и доказывал, что отремонтировать квартиру не надо, отселить проститутку рано, искать велосипед ни к чему. И — вот чудо! — чаще всего черствый далеккий начальник одерживал верх. Моссоветовский — разводил руками и что-то заносил в свой блокнот. Этот номер с блокнотом действовал безотказно — прощались лучшими друзьями.

А иногда этот начальник делал еще и так: человек жалуется на Иванова, который не выполнил указания Сидорова, — он поднимает телефонную трубку и звонит. Обрадованный посетитель думает — Иванову, но из разговора вдруг понимает, что — Кузнецову, начальнику самого жалобщика! Зачем только сказал, где работает?! Что же вы, отчитывает моссоветовский начальник Кузнецова, до того распустили своих подчиненных, что они всюду ходят и на всех жалуются? И все в этом духе. Будто посетитель — лицо, по своему умственному состоянию лишенное юридических прав.

А то еще к вам на работу вдруг пришло письмо, например, из райжилотдела: утихомирьте вашего работника, добьются новой квартиры, утомил, а сам живет в хоромах, семейное положение такое-то, дальние родственники проживают там-то и там-то, фамилии их такие-то, на каждого из них приходится по столько-то метров... И появлялось такое письмо тотчас после посещения Моссовета, где вы душу раскрывали!..

Но даже если дело не кончалось изумительным телефонным звонком или инквизиционным письмом, а лишь чутким, внимательным выслушиванием, то и само это выслушивание выглядело так, словно человек, пришедший на прием, логонько не в своем уме. Для этого существовал такой способ. Вот человек долго говорил о своей печали, шелестел бумажками, а ему в ответ: «Спасибо» — в смысле, спасибо за информацию, до свидания. И в местный матюгальник: «Любовь Иванов-

на, товарищи в приемной собрались?» — щелк! Щелк: «Да, Валентин Иванович, товарищи ждут» — щелк! Щелк: «Приглашайте» — щелк! И — посетителю: «Всего доброго».

Выходил человек на улицу — и ничего не понимал, не мог для себя сформулировать, что произошло: сидел, говорил, его поблагодарили...

В прочем, за долгие годы методы воздействия на посетителей в Моссовете были разными. Рассказывали, что одно время прямо из Моссовета увозили в психбольницу, доставляли в КГБ. Мраморные стены бывшего дворца генерал-губернатора, напольные ковры, безлюдье, милиция у дверей и — эдак за углом — на некоторых этажах злые женщины, прическами похожие на Нифонтову и Веселовскую, — все это повергало иных людей в крайнее отчаяние, они срывались, кричали, проклинали революцию семнадцатого года, топтали ногами, истинно рыдали...

Все в странном Моссовете было поставлено так, чтобы люди говорили и выговаривались. Каким же то ни было документы отсутствовали напрочь. Шло сплошное ГОВОРЕНИЕ. По телефонам, в кабинетах. Но если вопрос решался, то, как ни странно, без всяких там бумаг, занудной переписки, без участия законов. Все это оказывалось вдруг лишним. Вопрос решался тоже в разговоре — запросто за обеденным столом, по телефону. В Моссовет и шли за звонком: что стоит начальнику взять и позвонить? Вот возьмет, скажет — и мне дадут квартиру! Среди москвичей постоянно циркулировали слухи о том, как одному знакомому(ой) тут же дали ордер: он(а) все рассказал(а), начальник растрогался и тут же позвонил — и дали квартиру.

Я несколько лет добивался, чтобы моссоветовские начальники прислали один документ — список заболеваний, которые дают льготы при получении квартир. Хотелось этот список опубликовать. Ни на один письменный запрос не пришло ответа. Да что список заболеваний! Простого жилищного законодательства, которое в Москве особое, получить было невозможно! Любой документ считался секретным. Мнялись жилищные начальники, но стиль общения с «народом» оставался тем же: небрежно словесным. А все потому, что Моссовет никогда не любил москвичей: у него и без них было полно своей работы. Так любая продавщица мечтает только об одном: чтоб магазин скорей закрыли. Закрыли — и никогда чтоб больше не откры-ва-ли-и-и!! Наш магазин может существовать и сам по себе, без поку-

пателей. Все равно товар в него завозить будут, потому что куда его с фабрики-то довать? А у каждой продавщицы на черном ходе столько своих покупателей, что о выручке беспокоиться нечего.

Вот так и Моссовет: отделы укрупняли, сливали в Управления, Управления сливали, разливали, переназывали, одни Управления превращались в Главные управления, другие к этому продолжали стремиться, после Главные управления укрупнили так, что назвали их Комитетами и придали им статус союзного министерства — и размножались, и размножались наш Моссовет, как живородящая гуппи. Отхватывались новые и новые особняки и дворцы, жилые дома с эркерами и ажурными балконами, на которых уже никогда не протянуть веревку и не посушить белья... Дома ремонтировали, в дома пересажали, дома обставляли невиданным заграничным убранством...

Но тут пришли депутаты — и жизнь в Моссовете на мгновение трагически замерла. Ситуация грозила перейти в ту, о которой повествует анекдот под названием «Дневник юнкера»: «15 января 18 года. Мы вышли красных из леса. 19 января 18 года. Красные с боем взяли лес. Мы отступаем. 21 января 18 года. Мы снова взяли лес. Ура! 25 января 18 года. Красные наступают. Отходим. 30 января 18 года. Мы идем, красные бегут!.. 3 февраля 18 года. Пришел лесник и всех нас выгнал из леса».

Пришли депутаты — но в лес... простите, в здание Моссовета их не пустили, так что пришлось снять угол в Доме политпросвещения. Начальники, тем не менее, первыми пустились наутек. Однако вместо них откуда-то с неба свалились новые начальники — ни одного кабинета не освободилось. И жизнь в Моссовете как шла, так и идет — лишь замерла временно. Но жить дальше как-то иначе, по-депутатски, Моссовет не умест, понимаете? И жизнь в городе остается неизменной. Она меняется в газетах, по телевизору, а люди как бегали за справками, так и бегают, и в магазинах обчитывают и обвешивают, и закона не достанешь — бумаги на печатание законов все не хватает, ее не хватает даже на то, чтобы отпечатать Декларацию прав человека — международный документ, который должен быть в каждой семье... И вопросы решаются, как выяснилось, старым московским способом — по телефонному проводу или эдак за обедом.

Один из новых депутатов Моссовета стал главным редактором еженедельника «Столица», который

вы сейчас читаете. «Столицу» решил создать Президиум Моссовета — должен же быть свой печатный орган у городской власти. Он был даже у допотопной городской управы!

Естественно, встал вопрос о помещении для редакции. И вот тут-то депутаты попали в руки работников Исполкома Моссовета — да-да, тех самых прежних служащих Моссовета, которых теперь подчеркнуто перевели в разряд служащих именно Исполкома, а не Моссовета.

Теперь Моссовет и его Исполком существуют отдельно. Это два разных института власти. Высший — Моссовет. Это орган законодательный, в него входят депутаты. А в Исполкоме депутатов нет — все службы бывшего Моссовета (Главные управления, Управления, Отделы и множество учреждений, которые официально квалифицировались как Другие Организации) вошли в систему Исполнительной Власти. Позвольте это словосочетание писать с заглавной буквы, чтобы попытаться отразить емкость этого понятия. Именно Главки и Неглавки занимают городские дворцы и особняки, выселяют самые красивые жилые дома и приспособливают их под кабинеты. Все это могучее хозяйство охраняют милиционеры, его пронизывают телефонные и телевизионные кабели, с него сгоняет пылинки армия уборщиц и т. д. и т. п. Так было до появления депутатов — таким осталось и теперь.

Гордо ступили в исполкомовские кабинеты и коридоры сотрудники новой редакции во главе с народными депутатами. Но в кабинетах депутатов по привычке приняли за слегка увечных рассудком. Так, им повстречался один начальник, который из-за своего массивного письменного стола сказал, что вопрос с помещением очень простой: вот он сейчас позвонит — и помещен будет. Набрал номер телефона — и стал говорить. И из разговора депутаты вдруг поняли, что он звонит не тому начальнику, от которого и зависит предоставление помещения, а тому, кто был против этого. За другим письменным столом встретился другой большой начальник, который отвечает за нежилые помещения в городе и который на словах заверил, что в Москве есть давно пустующее здание, которое словно бы ждет «Столицу». Оно, однако, с первого до последнего этажа оказалось занятым одним из Управлений Моссовета. А вот Совсем Большой начальник того большого начальника, который введет нежилыми помещениями, и введет жилыми и нежилыми, тот Совсем Большой начальник, одновременно исполняющий обязанности заместителя председателя Исполкома Моссовета, этот Совсем Большой начальник, эдак, знаете, случайно потерял то са-

(Продолжение на с. 9)

СТОЛИЦА

ШПИОНА ПОЙМАЛИ

«В Комитете государственной безопасности СССР».

Сотрудниками Комитета госбезопасности при попытке передачи совершенно секретных материалов по оборонной тематике представителю иностранного государства задержан и арестован научный сотрудник одного из научно-исследовательских институтов г. Москвы. Возбуждено уголовное дело по ст. 64 УК РСФСР («Измена Родине»). Ведется следствие.

Центр общественных связей КГБ СССР».

(«Вечерняя Москва», 7 августа 1990 г.)

ОТ РЕДАКЦИИ «СТОЛИЦЫ»

МЫ ТОЖЕ

На днях один сотрудник редакции «Столицы» задержал одного интеллигентного вида мужчину, который тоже оказался одним из научных сотрудников одного научно-исследовательского института г. Москвы, при попытке передачи им одному представителю одного иностранного государства одних совершенно секретных материалов по одной тематике, могущей совершить переворот в обороне, от одного иностранного государства, которое лелеет планы. Проклятый изменник Родины был не один. Вместе с ним была задержана одна старшая научная сотрудница одного научно-исследовательского института (г. Москва), располагающая столь секретными материалами тоже оборонного характера, что ее все равно бы ничего не спасло, даже если бы она заперла себя и из дома бы не вышла. Она была задержана как раз в тот момент, когда она в другом углу уже давала одному представителю одного иностранного государства эти материалы вместо того, чтобы если и давать одному из одного, будучи также одной из одного, то хотя бы не иностранного, а одного из наших.

Оба задержанных доставлены в одно из учреждений г. Москвы, которое ловит шпионов, только не говорит кого, где, когда, за что, от кого и кому от этого хоть одна польза, кроме высоких окладов, не вмещающихся в сознание, — но ловит. И ведет следствие. Как будто бы и без него не ясно, что каждый пойманный молодчик(ца) входит в целую цепочку таких же отъявленных молодчиков(ц).

Сотрудники «Столицы» на собрании коллектива приняли решение перекрыть показатели одного из своих сотрудников и задержать не по два, а по три научных сотрудни-

ка научно-исследовательских институтов г. Москвы, женщин в том числе. Мы вызвали на соцсоревнование сотрудников одной другой центральной газеты.

Будем признательны читателям «Столицы», если они тоже примут посильное участие в поимке шпионов — на работе, дома, в городском общественном транспорте, во дворе, в магазине, в кино, в зонах отдыха. Может, кого из соседей знаете научных сотрудников или друзей, знакомых. Может, у кого родные есть научные сотрудники или родители.

Обо всех конкретных случаях просим сообщать письменно в редакцию по адресу: 103051, Москва, Петровка, 22, а если неотложно, то по телефону 928-76-34 круглосуточно.

Тайна вклада гарантируется.

НАДО ПОВЫСИТЬ ЦЕНЫ

Выступая по первой программе Центрального телевидения, Председатель Совета Министров СССР тов. Рыжков с дрожью в голосе (прежде, помнится, он выступал без всякой дрожи) заявил, что на хлеб нужно поднять цены, потому что сейчас хлеб стоит очень дешево и мальчишки гоняют им в футбол.

ОТ РЕДАКЦИИ «СТОЛИЦЫ»

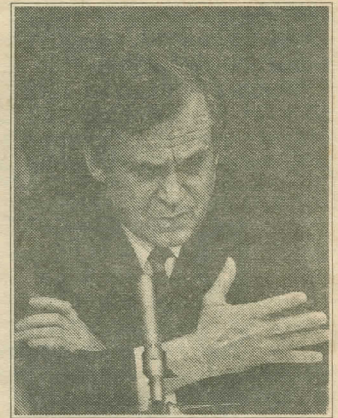
НАДО ПОВЫСИТЬ ОБРАЗОВАНИЕ

Если мальчишки и гоняют в футбол хлебом, то не оттого, что он

дешево стоит, а оттого, что он низкого качества. Свежий хлеб не выбрасывают. Хлеб, как и любой другой продукт питания, хочется есть свежим. Теория о том, что будто бы черствый хлеб есть даже полезнее, выдумана теми, кто испытывает ностальгию по войне и кто в мирной жизни придумывает трудности, чтобы их героически преодолевать. Кому вреден мягкий хлеб, тому врачи прописывают сухарики, которые, кстати, изготавливаются из муки высшего сорта.

Так неправильно определенная причина привела к совершенно неверному выводу. После чего народы СССР кинулись в магазины раскупать все мучное, а заодно, предчувствуя недоброе, и все вообще. И их можно понять: 10 августа Совет Министров все-таки повысил закупочные цены уже не только на зерновые, но и на семечки, из которых давят подсолнечное масло, сахарную свеклу, хлопок, лен, табак, чай, мясо, птицу, молочные продукты... Теперь даже, простите, дома сходить в уборную будет стоить дорожке, потому что вздорожала еще и бумага. Бумаги у нас очень много и дорожать ей вроде бы не с чего. Разве с того, что Госплан СССР и Госснаб СССР большую часть ее отдают министерствам и лишь незначительную — на книги, газеты, журналы. Новые самостоятельные газеты потому так и дороги, что энтузиасты скупают ее у министерств, которые готовы давать деньги хоть из семечек, потому что предприятия перешли на хозрасчет и им нет никакого интереса содержать кабинетных работников...

Мы тут посоветовались и решили: на народные деньги нужно открыть курсы повышения квалификации министров. И на время обучения предоставлять им не первую, а учебную программу ЦТ.

мос решенис, на котором наши редакционные народные депутаты уже собрали целую уйму разных подписей и оставалась только одна, последняя, его, Самого Большого начальника. А Самый Большой возьми и потеряй документ. Нет решения — нет помещения. Нет помещения — нет редакции «Столицы». Нет «Столицы» — нет у нового Моссовета своего органа печати. А кто сказал, что бумагу потеряли? Не потеряли. Просто найти не могут.

Наши депутаты кинулись к Самому Большому начальнику: как же так?.. А секретарша их не пускает. Она, говорит с понятным почтением, сейчас заняты. Звоните, говорит, звоните, товарищи, обязательно, говорит душевно, найдем ваше решение, звоните, девочки уже ищут. Звонят. А надо сказать, что в конторе у «оных» есть помимо секретарш еще и помощница. Это особая такая должность в системе Исполнительной Власти. У помощница оклад выше секретарского. Солидная административная единица с функциями, как вы догадываетесь, командными. Я ее представляю не иначе как в кофте с жабо. Так вот, эта помощница на звонок отвечает буквально следующее:

— Соединить не могу. Занят. Он принимает Комиссию европейских сообществ.

Только не пояснила, в чем состоит этот прием. Вроде бы решать Самому Большому начальнику теперь ничего не положено. Он должен ИСПОЛНЯТЬ решения Моссовета. А для этого никаких ПРИЕМОВ вести не требуется. Но вот так прямо и ответила!

Звонят в другой раз, а эта же помощница отвечает буквально следующее:

— Соединить не могу. Занят. Он принимает министра какого-то машиностроения.

И опять без объяснений, что там за великосветские ПРИЕМЫ в рабочее время ведет и. о. заместителя председателя всей ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ. Тогда наши депутаты в поисках утерянного документа приезжают на улицу Огарева, где в прекрасном дворце князя Меншикова ныне располагается Управление учета и распределения жилой площади, и, минуя взвизгнувших секретарш, одна из которых, как вы помните, помощница, входят в кабинет Начальника начальников. Получилось, что тоже на прием. Сидит он в своем дефицитном кабинете один, отражается в полированном столе и, видимо, узнав депутатов в лицо (их часто показывали по телевизору), не поздоровавшись даже, отвечает:

— Вам же сказали, что у меня нет!

Значит, понял, за чем приехали. Народные депутаты ему вежливо объясняют, что затягивать предоставление помещения для редакции означает откладывать гласность в долгий ящик.

— Ну, вот сделаем у себя субботник, тогда и отыщем вашу бумажку! — в сердцах отвечает Совсем Большой начальник. А откуда, к слову сказать, он в свой кабинет свалился, мало кто знает, об этом народу не докладывают. Наверное, для того, чтобы не смеялись, поскольку в данном случае произошло не падение сверху, а, наоборот, воспарение. Со стула заместителя первого заместителя председателя бывшего Мосгорисполкома — на стул и. о. заместителя председателя Исполкома нынешнего. Короче, из заместителя заместителя стал заместителем со своей собственной гвардией заместителей. То есть «оных» — Совсем Большой начальник без году неделя, к тому же, напоминая, и. о., то есть еще депутатами не утвержденный.

Документ не нашли ни в субботник, ни во вторник — никогда. Тогда наши депутаты стали собирать подписи по новому кругу. Только было им в этот раз строго-настроено велено служащими Исполнительной Власти собрать подписей гораздо больше, чем на первом, утраченном документе.

Даже еще не все подписи собрали, как вновь случайно оказались в кабинете и. о. Совсем Большого начальника. И. о. почему-то не кричал, наоборот, проявил благодушие и целый час рассказывал о том, какая у него тяжелая работа: все требуют от него то жилое, то нежилое помещение... А закончился разговор тем, что и. о. презрительно махнул рукой на бланк с решением, изроченным некоторыми подписями, и говорит: зачем вы ходите подписи собираете? Плевать на эти подписи! Я сейчас еду обедать на Советскую площадь, там и получу для вас две самые главные подписи, а вы ко мне, говорит, загляните после обеда...

И были Подписи, и был Ордер на помещение, но не было новоселья. Потому что дом, предназначенный большими и малыми начальниками Исполнительной Власти для редакции «Столицы», оказался прочно занятым. Все тем же исполкомовским Управлением. Служащие его сперва не поверили, что их «выгоняют». А когда узнали вдобавок, что их вообще сокращают, в здании поселилось отчаяние. Мужчины и женщины, отцы и матери семейств, вдруг оказались перед фактом безработицы, о которой так бывает занимательно читать в газете. В лице этих несчастных людей не выпустившая ни одного номера «Столица» наверняка приобрела первых врагов. Дело было представлено так, что вот если бы не редакция, то они бы сидели в своих кабинетах и дальше. Неуловимые люди распространяли слухи, что народные депутаты «вышвыривают» бедных женщин из кабинетов, «выбрасывают» из дома на улицу под дождь (в те дни лили нескончаемые дожди), даже приезжала кем-то вызванная милиция. И уезжала. Потому

что интеллигентные депутаты, поправляя указательным пальцем очки, показывали розовый ордер. Невидимый юнкер усиленно втягивал народных депутатов в мелочную борьбу, нет, в драку за лес, то бишь, за помещение, оттягивал момент выхода первого номера еженедельника. В один из дней в кабинетах шестого этажа не оказалось ни мебели, ни телефонных аппаратов, ни даже розеток. Редакция была — и редакции не было. Первые номера делались, как будто они нелегальные, — дома, на квартирах у сотрудников. Но пусть по шестому этажу и в совершенно пустых комнатах гулял ветер — это была уже редакция.

Однако не только в трудном новоселье статья. Разделение власти на законодательную (парламент) и исполнительную (правительство) теоретически совершенно правильно. Оно — первый признак настоящей демократии, говорят нам те, кто побывал в Америке. Зачем, однако, точная копия демократии из высших государственных сфер спустилась на уровень города и даже деревни? Зачем целое правительство со всей его атрибутикой городу? Уж не говоря о деревне. Не достаточно ли городу одного парламента во главе с мэром и скромного кабинета исполнителей без «власти»? Процедура предоставления «Столицы» помещения доказывает, что городские министры со своими разбухшими, многолюдными, неповоротливыми министерствами только мешаются под ногами, они способны потопить любой корабль, сжечь целый флот, но не отдать депутатам даже одного дома. Даже кабинета!

Решил городской парламент создать еженедельник «Столица». Что, по идее, должна делать исполнительная власть? Такое помещение предоставить. Вместо этого на бланке отпечатывается «Решение» и велено собирать по городским «министерствам» согласовательные подписи. Одно «министерство» находится на проспекте Мира, другое — на улице Огарева. Один начальник («министр») в отпуске, другой — болеет. Поди, пособирай подписи. А кончилось дело тем же, чем оно кончалось в счастливых слухах и до 1985 года: один моссоветовский начальник поговорил за обедом с другим — и помещение стало нашим. Да нужна ли городу, даже столь большому, как Москва, такая Исполнительная Власть с ее недоступным председателем, неуловимыми заместителями председателя, Главными управлениями, Управлениями, надменными начальниками, злыми сменными секретаршами — отвечает ли она своему названию?

И как же вся эта уйма чиновного люда ИСПОЛНЯЕТ решения Моссовета? Она — пишет. Во всех кабинетах — письменные столы. Пишут друг другу — один инспектор другому, один начальник ни за что не поставит подписи, пока на бумаге не стоит подпись какого-то ранее обусловленного другого начальника («министра»). Да это не Исполнительная Власть, а одна Исполнительная Пишущая Контора!

И что же она пишет? Моссовет всегда любил принимать решения, счет прежних решений перевалил, должно быть, за десятую тысячу, решения выдавались на-гора. Нынешний Исполком Моссовета продолжает добычу решений. Я видел былые решения — бланки с машинописным текстом на лицевой стороне и иногда с переходом на оборотную сторону. Но решения, подобного свежему решению Исполкома Моссовета № 1063 от 26 июня 1990 года, видеть прежде не приходилось. Это — книга. Ее листаешь, листаешь... И к старым решениям ни у кого давным-давно никакого доверия не было, а уж к таким-то...

Прежде всего — зачем Исполнительная Власть вообще принимает Решения? Это же функция Законодателя. Потом — кто конкретно участвует в принятии решений? Они же не депутаты. Они лишь дискредитируют новую власть. Далее — кому адресовано Решение? Начальникам. Они там опять назначаются ответственными за ремонт, за строительство, за поставку материалов... Да ни за что они не ответственны: отобранием партбилета теперь никого не напугаешь. Сидят в

своих кабинетах и сидят. Возят их на «Волгах» и возят. ИСПОЛНЯЮТ решения не они, а те, кто строит, привозит на грузовике материалы, кто красит стены, моет окна, мостит улицу, выпекает хлеб, делает газету, — каждый из нас. И любому из нас самой судьбой уготовано судить о том, как решения Моссовета исполняются. И наконец — кем подписано решение? Тем самым средним большим начальником, которым теперь наверняка гордится «аппарат президента СССР». Это он сделал прощальный подарок Москве — поставил свою подпись, чтоб не забывали. Мы и не забываем, что ему все равно, что подписывать, — работа у него такая, подмахивать бумаги...

Почему бы Моссовету не отказаться от услуг своего скомпрометированного Исполкома и сократить не одно Управление ввиду его полнейшей ненадобности, на место которого въехала редакция, а все? Я не против учреждений, и мне очень жалко мужчин и женщин, отцов и матерей семейств, но они должны перестать писать. Эти учреждения должны ужаться, стать компактными, подвижными — словом, рабочими, необходимыми городскому хозяйству позарез. Они должны облегчать жизнь горожан, а не морочить им голову и не истязать медлительностью.

Только такой должна быть настоящая Исполнительная Власть, если мы не хотим, чтобы демократия пошла ко дну вместе с кораблем, с которого сбежали начальники, но на палубе которого еще остались мы.

**Борис
ЕЛЬЦИН:**

**«Этим людям надо
платить за то, что
они живут в таких
невыносимых
условиях».**

(Из газетных отчетов
о поездке по стране
Председателя Верховного
Совета РСФСР.)

фото В. Курохтина

СТОЛИЦА

Юрий
БЫЧКОВ

ПОСЛЕДНИЙ НАМЕСТНИК МОСКВЫ

История о том, как первый секретарь московского горкома партии Юрий Прокофьев оказался последним руководителем нашей столицы, получившим власть над городом недемократическим путем.

ЧЕЛОВЕК «СНИЗУ»

На 51-м году жизни мало кому известный, кроме ограниченного номенклатурного контингента, классический аппаратный функционер Юрий Прокофьев стал руководителем одной из самых крупных и престижных вотчин КПСС — московской партийной организации.

Понятное дело, что получить такой высокий пост совершенно непросто и для всякого смертного недоступно. Стали возникать резонные вопросы: кто он такой и откуда? Не учился ли вместе с Горбачевым? Не родственник ли Раисы Максимовны? Оказывается, никаких таких связей, скрытых от глаз бдительного народа, у Прокофьева нет.

Юрий Анатольевич — обычный партийный аппаратчик. Живет в Сокольниках в удивительно скромной двухкомнатной квартире в три-

дцать пять метров. Начинал, как и положено парторботнику в его годах, с комсомола. Потом была работа в Куйбышевском районе, жителям которого из года в год доверял право избирать себя в депутаты верный брежневский аппаратный лакей Константин Черненко. Будучи первым секретарем райкома, Прокофьев активно организовывал показушные встречи местных избирателей с политической мумией последнего застойного Генсека. И надо думать, сходя в могилу под Кремлевской стеной, тот благословил прилежного организатора на стремительную карьеру. Иначе я не могу объяснить его скачок из райкома в горком.

Любопытный читатель сегодня без труда найдет краткую биографию Прокофьева. Правда, была в ней и не совсем гладкая страница. Когда он добрался до должности заведующего отделом

горкома, его неожиданно устранили от партийной работы. Перевели секретарем Мосгорисполкома. Говорят, не сработался с Борисом Ельциным.

После политической казни Ельцина на пресловутом пленуме МКГ партаппарат вновь вспомнил о Прокофьеве. Новый хозяин горкома и города Лев Зайков вернул Юрия Анатольевича в родные кабинеты.

В общем, как видите, нет в его биографии ничего драматического и поучительного. Я попытался навести о Прокофьеве справки у тех, кто раньше с ним соприкасался по работе. Тоже никаких ярких впечатлений. Последовал лишь один дельный совет: внимательнее читайте его речи. Он любит и умеет говорить.

Неожиданное появление Прокофьева на вершине московской партийной власти кто-то назвал еще эффектом

Собачка в аппаратном исполнении. Жил себе человек, которого никто не знал. Несколько раз высказался в нужный момент в нужном месте. И теперь его на улицах узнают.

Выступая после избрания, он не без гордости, хотя и не страдая от скромности, заявил: «За последнее время впервые первый секретарь МКК КПСС приходит, не «сверху» — из вышестоящих партийных органов, а «снизу» — пройдя весь свой путь в городских организациях».

ВЫДВИЖЕНЦЫ И НАЗНАЧЕНЦЫ

Нашему человеку, думаю, не надо рассказывать, что значит первый секретарь. Насмотрелись мы на их территориальное самоуправство.

Конечно, и на него можно было найти управу в вышестоящем органе. В том, который назначает и может убрать. Так что первого секретаря уместнее сравнивать не с царьком и князьком, а, скорее, с заместителем центра, прокуратором. Тем более, что многие годы существовала строгая система подбора кандидатур на такие должности. Назначенец должен был обязательно проработать в вышестоящем органе, чтобы лучше на месте понимать указания начальства.

Для Прокофьева, в духе времени, сделали исключение. Но не сомневайтесь, что его кандидатура была предварительно согласована с Политбюро.

Зачем же тогда вышестоящий орган устроил на пленуме горкома демократический маскарад? Назначили бы, как раньше, и голову выборщикам не морочили своими альтернативами. Не скажите. После сокрушительного поражения на прошлогодних выборах народных депутатов партия, видимо, сделала для себя определенные выводы. Поняла, что нельзя так явно игнорировать демократические процедуры.

Тем более приближались выборы в Моссовет. И партия не хотела терять своего контроля над этим выборным органом. Предстояла непривычная парламентская борьба. Чтобы умело вести ее, московским коммунистам нужен был лидер, не назначенный со стороны, а избранный из своих рядов. Унылая

фигура Льва Зайкова для этой цели явно не подходила. И тогда перст фортуны указал на кандидатуру Прокофьева.

«УЖ МОСКВУ-ТО МЫ ПОДМЕТЕМ!»

У должности партийного хозяина Москвы по сравнению с периферийными наместниками были свои преимущества и недостатки. Заманчиво, конечно, управлять многомиллионной имперской столицей. Это вам не Урюпинск и не Жмеринка. Но, с другой стороны, — постоянно на виду у начальства. Так что дело рискованное. Опасное. Впрочем, как показала история с Гришиным, кремлевское начальство занято своими важными делами и к работе дворников, торговли и общественного транспорта не приглядывается.

Настоящего хозяина у города в тот момент как раз не было. Зайков тоскливо досиживал свой срок в кресле первого секретаря горкома, за два года, как мне кажется, толком так и не поняв, почему именно его, оборонщика, поставили управлять после Ельцина защищенной от Руста Москвой.

Горисполком, и раньше не отличавшийся усердием и исполнительностью, предчувствуя в то время перемену власти, вообще бил баклуши. Зима в тот год началась рано. Уже в середине ноября улицы Москвы были завалены снегом. Их практически не чистили.

Москвичи и гости столицы стали жаловаться прямо в ЦК. Надо как-то реагировать. Зайкова неудобно было тыкать носом в необрунный снег. «Козлом отпущения» сделали председателя Мосгорисполкома товарища Сайкина. Ох, и досталось же ему в эти дни от журналистов. Конечно, он заслужил словесной трепки. Однако теперь, задним умом, мы могли бы понять, что неспроста его нам выдала номенклатура для бичевания. В подсознание москвичей ненавязчиво вдалбливалась мысль о том, что горисполком в Москве никакой не хозяин.

А хозяин в городе по-прежнему горком. Не случайно после выборов тележурналист спросил Прокофьева: Когда же с улиц Москвы уберут снег? И Юрий Анатольевич, не задумываясь, пообещал: «Уж Москву-то мы

подметим!» И подмели. Подчистили. Даже в табачных киосках.

РЕШИТЕЛЬНАЯ БОРЬБА ЗА ПЕРЕДАЧУ ВЛАСТИ

Сразу же после выборов Юрий Анатольевич, как требовала того партия, активно взялся лишать себя неограниченной власти в столице, чтобы постепенно передать ее избранникам народа. Дело было новое, незнакомое. Как брать власть, знали, в крайнем случае, можно было посоветоваться со старыми большевиками. А вот как ее передавать, не ведал никто.

Заедал быт. Мешал мыслить стратегически. Поначалу речи первого секретаря носили явно хозяйственный уклон. Сказывался, вероятно, опыт работы в Мосгорисполкоме.

На одной из пресс-конференций журналисты, люди смелые по нынешним временам, посмели даже упрекнуть хозяина города — не слишком ли много внимания первый секретарь уделяет хозяйственным проблемам. Юрий Анатольевич, как писалось потом в газетном отчете, без всякого маневрирования изложил свою позицию. Декать, одновременно передать все экономические заботы Моссовету, райисполкомам невозможно. Это не простой процесс. Но уже сейчас партийная организация все больше и больше ориентируется на политические методы руководства хозяйственной жизнью.

Из сказанного выше я понял следующее: Советы не готовы еще принять по описи власть в городе. Ими пока нужно руководить, направлять. Власть хоть и кажется штучкой доступной, но ею, тем не менее, тоже надо учиться грамотно пользоваться. И первый секретарь охотно взялся руководить ликбезом городского управления.

В декабре то и дело заседало бюро горкома партии, на котором обсуждались самые разные хозяйственные вопросы.

На эти заседания в обязательном порядке вызывались под видом приглашенных и ответственные работники горисполкома. С большевистской прямотой коммунисты горкома распекали коммунистов исполкома за ошибки и пассивность.

Не привыкшие к каждодневному уморному труду,

исполкомовские работники даже зароптали от такой настырной партийной опеки.

Наконец, горком устроил депутатам контрольную проверку на зрелость. Дал добро на проведение сессии Московского городского Совета народных депутатов. Сессия прошла успешно. Повторяли то, что несколько недель назад обсуждали на бюро горкома.

КОММУНИЗМ ПЛЮС СОЦИАЛЬНАЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ

Однако старый состав Моссовета Юрия Анатольевича, судя по всему, мало волновал. Тут он скорее набивал руку, вырабатывал негромкий и доверительный командный голос. А голова болела о другом. О предстоящих выборах в Моссовет.

Это уже была не игра в поддавки с демократией. Тут дело посерьезнее. Предстояла настоящая политическая борьба, ради которой, собственно, он и был выдвинут в лидеры московских коммунистов. Ставки велики. Исход выборов на пять лет определит политическую атмосферу в руководстве города. И, чего доброго, горком действительно может лишиться реальной власти.

Важно было сохранить партийные рычаги воздействия на Моссовет. Этой проблеме и был посвящен очередной пленум горкома партии, на котором первый секретарь выступил с докладом «О политических тезисах МКК КПСС к выборам в республиканские и местные Советы».

Пользуясь случаем, Юрий Анатольевич еще раз напомнил собравшимся о том, что горком решительно выступает за передачу власти Советам. Но пусть трудящиеся не волнуются. Власть эту кому попало в руки не отдадут.

— Мы, — заявил первый секретарь, — ...за безусловное право партии проводить свою политику через коммунистов, избранных в органы народоуправления. И далее: «Мы готовы поддержать каждого из кандидатов в депутаты, который... признает социалистический выбор».

Иначе говоря, горком посулил москвичам сформировать очередной карманный Моссовет, который будет строго следовать в партийном фарватере. Куда? Коммунизм сейчас никого не вдохновит. Без острой при-

правы эту фантазию с душком сейчас лучше не всучишь. Никто не верит и известной ленинской формуле насчет советской власти. Чтобы наполнить эту власть современным содержанием, Юрий Анатольевич к коммунизму прибавляет еще и социальную справедливость.

Тут есть о чем поговорить. Жилье — каждому, привилегии — никому. Наверное, Джон Рид с меньшим удивлением смотрел бы на Владимира Ильича, когда тот с энтузиазмом рассказывал об электрификации всей Руси, чем разувевшийся москвич слушал жилищные откровения первого секретаря на этом пленуме. «Откровенно нужно признать», — говорил Юрий Анатольевич, — что комплексная программа обеспечения каждой семьи отдельной квартирой к 2000 году хотя и реальна, но находится под угрозой срыва». Так что не слушайте разных там специалистов, не верьте глазам своим. Если партия говорит, что квартиры будут, значит, ждите.

Любопытен и выход к намеченным рубежам. Он, «прежде всего, в наведении строжайшего учета и контроля за распределением жилья...» Не случайно говорят: тот, кто привык отнимать и делить, никогда не будет прибавлять и множить. Охваченный энтузиазмом распределения, докладчик незаметно переходит к пафосу перераспределения. Теперь уже в сфере торговли. «Мы — за справедливое перераспределение товарных ресурсов между нашим городом и близлежащими областями».

ХОЖДЕНИЕ В НАРОД

Юрию Анатольевичу не откажешь в способности быстро осознать собственные ошибки. После месяца непрерывного общения с аппаратно мыслящими людьми он, наконец, решает идти в народ. Надо возвращать утраченное партией доверие в массах. Да и время сейчас такое, нельзя скрываться от собственного народа в охраняемых милицией и секретаршами кабинетах.

Накануне Нового года товарищ Прокофьев отправляется на встречу с творческой интеллигенцией.

«Горком партии, — заявил Юрий Анатольевич собравшимся интеллигентам, — намерен серьезно

заняться проблемами улучшения материально-технической базы культурных учреждений столицы». А «начинку» этой самой базы горком доверяет стотысячной московской армии творческой интеллигенции.

Образно сказано. Я сразу себе представил армию из более или менее мыслящих людей. А вот творческую начинку материально-технической базы представить труднее. Впрочем, что можно доверять «прослойке», кроме «начинки».

Кандидатом в народные депутаты РСФСР Прокофьева выдвинули два района, кандидатом в депутаты Моссовета — шесть. Потом мне говорили, что первый секретарь снял свою кандидатуру с тех округов, где боялся конкуренции, в том числе из того, в котором жил, и из того, в котором работал. И дал согласие баллотироваться в отдаленном Бутово — районе, недавно присоединенном к Москве. Насчет боязни, не знаю. Не имею соответствующих документов. Но Бутово тоже не подарок.

Прокофьев же свой странный выбор объяснил довольно туманно. Дескать, долг у меня перед жителями Бутова. Как-то раз, мол, обещал к ним приехать, но так и не добрался.

Однако не будем докапываться до действительных причин. Простим первому секретарю маленькие предвыборные хитрости, если они, конечно, были.

К сожалению, во время предвыборной кампании я не спрашивал у Юрия Анатольевича, как он относится к горбачевской идее о соединении постов партийного и государственного руководителя в одном лице. Прокофьев на сей счет особо тоже не распространялся. Правда, однажды обмолвился, что в принципе он против такого совмещения. Просто не по силам это одному человеку. Однако, учитывая обстоятельства, он поддерживает такое совмещение. Так что нам остается только гадать о позиции Прокофьева на сей счет, тем более, что это признание он сделал уже через несколько месяцев после выборов.

Не думаю, что он очень стремился стать мэром Москвы. Важнее было сохранить партийное влияние в Моссовете. И вопрос о мэре города решил бы сам собой.

ФЕВРАЛЬСКАЯ ЭВОЛЮЦИЯ

В феврале Москву потрясли две крупнейшие политические манифестации, проходившие в поддержку перестройки.

Они не на шутку испугали партаппарат. Особое впечатление, конечно, произвела первая демонстрация, когда свыше двухсот тысяч человек прорвались на Манежную площадь и устроили там митинг. Разгневанное людское море несколько часов бушевало в опасной близости от Кремля. Выступая на том митинге, Юрий Афанасьев, помнится, сравнил эту политическую акцию с февральской революцией 1917 года. Но он ошибся. События развивались далее не с революционной скачкообразностью, а плавно эволюционировали.

Первый секретарь горкома тоже был на том митинге. Но выступать перед огромной, недружелюбно настроенной аудиторией не решился. Объяснил потом, что собиравшись с мыслями перед выступлением на завтрашнем пленуме ЦК КПСС. О своих впечатлениях поделился по телефону только с Горбачевым.

Но, судя по выступлению Прокофьева на открывшемся в понедельник пленуме ЦК КПСС, Юрий Анатольевич так и не понял, что произошло в Москве 4 февраля. О манифестации он упомянул вскользь, призывая соратников к абстрактному динамизму. «Мы должны быть не партией слов, а партией активного действия. Перемен надо не желать, а осуществлять их».

Партию лихорадило. Она отставала от общества. И, пытаясь догнать его, принимала поспешные решения. Горком тоже сделал неверные выводы из прошедшей манифестации. Он решил не придавать этому событию особого значения. И эта ошибка стала для него роковой. Способствовала во многом быстрой потере политической власти в городе.

Процессы в обществе продолжали эволюционировать независимо от партийных оценок. Следующая манифестация была намечена на последнее воскресенье февраля. Сделай горком партии выводы из первой политической акции, он бы не оказался перед выборами в незавидной роли провокатора и предате-

ля демократических преобразований.

Вероятно, сверху высказали опасение, что очередная манифестация может привести к революционному насилию. Горком, чувствовалось, не имел собственного мнения по этому поводу. И вместо того, чтобы успокоить горожан, взять под контроль ситуацию в столице, партийное руководство Москвы охотно поддержало исходящее с Лубянки истерическое нагнетание всеобщего психоза. Мне даже звонили знакомые из других городов и с тревогой спрашивали: что там у вас в Москве происходит и ожидается?

Кто-то считал, что сил правопорядка недостаточно, и в город тихо были введены войска. Горком партии, который в тот еще момент являлся полноправным хозяином в городе, мог выйти навстречу демонстрантам и спасти свое реноме. Но он предпочел отсидеться за спинами солдат.

Демонстрация прошла на редкость мирно, тем самым еще сильнее подорвав авторитет горкома партии и ее лидера.

Третьего марта бюро МК КПСС обратилось к избирателям Москвы с призывом отдать депутатские мандаты тем, «кто в нынешней сложной обстановке не на словах, а на деле утверждает политическую стабильность, гражданское согласие, демократические принципы и социальную справедливость». Но, по моему, это была попытка купить билет на уже ушедший поезд.

НАЧАЛО КОНЦА ДВОЕВЛАСТИЯ

Предварительные итоги выборов в Моссовет ему доложили утром пятого марта, на 105-й день его пребывания у власти. Он воспринял сообщение без лишних эмоций. Говорил потом, что они ожидали таких результатов. Выдержке Прокофьева можно было позавидовать. По оценкам экспертов, после повторных выборов состав Моссовета как минимум на 70 процентов будет состоять из сторонников блока «Демократическая Россия».

Сам Прокофьев набрал чуть больше сорока процентов голосов избирателей и имел реальные шансы пробыть в Моссовете на повторных выборах. Но личная победа была слабым утешением. Ни при каких вариантах

он не получал контроля над Моссоветом. Многолетняя партийная диктатура в Москве была обречена и неудержимо неслась к финалу.

Но последний партийный наместник столицы не терял видимого оптимизма. Он с гордостью рассказывал о немногочисленных победах аппаратчиков на прошедших выборах и по привычке поучал народных избранников. «...Партии проще отказаться от всех властных функций, но готовы ли Советы взять власть в свои руки в полной мере? Думаю, что пока нет».

КАЖДОМУ ИЗБИРАТЕЛЮ — ОТДЕЛЬНУЮ КВАРТИРУ

Однако мы плохо знаем товарища Прокофьева, если думаем, что он так спокойно и безвольно уступал власть над городом независимому, впервые избранному демократическим путем Моссовету. Его оптимизм перешел в агрессивность. «Надо резко повышать роль и значение партийных групп в Советах, — вещал он, готовясь к повторным выборам. — Именно через них мы намерены проводить свою политику».

Он призывал истинных коммунистов драться за власть в Моссовете, даже оказавшись в меньшинстве.

Избиратели, вероятно, помнят, что в этом году по сравнению с прошлым была резко сокращена предвыборная агитация. Всем кандидатам из-за острой нехватки бумаги полагались небольшие стандартные листовки. Юрий Анатольевич отменил демагогические рассуждения о равенстве возможностей.

Почтовые ящики жителей Бутова в дни, предшествовавшие повторным выборам, были плотно набиты. Сейчас трудно установить, каким образом и где первый секретарь добывал дополнительную бумагу на предвыборную агитацию. Это уже скорее моральный вопрос. Мы же обратим внимание на содержание некоторых бумажек, полученных избирателями. На одной из них — обращение к жителям Бутова, подписанное «инициативной группой избирателей». В нем, в частности, говорится: «Народ сыт по горло пустыми обещаниями. Становится страшно и противно. 10 марта с. г. депутат Бочаров М.

А. провел встречу с жителями Бутова, где призывал нас голосовать за своего сторонника и единомышленника Иодиса Я. Я. Что выполнил Бочаров М. А. из своих предвыборных обещаний, мы знаем: НИЧЕГО. Что сможет сделать его единомышленник Иодис: то же самое НИЧЕГО».

В отличие от демагога Прокофьев Ю. А. ничего не обещает: он принимает конкретные меры для решения наших насущных вопросов и проблем».

И далее следует тринадцать обещаний, которые выполнит первый секретарь горкома, если его изберут депутатом.

Я понимаю, что сам Юрий Анатольевич, возможно, и не имел прямого отношения к этому обращению. Мало ли кто может скрываться под инициативной группой избирателей. Но тем не менее оно не может не шокировать здравомыслящего человека. Допускаю резкости в пылу предвыборной полемики. Но не могу воспринимать откровенного хамства и грубости, которыми пронизано это послание. Здесь же мимоходом оскорбляется и народный депутат СССР, человек, известный всей стране. Кем бы ни были анонимные авторы, но они должны понимать, что таким образом нельзя агитировать за первого секретаря, за человека, который собирается создавать материально-техническую базу нашей культуры. Да вы только посмотрите, какие хамы его поддерживают, кто за него голосует!

Впрочем, допускаю, что он вообще не видел это письмо-обращение, хотя, думаю, и мог поинтересоваться, если дорожит своим авторитетом. А вот присланную вместе с обращением анкету Юрий Анатольевич подписывал сам. В ней он убедительно просил избирателей высказать свою точку зрения по ряду интересных вопросов. А именно: «Где вы хотите жить? (Напишите конкретно) — в прежнем доме, квартире, в новой квартире, в новом малоэтажном доме с приусадебным участком». К анкете прикладывался конверт с обратным адресом Юрия Прокофьева на Старой площади. А на конверте, естественно, марка — чтобы избирателю не пришлось тратить, вот какая забота о простом человеке.

Честно говоря, если бы меня с подобной дотошностью расспрашивали, в каком доме или квартире я хочу жить, ей-богу, подумал бы, либо меня считают за идиота, либо спрашивающий — фокусник. Да и не совсем прилично допытываться у голлодного: какое мясо ему больше нравится — вареное или жареное.

Но, подписывая эту анкету, Юрий Анатольевич, вероятно, руководствовался соображениями иного, морального порядка. Впрочем, если задуматься, он даже творчески обогатил идею Горбачева обеспечить каждую семью к следующему тысячелетию отдельным жильем. Прокофьев пошел дальше простых обещаний. Он попытался выяснить, в каких именно обещанных домах люди хотят жить.

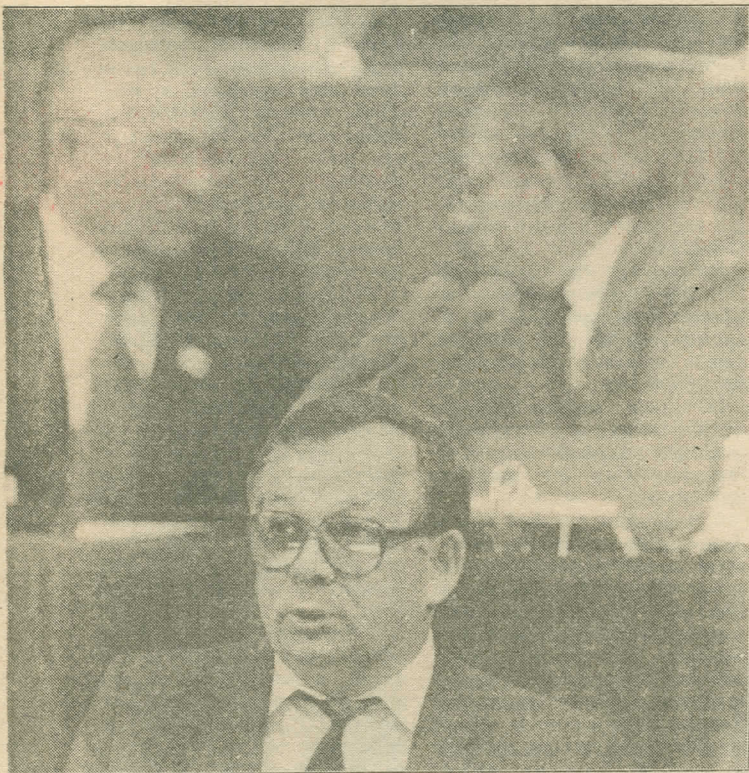
Избиратели по достоинству оценили находчивость Прокофьева, усовершенствовавшего несбыточную мечту о квартирах. Он набрал почти 70 процентов голосов избирателей и стал депутатом Моссовета. Что и говорить, доверие наших людей, так же, как и терпение, практически безгранично.

ОТМЩЕНИЕ ДЕМОКРАТИИ

Власть над огромным городом уплывала из рук первого секретаря. Попытка аппаратчиков создать свой блок «Москва» в противовес «Демократической России» не дала ожидаемого результата. Юрий Анатольевич, казалось, уже смирился с тем, что власть без него перешла в Моссовет. И все же у него не хватило благородства и мужества проститься с ней красиво, достойно, не теряя лица и авторитета.

Утром 15 апреля, ровно за сутки до открытия первой сессии Моссовета, читатели «Московской правды» с удивлением узнали, что эта газета больше не является органом Моссовета. Она принадлежит исключительно городскому комитету партии. Таким образом депутаты Моссовета неожиданно были лишены голоса при общении со своими избирателями. Нарождающейся столичной демократии в последний момент горком поставил подленькую подножку.

Но эти некрасивые размахивания кулаками после проигранного боя говорили

лишь о прогрессирующем бессилии прежней власти.

ЗАПОЗДАЛОЕ ОТРЕЧЕНИЕ

В конце апреля в МКК КПСС проходила очередная пресс-конференция с участием Прокофьева. Юрий Анатольевич, как всегда, был откровенен и доброжелателен. На вопрос журналистов, почему он, депутат Моссовета, редко бывает на заседаниях первой сессии городского парламента, ответил буквально следующее:

— Первую неделю я не пропустил ни одного заседания. Вчера во второй половине дня отсутствовал, поскольку можно многое упустить в работе городской партийной организации в такой ответственный период, когда ведется выдвижение делегатов на XXVIII съезд партии и городскую партконференцию. Ну, и себя я лидером «Москвы» не считаю.

Юрий Анатольевич имел, конечно, в виду блок «Москва». Но совпадение в названиях блока и столицы придало этой фразе иной, сакраментальный смысл. Смысл отречения от власти над городом. Он целиком решил посвятить себя партийной работе.

ТОЛКОВАТЕЛЬ ИЛЛЮЗИЙ

Еще в ходе предвыборной борьбы в одном из многочисленных интервью на вопрос журналиста: чем вызвана такая словесная активность партийного работника? — Юрий Анатольевич со свойственной ему прямой заявлял:

— Вы же не ставите подобный вопрос перед нашими известными экономистами, писателями, деятелями культуры, чьи публикации не сходят с газетных и журнальных полос... И я иду на контакт с прессой умышленно. Считаю, что коммунисты должны знать и мою оценку каким-то процессам и явлениям. И часто это не только моя личная точка зрения — это позиция горкома, которую должны знать москвичи.

Наконец-то после десятилетий глубокомысленного менторства у партии появился глашатай, который взял на себя смелость доходчиво, без начальственного окрика объяснить простым людям, что же эта партия хочет, к чему зовет, от чего защищает.

О чем же проповедует собирающемуся народу Юрий Анатольевич? Обо всем, что видит, слышит либо догадывается. Упрямо твердит о социалистическом выборе и коммунистической перспективе. Продолжает пугать трудящихся высохшим чучелом капитализма. Борется с инако-

мыслием характерными для перестройки способами. И гордится этим.

Впрочем, в его речах рассыпано много мудрых наблюдений и умозаключений. Причем порой весьма любопытных. Юрий Анатольевич, к примеру, утверждает, что «образ консерватора Ивану Кузьмичу Полозкову создан искусственно», что «ни одна партия сегодня не может обойтись без функционеров», что «женский вопрос» — один из определяющих для любой политической организации», что «Демократическая платформа» и «Марксистская платформа» — ручки одного и того же потока» и прочее.

Нет, я не против коммунистического просвещения. Порой даже интересно послушать, что думает лидер всех московских коммунистов по поводу той или иной трудности нашей жизни. Хуже было, когда секретарь вообще ничего не думал. А мы даже об этом не знали.

Но вот что меня коробит, когда я в очередной раз раскрываю «Московскую правду» и вижу там пространное интервью первого секретаря, исправно выдаваемое журналистами раз в месяц. Невольно вспоминается та неприглядная апрельская история, когда горком партии совершенно жульническим путем, в нарушение всяких юридических и человеческих норм, пользуясь правом сильного, отнял у своего многолетнего партнера по совместной издательской деятельности эту самую «правду».

МОЗГИ ПАРТИИ

В этой истории отстранения партии от реальной власти в столице можно было бы поставить точку. Но дополнительным штрихом к сказанному оказался XXVIII съезд КПСС. На нем Юрий Анатольевич Прокофьев был избран членом Политбюро. Конечно, это уже не то Политбюро, которое было раньше и руководило буквально всем в стране.

Но все-таки и сейчас не будем преуменьшать значение этого органа. Как-никак Политбюро по-прежнему мозг партии. Не сомневаемся, что Юрий Анатольевич сейчас участвует в мозговом штурме какой-нибудь важной партийной проблемы. Удивляет лишь, что при такой громадной интеллектуальной загруженности у него хватает сил и времени заниматься

проблемами города.

— Как партийная организация столицы влияет на хозяйственную жизнь города? — спросили у Прокофьева на недавней пресс-конференции.

— Через коммуниста Лужкова, — находчиво ответил Юрий Анатольевич.

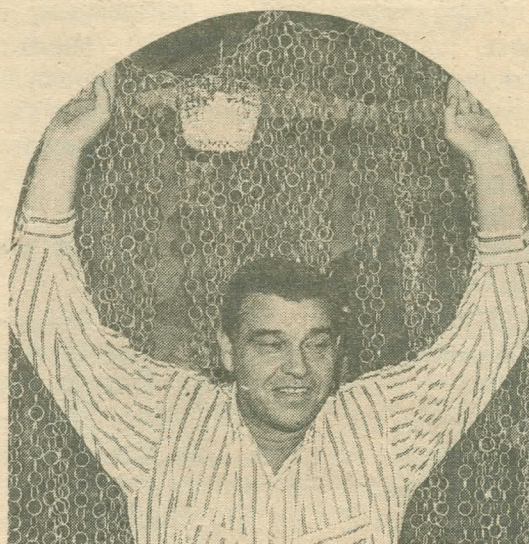
Что ж, оценим по достоинству это высказывание, этот, так сказать, черный юмор. Ведь на самом деле ни сама партийная организация города, ни ее лидер Прокофьев ни на что уже влиять не в состоянии. Их время кончилось.

А недавно Юрий Анатольевич стал еще большим демократом. Выступил на съезде российских коммунистов с резкой критикой программы полозковской партии. Выступил по сути с антипартийной речью, за которую несколько лет назад можно было поплатиться не только карьерой, но и свободой. Правда, сейчас не надо смелости и ума, чтобы ругать программу никому не нужной партии. Ибо она составлена так нелепо, в таком несоразмерном противоречии со здравым смыслом и человеческим опытом, что выразить с ней публичное согласие — значит дать повод окружающим серьезно засомневаться в способностях вашего рассудка, либо состоянии вашей совести.

Так что никакого героизма в этом выступлении я не вижу. И сегодня заявить о том, что по взглядам ты левее Ивана Кузьмича, это также банально, как вчера было рассуждать о преимуществах развитого социализма. Тем более для политического деятеля, которым себя считает Юрий Анатольевич. Для него это просто наиболее легкий способ набирать очки популярности вместо очков верноподданности.

Кроме того, выступление на съезде — всего лишь слова. А товарищ Прокофьев, как о нем говорили во время предвыборной кампании, человек дела. А дела в Москве сами знаете какие. Управленческий аппарат всех уровней, состоящий в основном из коммунистов, откровенно дискредитирует своим бездействием демократическую власть в городе, нагнетая тем самым социальную напряженность. И что-то я не слышал, чтобы первый секретарь горкома партии принимал какие-то конкретные меры против этого коммунистического саботажа.

ЭКСТРАСЕНС ПРОТИВ РЭКЕТИРОВ

До последнего времени известный исследователь психологических возможностей человека, заслуженный артист РСФСР, он же законопослушный гражданин, Юрий ГОРНЫЙ регулярно встречался с преступниками всех мастей только на своих концертах в исправительно-трудовых учреждениях.

Недавно кумиру зэков, милиции и остального населения страны пришлось попробовать себя в роли частного детектива и еще раз убедительно доказать, что возможности человека безграничны.

3 сентября около шести часов вечера в его мастерской раздался телефонный звонок. «Сделайте все, что они от вас требуют, иначе меня убьют», — умолял голос ассистента (назовем его Сергеем). И тут же — другой, нез-

накомый, голос с требованием немедленно привезти к метро «Беляево» три тысячи. Только тогда Сергей, взятый в качестве заложника, будет отпущен. И странное добавление: «Затихни на четыре месяца».

Что бы это значило? И почему только три тысячи, если уважающий себя рэкетир сегодня меньше десяти не просит?

Тот, кто знаком с Юрием Гавриловичем или хотя бы раз был на его выступлении, легко представит себе, какую бурную деятельность способен развить этот человек. Если бы наши органы правопорядка так реагировали на каждую информацию о преступлении, они скоро остались бы без работы. Короче, Горному, недовольному традиционной медлительностью означенных органов, ничего не остава-

лось, как включить свои «серые клеточки» (по выражению любимца Агаты Кристи месье Пуаро).

Не прошло и трех часов, как очередной телефонный звонок раздался... уже в квартире рэкетира. Ловцу удачи были сообщены его собственная фамилия, имя, адрес, а также предложено немедленно вернуть ассистента и самому пожаловать для извинений.

Похоже, это оказалось самым сильным потрясением в жизни вымогателя, который признал свое полное поражение. Заложник был моментально отпущен, приглашение «поговорить по-мужски» принято и предварительные извинения принесены прямо по телефону.

С согласия Горного я присутствовала при «мужском разговоре», который произвел на

меня неизгладимое впечатление.

Гладковыбритый, элегантный молодой человек в строгом костюме выглядел крайне смущенным. Тихая его речь отличалась изяществом выражений и интонаций. Казалось, что с этих милых губ, скромно очерченных усиками, просто не способны сорваться слова типа «мы тебя прикончим».

В порыве откровенности молодой человек поведал нам свою биографию. Сын отставного полковника из ГлавПУРа, бывший курсант военного училища, отчисленный за недисциплинированность, бывший внештатный сотрудник милиции, бывший зэк — дважды судим по 206-й статье, причем освобожден только две недели назад.

И теперь уже бывший, надеюсь, рэкетир, поскольку воспита-

тельная лекция Юрия Гавриловича, подкрепленная демонстрацией его защитного арсенала и телохранителей, несла в себе эмоциональный заряд необыкновенной силы. «Классный час» закончился кратковременным сеансом гипноза.

Расстались «поджентльменски». Горный обещал молодому человеку свое покровительство, если тот будет себя хорошо ве-

сти в дальнейшем, и посоветовал поехать на время куда-нибудь отдохнуть. Растрогав всех присутствующих, юноша ответил: «У меня нет денег». Но денег ему никто не предложил.

Читатели скажут, что это фантастика. Но Юрий Горный все 25 лет своего творчества, изо дня в день объясняет и доказывает, что ему чужда мистика, что все его пси-

хологические опыты даются лишь напряжением воли и ума. И «вычислить» преступника путем логических построений вовсе не труднее, чем мгновенно возвести любое число в любую степень или угадать задуманный зрителем предмет.

В последнее время имя Горного часто упоминается в связи с его скандальными разоблачениями самозва-

ных экстрасенсов и целителей всех сортов. А с «легкими» деньгами расставаться никому не хочется. Анонимные угрозы поступали и раньше. «Герой» последней истории подтвердил: косвенные просьбы «попугать» были, но передавались они через третье лицо. Вымогательство же — его собственная идея. Очень нуждался в деньгах.

Елена САЛИНА.

КАК ИВАН ПОЛОЗКОВ СОБИРАЛ СВОЙ СЪЕЗД

РАССКАЗ АНДРЕЯ КОСЯКОВА, БЕСПАРТИЙНОГО, ЗАЧИСЛЕННОГО В ДЕЛЕГАТЫ УЧРЕДИТЕЛЬНОГО СЪЕЗДА КОММУНИСТОВ РОССИИ

В начале сентября произошла со мной совершенно необыкновенная история. Зашел как-то по делам в ВЦСПС. А я председатель независимого профсоюза работников детективных служб РСФСР. Встречаю в коридоре знакомого чиновника. «О, Андрей Ильич, — говорит, — а вы почему не на съезде?» «На каком?» — удивляюсь искренне. «На учредительном. Российской компартии». Объясняю спокойно, что я, слава Богу, никогда никакого отношения не имел ни к старой партии, ни к новой. И сейчас не имею. И иметь не буду. Все равно, говорят, нам приглашение на их съезд. Зайдите почите.

Думал разыгрывает. Аппаратные работники от безделья иной раз лобят подшутить над простаком. Зашли в кабинет. На столе, как в пасьянсе, разложены красивые книжечки с барельефом вождя коммунистов. Причем отпечатанные на такой бумаге, которую не подделаешь. Одну из них знакомый протягивает мне. Читаю с удивлением: Уважаемый Андрей Ильич! Координационный совет ЦК компартии РСФСР приглашает вас на заседание учредительного съезда компартии РСФСР». И место указано в амфитеатре: ряд 38, место 12.

Ну, думаю, дела. Никак не могу взять в толк: зачем я мог понадобиться самому координационному совету центрального совета российских коммунистов? Вроде по убеждению я не Кузьмич, да и не Ильич. Да и детективы там вроде не нужны. Собрался ведь люди глубоко убежденные и порядочные. Кое за кого из них даже Прокуратура Союза может поручиться. Товарищ из ВЦСПС толком тоже ничего не может объяснить. Приглашения пришли свыше. А он лишь их раздает.

С чувством глубокого удивления, переходящего в настороженность, засунул книжечку с бордовым профилем в карман своего костюма. Так ведь и на съезд всесоюзной мафии могут пригласить.

Коллеги по работе сначала даже не поверили. Но у нас, в профсоюзе, ребята толковые состоят. И не такие шарады порой приходится разгадывать. Успокоили, что я, дескать, приглашение по списку получил. Как председатель ЦК независимого профсоюза. Очень важный человек по коммунистическим понятиям. Вот и пригласили как видного общественного деятеля. Так что, мол, иди на съезд. И не нужно лишней раз ерничать и злорадствовать. Коммунисты ведь от чистого сердца приглашают. Они ведь профсоюзных деятелей всегда считали своими учениками. Так же, как и комсомольских. Разница была лишь в возрасте. Недаром раньше гово-

рили, что профсоюзы — школа коммунизма.

Я повачау так растерялся от неожиданности приглашения, что даже не обратил внимания на скромную надпись внизу. А когда уже решился идти в Кремль, внимательно ознакомился с выданной книжечкой. И с огорчением узнал, что она «действительна по предъявлению партбилета». Стоп, да это уже не просто приглашение, это — МАНДАТ! Ниюго слова, согласующегося с предостережением «действителен» в русском языке я не нашел. Но мандат чего, кого? В каком качестве меня на съезд приглашают? На книжечке по этому поводу ничего не написано. А спросить не у кого. Мне даже не по себе стало. Приду на съезд, а там окажется, что я в списке отсутствующих. А что я скажу коммунистам России?

Любопытство взяло верх. Шел на съезд с чувством мальчишки, пробирающегося на футбол без билета. Боялся, что какой-нибудь дотошный охранник преградит мне дорогу на подступах к Кремлю и скажет сердито: «Это вам, гражданин, не магазин. Так что нечего здесь паспортом размахивать. Это же Кремлевский Дворец. И сюда только с партбилетами проходит. А без этой книжечки никто не знает, что у вас на уме и на совести. Так что разворачивайтесь в марше».

Представляете, не развернули. Прощел с паспортом, гордый, как Маяковский, два милицейских кордона и три кордона, охраняемых молодежьскими пареньками. Вероятно, был им приказ свыше — уравнивать временно всех граждан в правах с коммунистами.

И в заполненном зале, как ни странно, никто не претендовал на мое место. Никто не подошел и не сказал, как бывает в поездах дальнего следования: «Вот мой партбилет на это место. А где ваш?»

О том, что происходило на сцене, пересказывать не буду. Многие видели по телевизору этот театр Абсурда. Но лично я ничего не понял. Выходили какие-то ораторы и что-то с пеной у рта доказывали, требовали у зала. Председательствующий говорил им спасибо. И тут же все забывали о том, что ранее говорилось. И спорили о чем-то другом, лично мне совершенно непонятном. Просидел сорок пять минут и почувствовал, что извилины в мозгу начинают заплетаться. День-другой такую абракадабру послушаешь, и надо к врачу обращаться. За консультацией. Крепкую психику надо иметь, чтобы не перепутать после серия таких заседаний ноль с фазой.

По образованию — я врач. И съезд мне напомнил утреннюю пятиминутку, на которой медицинский персонал рассуждал о здоровье больного, скончавшегося ночью.

Но, все-таки Иван Кузьмич, ответьте: зачем меня приглашали на этот съезд?

Записал Ю. Б.

ХОМАТЕК

СОВМЕСТНОЕ СОВЕТСКО-ЗАПАДНОГЕРМАНСКОЕ ПРОИЗВОДСТВЕННОЕ ПРЕДПРИЯТИЕ — ПЕРВОЕ В СССР В ОБЛАСТИ МАШИНОСТРОЕНИЯ — ВЕДЕТ ИНТЕНСИВНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО, С ПРИВЛЕЧЕНИЕМ СРЕДСТВ ЗАПАДНЫХ БАНКОВ, НОВОГО ТЕХНИКО-КОММЕРЧЕСКОГО ЦЕНТРА В РАЙОНЕ СТАНЦИИ МЕТРО ЛЕНИНСКИЙ ПРОСПЕКТ,

ПРЕДЛАГАЕТ

за советские, переводные рубли и СКВ:

- токарные станки и обрабатывающие центры с ЧПУ совместного производства различной конфигурации;
- комплектующие изделия к любому металлообрабатывающему оборудованию;
- запуск и сервисное обслуживание станков;
- технологические решения проблем наладки оборудования;
- персональные компьютеры, совместимые с IBM PC XT/AT, лазерные принтеры с набором шрифтов кириллицы, различное программное обеспечение;
- копировальные машины.

Гарантируем высокое качество обслуживания.

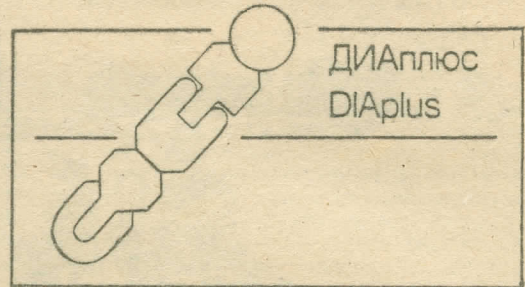
Наш адрес: 117908, г. Москва, ул. Орджоникидзе, 11, СП ХОМАТЕК.

Телефон: 234-98-68, 234-97-67

Телефакс: 230-22-27

Телекс: 411025

ИММУНОФЕРМЕНТНЫЕ ДИАГНОСТИЧЕСКИЕ ТЕСТ-СИСТЕМЫ

Концерна «ХОФФМАНН-ЛА РОШ» (Швейцария) и НПО «БИОТЕХНОЛОГИЯ» (СССР) в 1988 году создали первое в СССР совместное предприятие для нужд здравоохранения — «ДИАплюс».

Основная продукция предприятия — медицинские иммунодиагностические тест-системы, разработанные на основе новейших биотехнологических методов и содержащие все необходимые реагенты для быстрого и точного определения в крови человека предельно низких концен-

траций вирусов, гормонов и маркеров рака.

Тест-системы ИФА «ДИАплюс» позволяют контролировать течение беременности и выявлять патологию плода, проводить мониторинг онкологических больных, диагностику СПИДа и вирусных гепатитов А и В.

СП «ДИАплюс» устанавливает необходимое оборудование, осуществляет его сервисное обслуживание и обучение персонала.

117246, Москва, Научный проезд, 8

Телефон: 332-65-59

Телефакс: 332-65-57

ВСЕСОЮЗНОЕ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ

IntourService

ПРЕДЛАГАЕТ:

— аренду автомобилей класса «люкс» «Линкольн» с шофером, который можно заказать по тел. 203-00-96;

— все виды туристских услуг: от размещения в лучших гостиницах Москвы, организации экскурсионной и культурной программы до продажи туров по СССР. Дополнительная информация по тел.: 203-69-62;

— широкий выбор товаров в наших магазинах Интуршоп в гостинице «Националь» по адресу: Проспект Маркса, 4/1 и Тверская ул., 1.

И наконец, если вы живете и работаете в Москве или участвуете в международной выставке, вы можете приобрести необходимые представительские продукты, не выходя из дома или офиса.

В удобное для вас время в течение суток мы доставим их вам. У нас широкий выбор спиртных и безалкогольных напитков, пива, сигарет и кондитерских изделий по ценам «DUTY FREE».

Телефоны для информации и размещения заказа: 287-39-81 и 287-08-88 во все дни недели, кроме воскресенья.

Оплата всех услуг в свободно конвертируемой валюте или кредитными карточками.

В/О «ИНТУРСЕРВИС»
ПРОСПЕКТ МАРКСА, 16
103909, г. МОСКВА
ТЕЛЕКС: 411211
ФАКС: (095) 200-12-43
ТЕЛЕФОНЫ: 203-31-91, 203-69-62

ДОВЕРИВШИСЬ НАМ, ВЫ ЗАБУДЕТЕ СЛОВО «ПРОБЛЕМЫ!»

ПЕРВОЕ СОВМЕСТНОЕ СОВЕТСКО-АМЕРИКАНСКОЕ ПРЕДПРИЯТИЕ В ОБЛАСТИ ТЕЛЕКОММУНИКАЦИЙ СОВАМ ТЕЛЕПОРТ ГАРАНТИРУЕТ БЫСТРОЕ И ЭФФЕКТИВНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ С ВАШИМИ ЗАРУБЕЖНЫМИ ПАРТНЕРАМИ, ОБЕСПЕЧИВ НАДЕЖНУЮ СВЯЗЬ ВАШЕГО КОМПЬЮТЕРА С СИСТЕМАМИ ГЛОБАЛЬНОЙ КОМПЬЮТЕРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

СОВАМ ТЕЛЕПОРТ предоставляет следующие телекоммуникационные услуги:

- автоматизированный обмен информацией между советскими и иностранными партнерами (передача англо- и русскоязычных сообщений, текстовых и бинарных файлов, таблиц, графиков и т. п.)
- использование систем электронной почты для оперативного обмена сообщениями и деловой информацией
- использование систем компьютерных телеконференций для организации и координации международных проектов
- телеступ к международным сетям передачи данных и информационно-вычислительным ресурсам
- проведение информационных поисков по разовым или постоянным запросам организаций
- перевод документов, полученных из баз данных
- доступ к сетям телекс, телефакс

СОВАМ ТЕЛЕПОРТ — это широкий спектр телекоммуникационно-информационных услуг на базе передовых технологий с использованием самых современных средств компьютерной коммуникации. Расчеты в свободно конвертируемой валюте.

Наш адрес:

Для контактов в США:
3278 Sacramento St.,
San Francisco, CA-94115
тел.: (415)931-8500
Телекс: 9103804097
телефакс: (415)931-2885
Эл. почта: 31104080034600

Для контактов в СССР:
103009, Москва
ул. Неждановой, 2а
тел.: 229-96-63; 229-34-66
Телекс: 411809 ИПАС
Телефакс: 229-41-21
Эл. почта: 2502040300

Опубликовать рекламу в нашем еженедельнике вам поможет творческое объединение «ЭСКАРТ» советско-американского фонда «Культурная инициатива». Справки по телефонам: 285-77-09, 285-39-95.

**Александр
МИНКИН**

ГРАЖДАНЕ! ОТЕЧЕСТВО В ГОСБЕЗОПАСНОСТИ!

ЧЕЛОВЕК БОИТСЯ неизвестности. Чем меньше мы знаем о КГБ — тем больше боимся. КГБ это понимает и потому не сообщает о себе ничего.

Человек боится черта и избегает называть его вслух. Говорим: нечистый, лукавый, рогатый, враг рода человеческого. Говорим: топтун, стукач, искусствовед в штатском, большой дом, контора... эти словечки сочиняет страх.

Мне не известно о КГБ ничего. Ни бюджет, ни численность, ни зарплата сотрудников, ни доходы стукачей (в своих официальных выступлениях генералы КГБ ласково называют их помощниками), ни инструкции, ни планы...

*ЕДИНИЦА
СТРАХА —
ОДИН
АНДРОП.*

Шутка
1983
года

«Многие благодарны чекистам за то, что не стали на преступный путь, стали активными членами советского общества».

(Из интервью первого заместителя председателя КГБ Ф. Д. Бобкова журналу «Родина», 1989.)

Но недаром Кювье брался восстановить облик любого чудовища по единственной косточке. Логика, причем самая обыденная, — вот способ вскрыть черный ящик. И если по еле заметным возмущениям планет астроном открывает (вычисляет) неизвестную планету, то почему бы нам не «вычислить» КГБ по некоторым возмущениям нашей жизни.

Начнем с того, что сами органы о себе сообщают. Попробуем непредвзято оценить их добровольные показания.

Не станем задерживаться на бесчисленных книжках и фильмах типа «Чекисты», «Щит и меч». Что ни возьмем — перед тобою рыцари революции. Безупречные всегда, даже в смертельной схватке с врагами советского народа. Так и тянет спросить и авторов, и героев — как же получается, что эти безупречные рыцари наваливаются на академика Сахарова и заталкивают ему кишку в рот? Причем старика пытаются, когда он сидит в ссылке, в полной изоляции, и даже захоти — не может повредить госбезопасности.

Но воздержимся от досадных вопросов.

Не так давно в «АиФ» КГБ впервые, кажется, опубликовал результаты своей деятельности с 1934 по 1947 год.

В аккуратной табличке цифры ГУЛАГА. Сколько поступило, сколько «убыло по причине смерти». Кстати, указывая причину «убытия», не написали причину поступления, да и что укажешь: по причине советской власти?

Сенсационный номер «АиФ» рвали из рук. Вот, наконец, мы узнаем правду! Правда, действительно, оказалась сенсационной. Сумма «убывших» — 963.766.

Признаюсь, сильно подействовало, и не на меня одного. Вот значит — не 20 миллионов, и не 40, и не 60, как насчитывали всякие там солженицины. Всего-то 1 миллион. Конечно, и 1 миллион погубленных жизней — это очень много. Но, по контрасту с прежними апокалиптическими представлениями, 1 миллион показался пустяком.

Однако, придя в себя, начинаешь задумываться. Во-первых, смущает точность. Ну, не немцы же мы в самом деле, чтоб так скрупулезно подсчитывать лагерную пыль. Лагерная пыль — не поэтический образ; этот термин обнаружен в резолюциях товарища Берия и других товарищей — высших руководителей страны. Это не для красоты, а для простоты — это жаргон ударных пятилеток: цемент, кирпич, белое золото, черное золото, лагерная пыль... При таком простом отношении начальства трудно поверить, что миллионы пылинки подсчитывались с точностью до единицы. Социализм, конечно, учет, но не настолько же.*

Сталинская цифра потерь в Великой Отечественной — 7 миллионов, Хруще-

вско-Брежневская — 20, Горбачевская (названная, заметьте, не в 85-м, а в 90-м) — 28—29 миллионов. И последняя цифра вовсе не означает конечную. Думаю, нам предстоит еще услышать о 32 миллионах либо — если товарищам надоест отступать — нас вернут к 7 миллионам товарища Сталина.

Почему же — если товарищи так произвольно, ошибаясь на десятки миллионов, подсчитывают пушечное мясо, — почему мы должны поверить, что к лагерной пыли они относились с большим почтением?

ДУМАЮ, мы не дождемся от КГБ ни честной статистики, ни признательных показаний — то бишь воспоминаний товарищей из органов. Донос на самого себя никто из них не напишет. Мемуары, конечно, будут — но это будет вранье. Взгляните на опубликованные интервью Семичастного — милый комсомольский вожак, разве что грамотешки маловато. Трудно поверить, что его имя боялись произнести. Все мемуаристы ужасно милые, все кормят птичек, любят детей, ни один не пишет, как своим каблуком наступал на чужие половые органы. Не могу себе представить, что прочту в чьих-то мемуарах: «Мой коллега скрутил Сахарову руки за спиной, а я зажал ему нос, силой раскрыл рот и стал заталкивать в глотку резиновый шланг, забыв его смазать. Старик не мог кричать и только противно плакал от боли и унижения».

Нет, цена уважение внучат и расположение племянниц, никто в мемуарах этого не напишет. Только в суде, под тяжестью улик и свидетельских показаний, они, может быть, признаются. Ведь это преступления. И тех, кто делал это, и тех, кто приказывал это делать, должен судить суд. И не народный, и не городской, и не Верховный. Фашистских преступников совершенно резонно не доверяли немецкому судье и немецким народным заседателям. В таких делах недопустимы ни симпатии товарищей по партии, ни месть вчерашних жертв. Я был бы против Елены Боннэр как члена трибунала. Однако дать показания против КГБ она обязана не только в своих воспоминаниях, но и отвечая на вопросы прокуроров. Ее мемуары — ее частное дело; им можно верить, а можно и нет — врет, мол, старая антисоветчица. Ее показания в трибунале — проверенные и доказанные — уже никому не удастся дезавуировать.

В чем же дело? Почему журналы, газеты, ТВ всё разоблачают и разоблачают Ежова, Берия и примкнувшего к ним Вышинского? Конечно, государство должно как-то отметить их деятель-

ность. По моему взгляду, процесс посмертной реабилитации — процесс странный, затянувшийся вот уже на 35 лет (считая с 56-го), процесс необъяснимо избирательный: то Бухарина, то Рютина, то еще кого-то — и всякий раз торжественно и научно заявляя, что, дескать, высокая комиссия исследовала материалы и нашла такого-то невинным — спасибо, высокая комиссия, а то мы раньше сомневались. Так вот, этот процесс посмертных реабилитаций не полон без параллельного процесса посмертных осуждений. Преступники, конечно, уже предстали перед Божьим судом, избежав мирского, но посмертный позор они, бесспорно, заслужили. И все гуманные рассуждения о том, что, мол, а) довольно крови и б) надо пощадить нервы невиноватых детей и внуков, — все это представляется мне каким-то лицемерным жеманством. А) — мы, даже если бы и хотели, не сумеем пролить кровь покойников, б) — что касается внуков — то, поверьте товарищу Сталину, сын за отца не отвечает. Мне неизвестны страдания внуков Бенкендорфа, никто из них не покончил с собой, а один даже породнился с Пушкиным. Хотя Александр Христофорович кишку в рот Александру Сергеевичу не совал, но и понятия чести тогда были куда как щепетильнее.

Ленин, Дзержинский, Ежов, Берия, Сталин... Кольма, Катыйн, Воркута, Караганда — это все кости. Это дело комиссий, «Мемориала», историков — дело благородное.

А как быть с молодыми стукачами, живущими сегодня среди нас? Почему политэзки 60-х, 70-х, 80-х не подают в суд на своих мучителей? Почему государство, почему генеральный прокурор не преследуют преступников?

Опять и опять натываемся в печати на **буквальное** повторение нацистских оправданий: мы выполняли приказ, время было такое, законы были такие. Но после Нюрнберга эта наивность просто неприлична. Им ли — охранителям права, порядка, а теперь и Конституции, — им ли не знать закон: и тот, кто приказал, — преступник, и тот, кто выполнял, — преступник.

А в сказке Евгения Шварца так: всех учили подлости, но зачем же ты оказался лучшим учеником?

**Мальчишку шлепнули
в Иркутске.**

Стихи.

КОГДА РЕЧЬ о ленинско-сталинских чекистах — «гуманность» еще можно понять. Те — или мертвецы, о коих либо хорошо, либо ничего, или старики, которых карать как-то противно; достаточно назвать. Но хрущевско-брежневско-андроповско-черненково-горбачевские гебешники (да-да, не в 85-м закрылись зоны и психушки) —

* По подсчетам демографа И. Курганова «в невоенное время... народ СССР потерял 66 млн. 700 тыс. человек». («АиФ», 1990, № 13).

этих-то почему не привлечь к ответу?

Масштабы и жестокость репрессий последнего периода (с 1953), конечно, не сравнимы с прежними. Жертв неизмеримо меньше, а соответственно и преступников. А все же — сколько?

До суда никого называть преступником не будем. Но очень хочется знать, сколько в КГБ сотрудников и сколько — помощников.

Руководители КГБ категорически отказываются отвечать на этот вопрос. Обратимся к интервью первого заместителя председателя КГБ Ф. Бобкова («Родина», № 11, 1989).

Вопрос: Не настало ли время сказать о численности аппарата КГБ внутри страны?..

Ответ: Мы приближаемся к тому, чтобы открыть такие данные.

Журналист почему-то неудовлетворен и вскоре бестактно повторяет:

Вопрос: И все-таки вернемся еще раз к численности сотрудников КГБ...

Ответ: Не могу утверждать, что в каждом месте число сотрудников строго соответствует объему работы.

Нет, не хочет Ф. Бобков отвечать. Вопрос кажется ему опасным. Но вот он жалуется на трудности, на зарплату, на нехватку ведомственных домов отдыха и санаториев и, в попытке разжа-

Допустим, что в руках новой власти Чехо-Словакии полный список секотов. Допустим даже, что их на душу населения там было не больше, чем у нас. Тогда, если учесть, что жителей в СССР в 20 раз больше, выйдет: 2.800.000 советских стукачей.

Ян Румл: «Это страшно: я вижу среди тайных агентов фамилии моих друзей, которые все эти годы были рядом... и предавали меня полиции».

Хотя ли наши стукачи, чтобы мы прочли их имена в таком списке? Хотел ли наше КГБ, чтобы его постигла участь коллег по соцлагерю?

550.000 да 2.800.000 — итого более трех миллионов. Это сила.

Это самая серьезная сила в стране. Партийный аппарат неустойчив, расслаивается, теряет власть. Армия разлагается, призывники бегут, солдаты и офицеры, покидая бывшие соцстраны, за гроши спускают оружие, форму, погоны и значки. Интеллигенция разлетается по десяткам партий, но более — за кордон. КГБ — стоит.

Стоит? Нет, растет. Растущий гуманизм советской власти совершенно закономерно вызвал опережающий рост КГБ. Всякий, посещающий Москву, может видеть наглядное доказательство роста КГБ. При Брежневем за

внешних врагов сокращается — потому что мы теперь мирные; если сокращается количество шпионов — потому что мы все более отстаем и у нас все меньше секретов, которые стоит воровать, — а штаты КГБ растут (во всяком случае, о сокращениях не слышно) — это означает лишь одно — стремительный рост врагов внутренних.

И это правда. Все больше людей открыто выступают против власти коммунистов, поднимают на митингах лозунги против КГБ — то есть против Государственной безопасности. Всех их, разумеется, надо контролировать, если уж сажать нельзя.

Если враг не сдастся — его уничтожают.
Рецепт.

Л ИШИВШИСЬ возможности сажать, надо убивать. За границей, не имея возможности сажать своих врагов в тюрьму или психушку, КГБ убивал всегда. Дома это еще проще. Мы абсолютно беззащитны перед падением Ягод поезд метро.

Я не думаю, что рост внутренних врагов огорчает КГБ. Возможно, даже радуется. Ведь только существование этих

«После XX съезда КПСС органы госбезопасности твердо стали на путь строжайшего соблюдения социалистической законности».

(Ф. Д. Бобков)

любить журналиста, теряет бдительность. Говоря о командировке в Иркутск, зампред КГБ сокрушается: «В этом городе 30 наших работников не имеют квартир и 140 стоят на очереди».

Вспомним зоолога Кювье и попробуем заняться этой «косточкой».

Предположим, что все иркутские чекисты не обеспечены жильем. Тогда их в городе 170 персон. Иркутск — 609.000 жителей. Городское население СССР — около 200 миллионов. Если Иркутск — средний город по числу чекистов на душу населения, выходит, их у нас 55.000. Ой-ой. А если в Иркутске не весь аппарат бездомен? Если иметь в виду, что только 1/10 населения нуждается в жилье, и даже если допустить, что с этим делом у аппарата КГБ ничуть не лучше, чем у рабочих, учителей, актеров, то... То — 550.000. (Заметьте — мы предполагаем, что в селе «их» нет совсем.) В общем-то не так много.

Стук — быстрее звука.
«Советская физика», издание 17-е.

А СКОЛЬКО «помощников»? сколько тайных агентов? Подумаешь, бинном Ньютона! Вот в «МН» (№ 30 от 29.07.90) в интервью с первым заместителем министра внутренних дел Чехо-Словакии Яном Румлом сообщается: «Правительство ЧСФР наложило запрет на обнародование списка 140.000 тайных агентов, имеющегося в его распоряжении».

спиной Феликса стояло одно огромное здание. Теперь их то ли четыре, то ли пять, два попытались спрятать за «Детский мир», но многоэтажный дом не спрячешь. Причем у меня нет сомнений, что прежде, чем громоздить в центре Москвы еще одну полицейскую машину, товарищи до предела исчерпывают подземные возможности.

Растет производственная площадь — растет и штат. На это много причин.

Пресловутый гуманизм — палка о двух концах. Если перестают сажать — значит, работы у органов прибавляется. Теоретически сотню диссидентов в камере может сторожить один товарищ. Но если эта сотня гуляет на свободе — значит, для присмотра за ними надо как минимум 300 сотрудников. Ведь мы вредим не по расписанию, вредим 24 часа в сутки, а у товарищей есть рабочий день, есть трудовое законодательство — выходит, одного врага должны пасти трое по 8 часов. **Ф. Бобков:** «КГБ так и не освоил пятидневную рабочую неделю, почти все наши сотрудники работают и по субботам, да нередко и по воскресеньям». Академика Сахарова раньше расстреляли бы и тем освободили бы персонал для следующих врагов. Сидя в ссылке, он затруднял своей особой чуть ли не роту: слежка за ним, за женой, за посетителями, контроль телефонных разговоров — да мало ли.

Замечательные успехи Родины во внешней политике тоже отягчают нашу внутреннюю жизнь. Если количество

врагов оправдывает существование гигантского аппарата.

Представьте, что изобретено чудодейственное лекарство от всех болезней. И врачи, и гробовщики, и могильщики в тот же момент станут никому не нужны — а значит, нищими. КГБ, по самой простейшей логике, заинтересован, кровно заинтересован, чтобы враги были и чтобы их было как можно больше, — тогда мысль об упразднении органов и возникнуть не должна.

И я не могу не думать, что Комитет государственной безопасности заинтересован в нестабильной ситуации в стране, в стычках, вооруженных конфликтах и прочих печальных событиях. Скажем, саперные лопатки и боевые газы в Тбилиси — дело до сих пор темное. Но невозможно вообразить, сколько врагов советской власти родилось 9 апреля в результате жестокой, бессмысленной, абсолютно ничем не оправданной экзекуции. Зато вполне можно вообразить, что сотни тысяч созданных за одну ночь врагов сделали совершенно необходимым соответствующий рост борцов с врагами, создание новых отделов, вербовку новых помощников.

Ведь организация абсолютно неконтролируемая. Премьер Рыжков трижды уходил от ответа на вопрос «АиФ» о бюджете КГБ. А на четвертый раз создался: «Бюджет знаю, но глубже — статьи расходов — и знать особенно не хочу». Не хочу? Или не могу? Или боюсь?

Не знаю, какой вариант страшнее.

«Закон тоже должен применяться неформально...»

(Ф. Д. Бобков)

Но Рыжков не одинок. Все мы боимся. Даже Горбачев.

Чем иначе объяснить президентский указ о лишении наград генерала Калугина? Горбачев явно сделал это под давлением КГБ. Сделал это за два дня до открытия XXVIII съезда. Он принес в жертву генерала, немножко рассказавшего о своей работе. Если генерал совершил преступление — надо его судить. Наказывать его без суда — значит вызвать весьма негативные чувства у нормальных людей. Зачем Президент так поспешно пачкает руки? Но речь шла не о нас и не о Калугине. Необходимо было срочно задобрить тех, кто через неделю будет выбирать Генерального секретаря. И в этой ситуации я целиком на стороне Горбачева — Бог с ним, с генералом, когда нужны голоса правых, голоса Комитета и всех, кто не мыслит жизни без тайной полиции.

Горбачев знает их силу. Знает и то, что его охрана как-никак работает в КГБ, а не у него и не у Верховного Совета, и зарплату получает «там», а не где-нибудь.

Боюсь и я. Горбачев не в силах меня защитить. Чья бы власть ни была — Сталина, Хрущева, Брежнева, — каждый советский человек знал, что до Вождя далеко, а лейтенант ГБ — вот он. И сапогом по ящам от него схлопочешь в момент.

Такая сильная, убившая миллионы, запугавшая сотни миллионов организация требует очень серьезного анализа.

Можно считать, что с какого-то времени ГБ стала главной силой в стране. Кто командовал ГБ — командовал страной. Кто не желал подчиняться органам — был уничтожен. В этом одна из причин уничтожения высших командиров в 30-х. Новая генерация советского офицерства была «ученая» и с особистами не дискутировала.

Организация, способная выдвинуть своего шефа в генсеки (Андропов), — способна и снять (или, скажем, не допустить).

Будущий историк, думаю, должен рассмотреть, в числе иных, и такую теорию: жизнь Советского государства — как последствия деятельности тайной полиции. Влияние ГБ на всю нашу жизнь — политику, экономику, душу — мощнейшее и явно не оцененное никем всерьез. Если тайная полиция может уничтожать маршалов, создавать атомную бомбу и менять режимы в чужих краях (даже папу римского пытались сменить, но суд это не признал).

И в связи с этой мощностью вот что. Патриоты из «Памяти» постоянно кричат про жидомасонский заговор и некий жидомасонский центр. Это очень интересный факт. Или патриоты интуитивно чувствуют некую враждебную народу мощную организацию. И тогда этот здоровый инстинкт наивно ищет не там и не

тех. Или «Память» отлично знает, что к чему, и хорошо помнит уроки прошлого. И тогда отнюдь не наивно указывает народу искать врага в жидях. Это не только на жидов натравливать, это и от истинных виновников отвлекать.

Любопытный факт: из всех неформальных организаций только «Память» публично и печатно(!) призывает укреплять КГБ—МВД. Все остальные неформалы — как по логике и должно быть — против. С другой стороны — всем дубинкой по башке, а «Память» провела митинг на Красной площади — никто их не тронул.

И журналы «Молодая гвардия», «Наш современник» и пр. «Голоса Тушино» — укрепить КГБ!!! На пресс-конференции СП РСФСР я у Бондарева спросил: великим русским писателям XIX в. было свойственно крайнее отвращение к тайной полиции — как в свете этого понять призывы литературных журналов к укреплению КГБ? Не ответил. 15 минут говорил о великой дружбе советских народов, которую пытаются разрушить некие клеветники.

Мы вербуем

Вы вербуете

Они вербуют

Спряжение глаголов.

ПОЛТОРА месяца назад одну мою знакомую пригласили в ОВИР. Приглашение было странное, и она, насторожившись, позвонила мне. Ничего странного, сказал я, это не ОВИР тебя приглашает, это Комитет, тебя будут вербовать.

Эту девушку на год пригласили в Швейцарию — учиться в Университете Лозанны французскому языку. Она подала документы, а ответа нет и нет. Встретил ее в ОВИРе капитан КГБ и начал: недаром они вас приглашают, они хотят у вас военные тайны выведать. Какие тайны?! Она всю жизнь в театре работала, секретных знакомых не имеет. Ладно. Тогда вы должны узнать, где их полигоны, и нам потом рассказать. Какие полигоны?! Ну, как же, ведь Швейцария — член НАТО, там полно натовских полигонов... Капитан не знает, что Швейцария очень давно нейтральна. Это Митрофанушка. Но от этого Митрофанушки зависит — получит она паспорт или нет. И конечно: «Только никому не говорите о нашей беседе!» А она из тех, что муж еще ни о чем не спросил, а она уже краснеет и во всем сознается. Таких нельзя вербовать.

И как ей быть — рядовой, необученной — взять такси и с ужасным акцентом сказать: «Силь ву пле, жё вуле регарде полигон милитер?» И куда ее отвезут? Это не капитан — это олух царя небесного. Но власть над нами у него. Что захочет, то и сделает — за

ним Государственный Комитет Государственной Безопасности.

Ничего опаснее для страны и придумать нельзя. У них в руках наша переписка, наши телефонные разговоры, для них во всех театрах забронированы места на каждый спектакль, они сопровождают за границу все спортивные команды, цирки, балеты, оркестры, получая суточные долларами. Они во всех посольствах, во всех редакциях, в гостиницах, на заводах, в университетах, драмкружках... Сами они не уймутся никогда.

Человеку свойственны воровство, половые извращения, тайные пороки... человек слаб — совершает подлости, спит с женами друзей, болеет неприятными болезнями... и человек очень не хочет, чтобы кто-нибудь это знал. А КГБ знает. Комитет собирает наши досье не из любопытства. Информация — это власть. У каждого из нас есть рычажок, на который можно нажать. И рычажок этот — у органов.

Сами они не уймутся никогда.

Армия разбегается. Потому что Армия любительская, бесплатная. А эти — все на окладе, все со льготами, с квартирами, с неограниченной властью над людьми. И когда их сытой, льготной жизни прозрит конец — они способны на все.

ГРАЖДАНЕ, БУДЬТЕ БДИТЕЛЬНЫ! ОТЕЧЕСТВО В ГОСБЕЗОПАСНОСТИ!

А теперь — споем гимн НКВД. Музыка Д. Прицкера, стихи В. Лебедева-Кумача.

*«Враг — умен, мы — умней!
Враг — силен, мы — сильнее!
Весь советский народ нам поможет
Вражьи когти срубить,
Вражьи зубы спилить,
Вражьи гнезда огнем уничтожить!»*

Полный текст и ноты высылаем наложенным платежом.

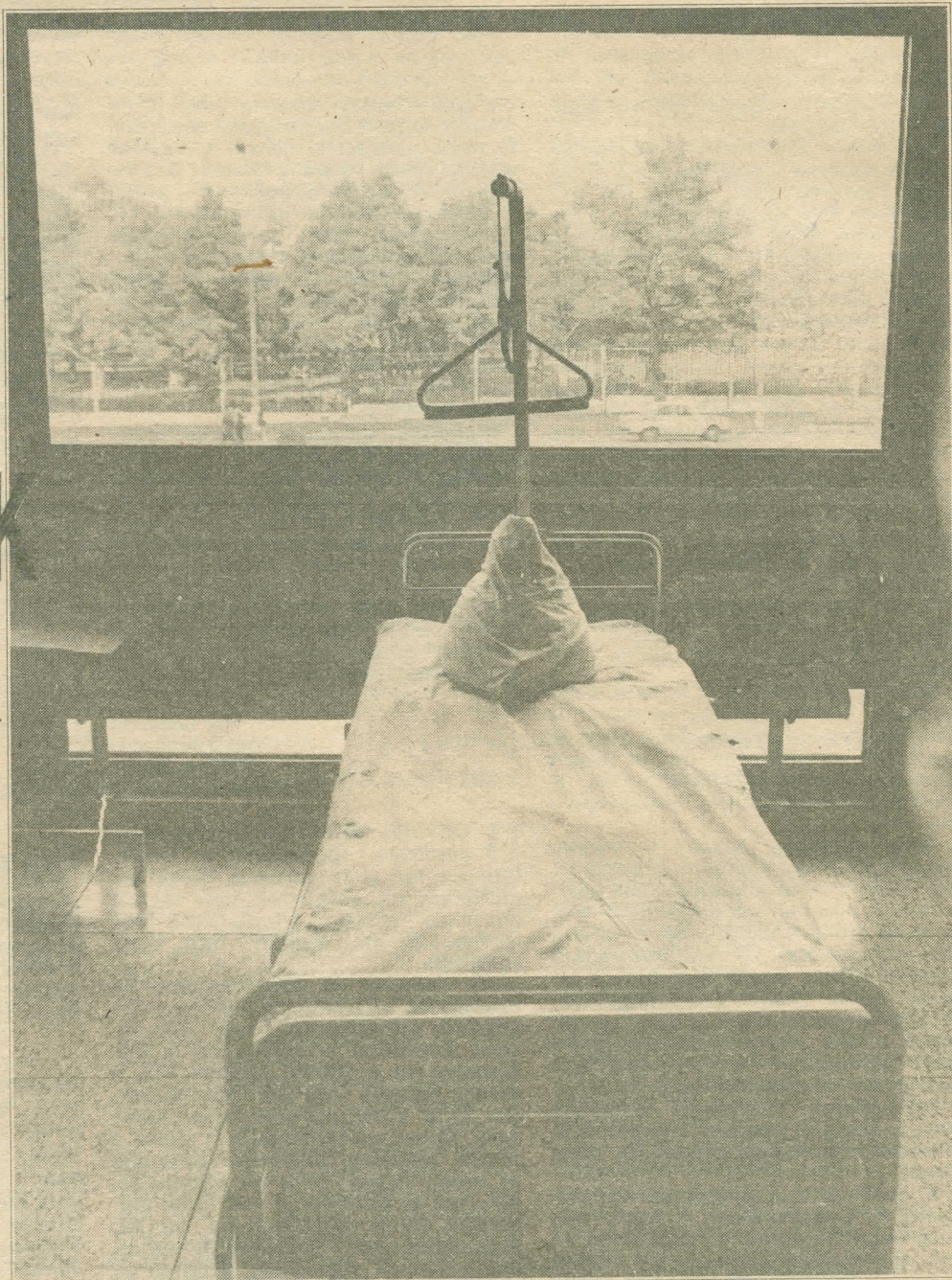
«В принципе, мы в КГБ — за максимальную гласность».

(Ф. Д. Бобков)

СТОЛИЦА

ЧЕЛОВЕК НА КОЙКО- МЕСТЕ

О СОСТОЯНИИ московского здравоохранения нельзя судить по зданию горздрава. Главное управление здравоохранения Мосгорисполкома совсем недавно переехало: из прогнившего помещения на улице 25 Октября в капитально отремонтированный дом в Оружейном переулке — бывший жилой, украшение Садового кольца. Внутри дом пронзает два вместительных лифта и опутывают перламутрово-мраморные лестницы, какие старым жильцам и не снились. В комнатах, где еще недавно спали, теперь сидят за полированными столами или уютно погружаются в мягкие кресла... А почти во всех больницах стены по-прежнему обшарпаны или чем-то заляпаны, лифты не всегда работают (и: техники особенно часто ло-

маются телефоны-автоматы), летают мухи, ползают тараканы, кормят больных чем-то белым, жидким, несоленым и, говорят, страшно полезным, и снят больные по-прежнему: скопом. По-видимому, считается, что раз в палате четыре стены, одна из которых, черт возьми, с дверью, то все стены и нужно уставить кроватями.

В Боткинской больнице, к примеру, самое обычное дело — палаты на восемьдесят коек. Недавно, правда, выяснилось, что в лю-

бой больнице есть палаты и на двоих и на одного, их по-гостиничному с почтением называют «люксом». Между тем «одноместный номер» в больнице — норма для любого лечебного учреждения цивилизованной страны. Только в одиночной палате возможно правильное лечение больного. Так считают и в нашем горздраве. Но даже в новых московских больницах «люксов» для всех нет и в помине. Несколько чаще встречаются палаты двухместные. В относительно

новой больнице № (может быть, вы сами угадаете, о какой больнице речь?) все палаты рассчитаны на четверых, хотя в конце коридора есть и двухместные. Их там зовут боксом.

В четырехместную войти трудно: стоит приоткрыть дверь и просунуть туда нос, как из палаты шибает вонь. Несчастные больные ничего с этим поделать не могут: вонь, жалуются они, исходит от самих стен. Видимо, дешевый бетон, из которого построен «типовой» корпус, впитывает ма-

лейшие человеческие запахи и не отпускает. Впрочем, любой читатель «Столицы» наверняка знает свои примеры антисанитарии в московских больницах...

Самое удивительное, однако, в том, что по числу больничных коек Москва уже обогнала Нью-Йорк, Париж и Лондон. Это вовсе не значит, что больных в Москве больше, чем там. Наоборот, в Москве наставили, представьте, много лишних кроватей. Детские больницы «загружены» теперь на 60 процентов. Дело в том, что маме разрешено сидеть с ребенком три года и больничные листки выда-

МОСКВИЧАМ — О МОСКВИЧАХ

Демографические показатели по г. Москве
(на 1000 человек)

год	рождений	смертей	естественный прирост
1917	19,6	23,7	-4,1
1940	27,0	16,3	10,7
1988	13,1	12,0	1,1
1989	11,8	12,3	-0,5

Постоянное население Москвы (в тыс.)

год	всего	взрослых	детей
1979	7931,6	6620,3	1311,3
1989	8875,1	7212,7	1662,4

ют на две недели. Детей в больницу стали класть реже. Но где вы видели детскую больницу с односторонними палатами? Может быть, видели?.. Просто система финансирования здравоохранения построена на «содержании койки» — чтобы получить денег побольше, гнали койки: строили больницы, набивали койками палаты так, что больным не продохнуть...

Но от коек вернемся в роскошное Главное управление. Хоть оно и называется главным и переехало в новый солидный дом, управляет оно здравоохранением, как никогда, мало. Там работают интеллигентные, образованные, знающие люди, однако перемена власти в городе и умаление

роли управленческого аппарата сводит деятельность этих образованных людей почти к нулю. Скажем, в Солнцевском районе, который совсем недавно присоединили к Москве, случается немало травм. Район перекопан, строятся новые дома, там активно ходят электрички, и новоселы, не привыкшие к пригородной среде (одна лестница на станции «Солнечная» чего стоит — она крута и многомаршева, даже молодые люди одолевают ее с одышкой), так вот, новоселы часто калечатся. В районе есть больница № 17. Главздрав в старом стиле административно-командной системы издает приказ: открыть в 17-й больнице травматологическое отделение. Очень хороший приказ, в нем проявлена забота о больных. И получает ответ в новом стиле: совет трудового коллектива больницы решил не открывать такого отделения. Пусть травмированных больных и дальше возят в Москву в 71-ю больницу. Но больным это тяжело, помощь нужно бы оказать срочно — совет трудового коллектива свое слово сказал, и оно нынче сильнее приказа Главздрав. В Главздраве сочувственно воспринимают мнение СТК: действительно, отделение травмы в больнице — одно из самых тяжелых. В больницах, где такое отделение есть, оно открыто в незапамятные времена и существует, так сказать, независимо от сознания совета трудового коллектива. Однако открыть его сегодня в больнице, где травмы раньше не было, почти невозможно. Врачи протестуют. Выходит, перед городом встает новая проблема: построить в Солнцевском районе специализированную травматологическую больницу. Даже в магазине, продавцы которого не желают принимать посуду, открыть отдельный приемный пункт — проблема проблем, построить же отдельную травматологическую больницу...

Да, время приказов для тех, кто привык отдавать приказы, ушло. Теперь непременно нужно сделать как-то так, чтобы работни-

ки больниц во что бы то ни стало сами захотели открыть у себя травму, гинекологию, урологию, добились бы этого, рвали из рук конкурентов современное оборудование для новых и новых отделений, в которых нуждаются жители... Такой хитренькой экономической системы пока нет. Но политическая — действует в полную силу: долой государственное управление здравоохранением!..

Таково новое соотношение сил в московском здравоохранении. Раньше всегда заранее знали виновного — Главздрав, а теперь Главздрав может оказаться стороной страдающей. Но разве больному человеку, который попал в больницу, когда-нибудь было дело до того, по чьей вине его лечат плохо или не лечат вовсе?

В Главздраве уверены, что разрушать госсистему здравоохранения — еще одно безумие. Говорят, во всех странах она существует наряду с другими формами оказания медицинской помощи. Ежедневно происходят травмы, роды, инсульты, люди попадают под машины, у людей болят зубы — каждый день и каждую минуту они нуждаются в медицинской помощи. Разрушать сложившееся годами здравоохранение нельзя! Его обязательно нужно улучшить, даже сделать вовсе иным, но — постепенно, чтобы не прекращалась помощь населению. Перепрыгнуть в «новую экономику» нельзя — перепрыгнуть можно только в «новую политику», считают в Главздраве.

Особо любознательный читатель получит гораздо большее впечатление о московском здравоохранении из статистики, которая отражает нынешнее состояние этой отрасли лучше самых правильных слов.

ОТДЕЛ СОЦИАЛЬНО-БЫТОВЫХ ПРОБЛЕМ

МОСКВА — город больниц, врачей, медсестер, поликлиник, больничных коек, которых, как уже говорилось, у нас больше, чем в других столицах. Москве для полного здоровья не хватает самой малости — лекарств. Хотя, разумеется, есть и аптеки: 462 городские и больше ста в стационарах. Но все равно почти во все больницы пациенты приезжают со своими лекарствами и медикаментами. Родственники больных бегают по аптекам в напрасных поисках простейшего: марганцовки, ваты, марли, бинта, зеленки... Зато легче ста-

КАК Я НАШЕЛ

журналами и книгами даже не киоскеры. Мы, кажется, дожили до «книжных развалов на каждом шагу». А лекарств не стало. Нет таблеток от кашля, ничего «от головы», нет препаратов сердечных, желудочных — никаких. Они словно бы выветрились. Ложись и помирай.

Руководители Главздрава и Московского городского объединения «Фармация» (бывшего Главного аптечного управления) от имени всех работников здравоохранения письменно обратились к председателю Моссовета с неким воззванием о помощи. В нем они описали бедственное положение с лекарствами. Оказывается, в лечебных учреждениях города нет даже питьевой соды и «химически чистой поваренной соли», которые нужны больным почечной недостаточностью. «Только в городской клинической больнице № 7, — говорится в письме, — число таких больных сокращено с 60 до 20 человек. А это значит, что 40 человек могут погибнуть в течение недели». Нет дезинфицирующих и моющих средств, «что ведет к распространению внутрибольничных инфекций, в том числе СПИДа»...

Где же лекарства и средства? Частично на это отвечает само воззвание: оказывается, объединение «Союзфармация» (бывшее Главное аптечное управление Минздрава СССР) то и дело закупает за границей лекарства, не посоветовавшись с горздравом и городской «Фармацией». Покупки оказываются очень часто вовсе не те, что требуются, и чрезвычайно дороги. Московская медицина, конечно, богата — в год ей выделяется 900 миллионов рублей, но эти деньги распоряжаются почему-то так, что здравоохранение все время бедное. Скажем, на одного больного сахарным диабетом выделяется в

день 65 копеек. Некоторых онкологических больных вынуждены лечить препаратом, который стоит меньше рубля, потому что упаковка импортного препарата стоит 38 рублей — на него у больниц денег нет!..

Закупка импортных препаратов, таким образом, зависит от «Союзфармации». Но почему в аптеках нет лекарств, которыми «импортные» страны уже давно не пользуются, а мы без них, однако, своей жизни не представляем, — зеленки, марганцовки, анальгина?.. Я решил узнать, где все это.

Оказалось, что на единственной в Москве и самой большой в СССР фармацевтической фабрике есть очень много марганцовки и зеленки. А когда завозят порошок для анальгина, то штампуют и анальгин. Там на складе — вы не поверите! — залежи калия марганцовокислого (на 1 августа 1990 года было 7 тонн 139 кг) и бриллиантового зеленого (в тот же день — 536 кг 500 г) — так по-научному называются марганцовка и зеленка. Это очень много, потому что марганцовку расфасовывают по 5 граммов, а зеленку — по 10. Чтобы получить 100 литров зеленки, нужно всего лишь один килограмм порошка развести в 99 литрах специально приготовленного раствора. Вдобавок на фабрике есть отменные линии, где расфасовка марганцовки и зеленки идет автоматически. За смену они способны выдавать по 30 000 флакончиков! Этим количеством можно потопить и засыпать Москву! Такой линии могут позавидовать предприятия, где выпускают бификол и бифидумбактерин — расфасовка этих лекарств, которые спасают жизнь грудным младенцам (см. статистику младенческой смертности — она выше, чем в других цивилизованных странах в

МОСКВИЧАМ — О МОСКВИЧАХ

Детская смертность в Москве (детей до 1 года, на 1000 родившихся)

год	всего
1897	299
1940	179
1988	19,7
1989	18,4

Материнская смертность в Москве на 1000 родов

год	всего
1985	58
1988	30
1989	49

Средняя продолжительность жизни москвичей

год	мужчины	женщины
1985	66,6	75,4
1986	66,0	74,1
1987	66,5	74,4

ло работать поликлиническому врачу: он всегда страдал от излишней писанины, так вот теперь выписывать рецепты ему стало почти совсем не нужно.

В аптеках пусто, как в магазинах и табачных киосках. Куда все подевалось? Вроде бы каждое утро люди ходят на работу, что-то делают — где же товары? Удивительное время!

Сейчас, как никогда прежде, забыты киоски газетные. Больше того, возле станций метро, прямо на тротуарах и на углах всю торговлю газетами,

МАРГАНЦОВКУ

два-пять раз), происходит вручную, пипеткой! Оттого-то и мрут наши дети. Так вот, эти замечательные линии дала фабрике не отечественная промышленность и, естественно, не импортная. Их придумал и своими руками собрал Павел Кузьмич Старостин, фабричный старожил, которому недавно исполнилось 100 лет и который продолжает там работать. Линии Старостина стоят. Фасовщицы приезжают на работу и целыми днями маются от безделья. Фабрика на грани полного краха. Неизвестно, чем платить зарплату. И все из-за того, что нет склянок для марганцовки с зеленкой и баночек для настоек и мазей, к которым москвичи привыкли. Кстати, там на складе и валерианки, и пустырника, и настоек, и растираний чрезвычайно много. Не во что фасовать. И еще нет пробочек и крышечек. Словом, нет тары.

В прошлом году склянок было очень много. Очевидцы рассказывают, что весь фабричный двор был уставлен ящиками с этими склянками и баночками. Их некуда было девать! А теперь кончились. А других завод из Клина почему-то не везет. На 1990 год фабрика заявила 14 миллионов склянок — городское объединение «Фармация» обещало выделить лишь 3 910 000 штук. Пробочки поставляет завод из г. Кинеля Куйбышевской области. Заявили 42 миллиона пробочек — обещали поставить 23 400 000, чуть больше половины.

Если бы предприятия-поставщики были с фабрикой одной системы и тоже принадлежали Минздраву СССР, то на фабрике хотя бы знали, что там стряслось у поставщиков. Но поставщики относятся к Министерству медицинской промышленности СССР, поэтому поставщики перед фабрикой не отчитываются...

Всякий раз и всякий год, когда расследуешь очередной лекарственный дефицит, наталкиваешься на эту парочку — Минздрав с Минмедпромом. Они десятилетиями не могут разобраться, кто кому чего и сколько должен. Недовольство любого человека, кто не сумел достать нужное лекарство, тотчас обращается, естественно, против Минздрава, в чьем ведении аптеки и больницы. Но, пожалуй, не было еще случая, чтобы истинным виновным не оказался Минмедпром с его стекольными, полимерными и прочими «упаковочными» заводами. Тары не хватает то под одно лекарство, то под другое. То одно лекарство, то другое впадает в дефицит. Эта картина не меняется десятилетиями! Причем Минмедпром имеет собственные заводы, выпускающие те же лекарства, что и Минздрав, поэтому тарой обеспечивает в первую очередь «свои» заводы. Вот именно этому делю больных на «своих» и «минздравовских» конца не видно!..

Когда на Верховном Совете СССР решалась судьба Минмедпрома, депутаты все свое внимание сосредоточили почему-то на его названии — оставаться ему Минмедпромом или стать Минмедбиопромом. А самого главного — его разногласий с Минздравом — не касались. Никакая, даже самая большая, фармацевтическая фабрика городского масштаба их уладить не может тем более...

Чтобы не оставлять Москву без марганцовки, работники фабрики решили вернуться на двадцать лет назад: почему бы аптекам не расфасовывать марганцовку, как прежде, в бумажные пакетики? С этой целью с фабрики в аптеки регулярно отправляется калий марганцовокислый в двухлитровых банках. Я попросил назвать десять аптек, которым в послед-

нее время фабрика продала порошок калия марганцовокислого. Только в июле и только в десять московских аптек фабрика отправила 154 килограмма порошка. Из этой горы можно было нафасовать больше пятидесяти тысяч упаковок! Не едят же у нас марганцовку! Не покупают же ее десятками пятиграммовых скляночек или трехграммовых пакетиков! Ну, должна же быть марганцовка в аптеках, ну, хоть в одной аптеке! Пьяницы ее не пьют, иногда ее брали для полива огородов садоводы — но не сейчас же, когда марган-

МОСКВИЧАМ — О МОСКВИЧАХ

Число поликлиник

	1985 г.	1989 г.
Для взрослых	185	195
Детских	125	135
Стоматологические для взрослых	33	35
Стоматологические детские	22	24
Женские консультации	9	8
Закрытые поликлиники и амбулатории	8	7

Стационарные учреждения

	1985 г.	1989 г.
Горбольницы, включая стационары в НИИ и инфекционные для взрослых	61	58
Специализированные больницы Роддома	3	6
Детские больницы, включая инфекционные	21	23
Наркологические	24	21
Гинекологические	2	2
	4	4
Всего	174	170

цовки нет!

Ни в одной из десяти аптек марганцовки не оказалось. Причем в аптеке № 214 сказали, что ее не было полгода, а в аптеке № 181 — что ее не было в этом году. В аптеке № 15 ответили — не было давно, в аптеке № 121 — была давно, в 222-й, 260-й, 363-й и 87-й — нет, нет, нет, а между тем я знаю, что все они, расположенные на оживленных и тихих перекрестках города, такого-то числа по такому-то счету расплатились с

МОСКВИЧАМ — О МОСКВИЧАХ

Врачи в больницах и поликлиниках

	1985 г.	1989 г.
Всего	44947	45703
Не хватает	9665	14176
На 10 000 населения	52,6	52,1

Средний медперсонал в больницах и поликлиниках

	1985 г.	1989 г.
Всего	90212	96625
Не хватает	23383	29084

Младший медперсонал в больницах и поликлиниках

	1985 г.	1989 г.
Всего	22981	21633
Не хватает	25766	31488

И, наконец, некоторые сведения о городской Скорой помощи

	1985 г.	1989 г.
Врачи	1752	1843
Средний медперсонал	4907	5428
Общепрофильные бригады	1699	1713
Специализированные	316	362
Число выполненных выездов:		
По болезням и несчастным случаям	2011715	2535265
По перевозке больных	421150	362111
Число машин	658	659

А ВОТ ЧЕМ МОСКВИЧИ БОЛЕЮТ
(на 100 тыс. населения)

	1985 г.	1989 г.
ИБС	5917	6127
ИБС-стенокардия	1052	1697
Гипертония без ИБС	3776	7191
Язвенная болезнь желудка и 12-перстной кишки	1604	1679
Злокачественные новообразования	—	299
Болезни сосудов мозга	—	3785
Гастрит	931	1180
Желчно-каменная болезнь	949	1106
Бронхиальная астма	403	492
Пневмония	419	329
Сахарный диабет	1336	1460
Хроническая эрозия шейки матки	1012	883
Хронический бронхит	1300	1616

фабрикой кто за восемнадцать килограммов порошка, кто за десять, двадцать, а 414-я, которая, сколько туда ни звонишь, не отвечает, за самую большую порцию — 30 килограммов. И это была только разовая доза! А фабрика никого в получении калия марганцовокислого не ограничивает — получиай хоть каждый день!

Но куда же он девается? Однажды я не сдержался, и, когда мне в 258-й аптеке в очередной раз ответили, что нет марганцовки и не было, я сказал, что марганцовки, может быть, и нет, но она должна быть, потому что еще и месяца не прошло, как туда привезли целых двадцать килограммов. Неизвестная девушка тотчас передала трубку администратору Людмиле Геннадиевне.

Взволнованная Людмила Геннадиевна сначала уверяла, что марганцовки она лично не видела месяца два-три, но потом сказала, что просто вообще ничего не знает про марганцовку и что надо звонить завтра, когда придет заведующая...

Я не хочу сказать, что в аптеках калий марганцовокислый едят или сбывают на сторону садоводам. В аптеках всегда работали честные, прилежные люди. Но куда-то же этот порошок девается! Сами работники десяти аптек этого не знают и уверяли меня, что в глаза не видели никакой марганцовки. Наверное, все могли бы объяснить в городском объединении «Фармация», но это поистине заколдованное учреждение: там вечно никого нет на месте. Может быть, потому, что генеральный директор, подпавший тревожное воззвание к председателю Моссовета, в отпуске?

Приходитесь обращаться к нему через журнал. Ко времени выхода второго номера «Столицы» он, должно быть, уже вернется из отпуска. Впрочем, ждать его возвращения нельзя — вопрос с дефицитом марганцовки нужно решить как можно скорее. Марганцовка на фабрике есть — с фабрики она уходит, — а в аптеки к покупателям не попадает...

Удивительное время не-домолвок, путаницы и дефицита!.. Но оно могло бы стать еще более неприспособленным для жизни, если бы не рядовые работницы фармацевтической фабрики, которые самоотверженно взялись расфасовывать лекарства вручную. Одна девушка со слезами на глазах жаловалась, что закручивать крышечки на тысячи флакончиков с раствором аммиака просто невозможно: это какие-то парфюмерные, а не аптечные крышечки, они красивые, но об них пальцы стираешь в кровь...

На линии розлива настоек пустыряника автомат заменили Татьяна Косицкая, Нина Расщупкина, Люся Кожина и еще четверо подруг по бригаде.

— Стали бы мы вручную работать! — заговорили женщины наперебой. — Делаем потому, что всю жизнь тут, на фабрике. А молодые бы ни за что не стали!..

Они разливают лекарство руками: флакончики есть, а крышечек не нашлось. Достали одни пробочки, которые в горлышко флакончика не лезут. Женщины вдавливали их так: большим пальцем — и чуть еще животом. Им платят 160 рублей в месяц — в том случае, если линия работает и флакончики бегут с огромной скоростью — только успевай выхватывать брак. А сейчас, когда каждый флакончик нужно сперва заткнуть непослушной пробочкой, которая оттуда прет, да наклей этикетку — видно, теперь и 160 не выйдет...

— Должно же быть в аптеках хоть что-нибудь, — скромно сказала Люся Кожина, вдавливая большим пальцем, который она обвязала черной изоляционной лентой, непокорную пробку и налегая на нее животом...

Она только это и сказала, чтобы не тратить времени на разговоры.

Андрей КУПЦОВ

БОЛЬНОЙ ВТОРОГО СОРТА

Где лучше лечиться — в больнице ведомственной или в обычной? Москвичи, захворав, делятся на больных сортом повыше и сортом пониже. «Двери спецполиклиник откроются для всех», — успокаивает нас заместитель председателя Комиссии Моссовета по охране здоровья Василий Николаевич НУТРИХИН.

— Уж очень явны контрасты между медициной городской и ведомственной — по всем параметрам, чего ни коснись. Справедливо ли делить больных на разные категории — а так оно объективно получится — в зависимости от того, где человек работает? И потом. Мы говорим о переходе к рыночным отношениям, а они будут развиваться и в такой области, как здравоохранение. Но у городских лечебных учреждений и учреждений ведомственных — совершенно неравные стартовые условия. Значит, надо думать, как их уравнять.

— Что значит — уравнять? Отобрать, предположим, технику, медицинские приборы и передать в городскую сеть?

— Нет, конечно. Разрушать то, что сложилось в этих структурах, под девизом «нам плохо, пусть будет плохо и у них» нелепо. Достойное лечение должны иметь все наши граждане. Не ведомственное обслуживание надо низводить до уровня городского, а наше здравоохранение поднять до «их» уровня. К сожалению, сразу это не получится. А пока надо сделать так, чтобы медицина ведомств повернулась лицом к тем москвичам, которые лишены возможности лечиться так, как «у них».

— То есть открыть для них двери, которые сегодня закрыты? Каким же образом? Как бы мы ни возмущались, ни призывали к социальной справедливости, но надо же учитывать, что более высокий уровень лечения в своих больницах и поликлиниках ведомства сами и оплачивают. Стало быть...

— Вот тут-то вы и неправы. Да, ведомства вкладывают определенные суммы на приобретение техники, оборудования, на доплату медицинскому персоналу, но это только часть средств. А другая часть — и немалая — из госбюджета, то есть от нас с вами. Все мы отдаем подоходный налог, включающий в себя и оплату медицинского обслуживания. Потом эти средства выделяются из бюджета поликлиникам и больницам Москвы. Всем поликлиникам и больницам, ведомственным в том числе. Значит, каждый москвич внес часть своих денег и на постройку тех престижных зданий, войти в которые он не имеет права. А мы считаем, что такое право он должен иметь.

— Но не декретом же их вводить?

— Если заработают экономические механизмы, закрытые двери сразу приоткроются. Возьмите налог на землю. Где, как правило, располагаются ведомственные больницы? В наиболее удобных, экологически чистых, лучших местах города. А там налоги на пользование землей будут значительно выше. А все коммуникации? Их-то ведь обеспечил город, значит, и за это надо будет платить. Налог на «привозную рабочую силу» — и это тоже. А если уменьшить или вовсе отменить ассигнования из бюджета? И тогда сами ведомства, подсчитав все, обратятся к городским, к районным властям, пойдут на заключение договоров — какой процент медицинской помощи они смогут передать городу, «простому» больному, который, живя в двух шагах от респектабельной поликлиники, вынужден с двумя пересадками ехать до своей, районной. Могут быть договоры на использование медицинской техники, лабораторий... На первом этапе — чем наша комиссия и начинаст заниматься — надо произвести своеобразную инвентаризацию ведомственных лечебных заведений, посмотреть, как они специализированы, на что ориентированы, какими возможностями располагают — словом, сделать полный анализ того, чем они могут быть полезны городу.

— Данные о ведомственной лечебной сети есть, видимо, в Главном управлении здравоохранения Москвы?

— Да, и мы находим там полное понимание. Есть такие цифры: городских больниц у нас — 170, ведомственных — 26, на 12790 коек. Ведомственных поликлиник — 56, из них 14 детских. Какие это ведомства? Ну, например, Госплан СССР и Госплан РСФСР, Госснаб, Академия наук СССР, Академия медицинских наук, Госбанк, Стройбанк, Центросоюз, Минздрав, Водздравотдел, МПС, Минвуз...

— Но есть ведь, кроме того, и закрытая сеть медучреждений. И здесь точных цифр не знает даже ГУЗМ. Это поликлиники и госпитали Министерства обороны, МВД, КГБ, Министерства путей сообщения, Министерства гражданской авиации... По предположениям таких учреждений около пятидесяти.

— Об этом тоже надо иметь четкое представление. Даже на первом этапе — инвентаризации всего, чем может располагать город, работа для нашей комиссии предстоит большая. А ведь никакого времени в запасе у нас нет — положение с городской медициной просто вопиющее. Только представьте: у нас не хватает более четырнадцати тысяч врачей! Можем мы в ближайшее время найти такое количество специалистов? Нет, это нереально. Значит, нужны какие-то другие выходы. Сейчас у нас на 10 тысяч населения — приблизительно 18,5 больничных врачей. А в ведомственном обслуживании — вдвое больше: на 10 тысяч — 37 врачей.

— И, видимо, более высокой квалификации? Ведь туда уходит наиболее компетентные.

— Я не сказал бы, что уходит наиболее грамотные специалисты. Но в тех условиях у них больше возможностей для профессионального роста, возможностей для успешного лечения больного, для диагностирования — благодаря более мощной материальной базе. Вот и надо перераспределять — нагрузки на врача, возможности пользоваться новейшей медицинской техникой за счет ведомственных лечебных учреждений. Это, кстати, было одним из пунктов моей предвыборной программы.

— Неужели даже в медицине — все тот же порочный наш принцип распределения и перераспределения!

— Конечно, это не может быть принципом — речь идет о мерах неотложных, чрезвычайных. Главное — реорганизовать систему работы медиков, освободить их от шелухи, от работы абсурдной и бесполезной. Чего стоит всеобщая диспансеризация населения — а ведь эту «глобальную» программу никто не отменял. Ну, не готовы мы пока к этому, нет для этого возможностей! А сколько специалистов сейчас заняты этим, вместо того чтобы лечить больного! Или возьмите призывные комиссии. На медицинское обследование призывников отлекаются городские врачи из больниц и поликлиник. Может быть, Министерство обороны постарается решить эту проблему своими могучими силами? Или даже такая благая, казалось бы, идея, как работа поликлиник в выходные дни, оборачивается абсурдом, потому что в воскресенье не идут люди в поликлинику, и все тут. Врачи же и медсестры понапрасну томятся в своих кабинетах. А как раз ведомственные поликлиники в воскресенье закрыты — и ничего страшного.

Освободиться бы нам от глупостей и несуразностей, которыми мы все опутаны, посмотреть на все с точки зрения целесообразности и здравого смысла. Это ведь никаких затрат не требует...

Вопросы задавала Елена БОЛДЫРЕВА

**Минздрав:
САМ НЕ ЛЕЧИТ
И ДРУГИМ НЕ ДАЕТ**

НЫНЕШНЕЕ здравоохранение с его так называемым централизованным финансовым обеспечением больничных коек (извините за вынужденный канцеляризм) называется бюджетным. Система очень проста: Минздрав получает

деньги из госбюджета, распределяет его по обл- и горздравам, а обл- и горздравы — по райздравам.

Московские врачи, которые наподобие шахтеров создали, кажется, свой стачечный комитет, первым своим лозунгом выдвинули борьбу против «государственного здравоохранения». Они больше не хотят выпрашивать у горздрава деньги. Исполком Моссовета тоже хотел бы видеть московскую медицину страховой, а не бюджетной.

Время от времени из исполкома Моссовета звонят в Главздрав и спрашивают: ну, что, к сентябрю будет страховая? Там уверены, что страховую медицину можно ввести приказом. На самом деле страховая медицина — сложный клубок интересов, в котором пациент, врач и страховая компания имеют каждый свои юридические права и обязанности. Как-никак речь идет о жизни человека. Для этого должен быть закон о страховой медицине, которого нет. Доходят слухи, будто он уже подготовлен Минздравом СССР, несколько раз мучительно переделывался, но сама система подготовки законов в недрах «заинтересованных министерств и ведомств» глубоко порочна, потому что еще не было такого министерства, которое бы, изобретая закон, не ставило в самое лучшее положение себя — в ущерб гражданам. Так вышло и с проектом закона о страховой медицине, подготовленным в Минздраве СССР.

«Чисто» страховая медицина делает, Минздрав СССР ненужным. Согласно ей, страховая компания обеспечивает каждого человека страховым полисом — то есть листком бумаги с перечнем медицинских услуг, за которые платит компания. За некоторые виды медицинских услуг придется платить самому гражданину. Со своим страховым полисом человек приходит к зубному врачу, тот вырывает ему зуб, больной уходит — для него эта медицина бесплатная. А врач счет за вырванный зуб отправляет в страховую компанию. Страховая компания контролирует врача. Если он напишет в полисе, что вырвал больному зуб, сделал рентген и еще флюорографию и гастроскопию и т.д., то страховой агент придет к врачу и проверит, нуждался ли больной за один прием в столь обширном комплексе оздоровительных мероприятий.

Защищен будет и пациент. Сейчас мы перед врачом беззащитны и врач перед нами ни за что не отвечает. Помните, сколько встретили вы врачей, которые отнеслись к вам невнимательно, наговорили глупостей — словом, когда вы пришли к врачу больным и больным от него вышли? Страховая медицина гарантирует вам заботу врача: он материально заинтересован оказать вам как можно больше «услуг».

Она предохраняет и врача от напрасных наладок со стороны пациента. Представитель страховой компании всегда будет объективен в вашей ссоре с врачом, так как он — платит.

Не понадобится больше Минздрав со своими детищами в областях, городах и районах! Будет совсем просто: страховая компания получит деньги из бюджета сама (те же три процента, которые отчисляются здравоохранению и сейчас) и еще отчисления от предприятий, которые, по идее, должны быть заинтересованы в крепком здоровье своих сотрудников и потому с радостью начнут делать крупные отчисления страховым компаниям. Сбудется ли все это или нет — другой вопрос. Речь о страховой медицине в чистом виде.

Минздрав СССР придумал другое: бюджетно-страховую медицину. То есть он вписал в закон себя. Он, Минздрав, получает из бюджета свои три процента и распределяет средства по-прежнему, а страховая компания существует на отчисления предприятий. Казалось бы, в борьбе против административно-командной системы вводится новшество — страховая компания, однако администраторов становится еще больше: страховая компания становится вторым министерством. Один пациент финансируется из двух источников. Это очень сложно. Но именно такую разработку ведет Минздрав СССР.

На Западе действуют параллельно разные формы оказания медицинской помощи — и страховая, и государственная, и частная, и церковная... Наш Главздрав Мосгорисполкома вряд ли способен оказать существенное влияние на продвижение проекта закона о страховой медицине от Минздрава СССР к Верховному Совету СССР. Но уже сейчас, как

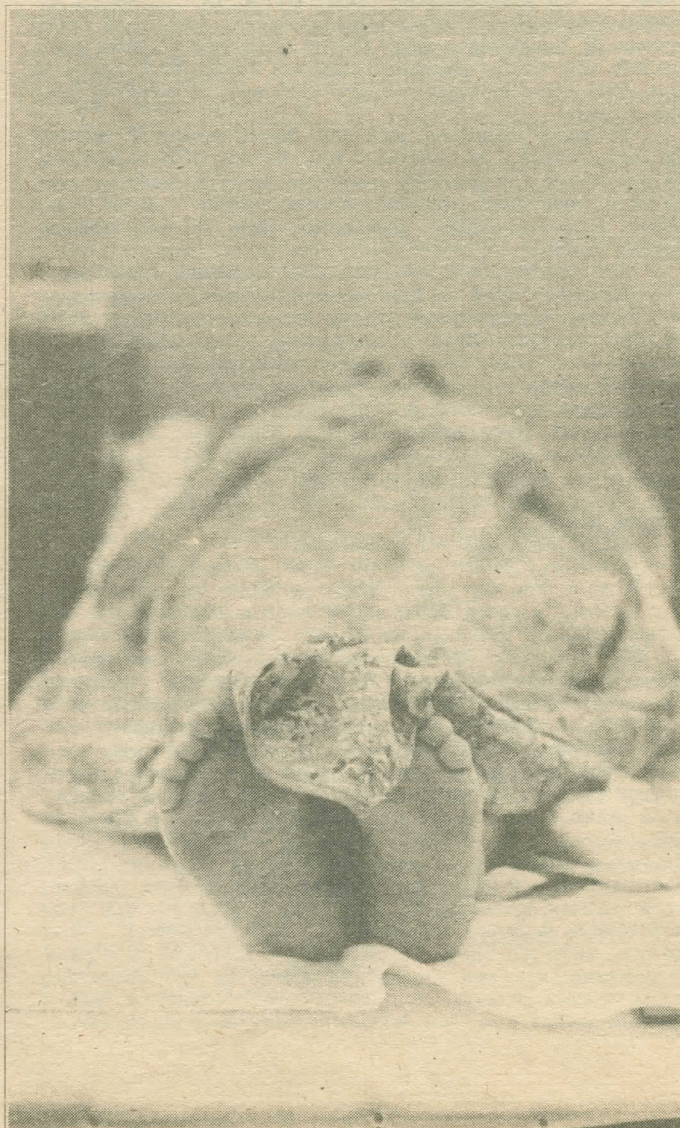
выяснилось, там не возражают, чтобы в городе открылись частные клиники, клиники под покровительством церкви, синагоги, мечети, общественные больницы — самые разные, какие врачам открыт заблагорассудится. Желающим могут быть предоставлены больницы, медикаменты, инструментари, аппаратура, даже деньги! Но в Главздраве — это следует повторить особо — не считают, что время ликвидации государственной медицины уже настало.

Там считают, что, наоборот, сейчас, когда разрешены разные формы медицинского обслуживания населения, самое время укрепить государственный сектор. Для этого деньги в здравоохранении нужно направлять не на койку, как это делается сейчас, а на конкретного больного. На будущий год Москва получит уже миллиард на свои нужды — им следует распорядиться умнее: его нужно отдавать заболевшим людям, а не койкам.

Далее. Современная медицина — это неделимый комплекс пяти мероприятий, на которые и следует направлять средства. Нужно вкладывать капиталы в фармакологию (без лекарств здравоохранение существовать не может), закупать и производить самим одноразовые шприцы и инструментари, разовые системы для переливания крови и плазмы. Нужны кровозаменители и, наконец, перевязочные материалы. Без всего этого медицинского бизнеса не провернешь.

Не нужно смешивать формы здравоохранения — пусть расцветают все цветы. Так считают в Главном управлении здравоохранения Мосгорисполкома — одном из подразделений административной власти, чьих приказов, команд и распоряжений слушаются все реже и реже...

ОТДЕЛ СОЦИАЛЬНО-БЫТОВЫХ ПРОБЛЕМ

Кирилл СВЕТИЦКИЙ

Даздраперма

Будь я большим ученым, где-нибудь на пересечении социологии с искусствоведением создал бы новую научную дисциплину — что-то вроде экологии эстетической атмосферы. О влиянии таковой на биологическое и социальное самочувствие душ населения. Интересная закономерность: чем плотнее вокруг человека аура истинного искусства, тем легче ему живется. Чем больше пошлости — тем тяжелее. При равно скромном количестве колбасы в холодильнике и монет в кошельке.

Так вот. Был бы я большим ученым, занялся бы этой закономерностью всерьез, по-научному. Взять любую точку города, снять показания, ввести в компьютер... Пожалуйста! В Третьяковке максимум, в Коровино-Фуниково минимум, опасный для здоровья. Все быстро и просто. Получены строго объективные данные. И экологи-эстеты втыкают их, как ножи, в оппонентов. Жаль наука не моя стезя.

Придется быть субъективным, рассуждая о болезненном. Многие заслуженные в прошлом деятели общаются, потому что собираюсь со вкусом потоптаться на их любимых мозолях. Начну с того, как

ПРИШЛИ РОЗЕНКРАНЦ И ГИЛЬДЕНСТЕРН

Я никогда не был во Флоренции, но люблю этот город заочно. Он похож на музей под открытым небом, и люди ходят на работу мимо «Давида» Микеланджело Буонарротти. Я с рождения живу в Москве и уже лет десять все хожу и хожу (в школу, в университет, на работу) мимо пошловатого крепяна-ильича (слово «ильич» пишу со строчной буквы, потому что это уже как бы и не имя собственное, а часть город-

фото Т. Шавердиева

РАЗМЫШЛЕНИЯ ОБ ЭСТЕТИКЕ, ТЕКУЩЕМ МОМЕНТЕ И АНГЛИЙСКОЙ ДРАМАТУРГИИ

ского пейзажа: клумбы, очереди, мусорные баки, ильичи...) работы безвестного скульптора эпохи серебряных вождей.

Встанем на эстетическую точку зрения.

Во что упирается случайно брошенный взгляд? Как бы это помогче выразиться, во что...

На пересечении Остоженки с Пречистенкой широко шагает (интересно, куда? и почему еще не ушел?) бородастый громила с надписью «Фридрих Энгельс». Весь такой гранитистый, рубленый, современный — на фоне изящных московских особнячков...

Калининский проспект — склоните головы, здесь сплетались арбатские переулки...

Улица Герцена (бывшая Б. Никитская). На странном в этих местах сером прямоугольном фасаде — серый же горельеф. Рабочий сжимает, чуть ниже пояса, твердой рукой палку непонятного назначения. Эту весьма фаллическую скульптуру студенты МГУ любят показывать своим зарубежным друзьям.

Ах, Флоренция! Со вкусом оборудованный музей, где в одном зале на стенах полотна Возрождения, в другом — XVIII век, отдельно — изощренные модернисты. Родная моя Москва, ты — пространство, где смешаны Жилиardi и агитпроп на фоне голой стенки шершавого бетона. С характерной надписью поперек.

Вот перекресток, возле которого стояла моя музыкальная школа. Он носит благородное московское имя Земляной вал. А ведь одно время мирился с псевдонимом «площадь Цезаря Кунникова». Цезарь Кунников — командир того самого новороссийского десанта. Он имени себе не выбирал, и у героев имена бывают неблагозвучными. Идиотская же затея с перемножением — подарок мос-

СТОЛИЦА

ковского горкома «верному замполиту».

Манежная площадь — здесь я учился в университете. Официально она именуется пл. 50-летия Октября, из-за чего интуристовские переводчики испытывают профессиональные трудности, а ведь есть у нас еще колхозы «такого-то партсъезда». Говорят, где-то видели «тупик

Октября» и «улицу имени Памяти вечного позора подлым убийцам Карла Либкнехта и Розы Люксембург». Во всяком случае, город Карло-Либкнехтовск существует точно.

Но ведь имена улиц, площадей, городов — и даже тупиков и переулков — не просто мертвые буквы на фасадах. Это важная составляющая той самой эстетической атмосферы. Топонимика дополняет и завершает архи-

тектурный ансамбль города или портит его, как ложка ароматного дегтя. Для имющихся уши площадь Свердлова звучит примерно так же, как изобретенное в 20-е годы женское имя Даздраперма (то есть «Да здравствует Первое мая!»). Откуда этот эстетический бред? Да еще в таком количестве, когда от обилия составляющих его «элементов» просто мороз по коже. И чудится в этом что-то жуткое, мистическое. Изображения вождей, кажется, размножаются уже самостоятельно.

Все это может быть — но причем же здесь английская драматургия, спросите вы. А притом, что почти четыре века назад Гамлет описывал собеседникам аналогичный случай:

«Впрочем, это не удивительно. Например, сейчас диди мой — датский король, и те самые, которые строили ему рожи при жиз-

ни моего отца, дают по двадцать, сорок, пятьдесят и по сто дукатов за его мелкие изображения. Черт сверхъестественное, если бы только философия могла до этого докопаться».

Когда я начинал писать все это, мне и в голову не приходило посоветоваться с Шекспиром. Действительно, смешно: Шекспир — и Кремлевский Дворец съездов. Гамлет и, например, Свердлов. Европа начала семнадцатого века — и Россия конца двадцатого. Вроде бы никаких ассоциаций. Но в голове настойчиво стучала расхожая ныне фраза о прерванной связи времен. Перечитал — и поразился.

Солідные люди ищут частные ответы на мелкие вопросы. С патологическим (или патологоанатомическим?) интересом сравнивают Сталина с Бухариным. Мы до сих пор мним себя нацией первопроходцев, причем имеем в виду как октябрьский переворот, так и апрельский. А ведь мы не первопроходцы — скорее неумные ученики

не только мировой истории, но и мировой культуры. Шекспира, например, будто бы и не читали. Гамлетовские вопросы — быть или не быть? как восстановить связь времен? и другие — считаем риторическими, то есть не требующими ответа, и сразу спрашиваем про колбасу. В нашей с вами ситуации подобное поведение просто смешно. Но самое смешное заключается в том, что на многие из «риторических» вопросов уже 400 лет существуют ответы или хотя бы способы поиска ответов — что тоже немало. Они, конечно, не звучат в одной-двух фразах, не все так просто. Но если чаще обращаться к настоящим гениям всех времен, они помогут поднять мышление на не-обыденный, не-текущий уровень, где часто и находится выход из безвыходных, по сегодняшним меркам, ситуаций.

Не знаю, прислушивались главные большевики к Шекспиру или презирали как «феодално-буржуазного философа» — не интересовался, честно говоря. Жаль, если не читали. Хотя вряд ли интеллигент и аристократ Гамлет остановил бы их ледокольный марш сквозь живую ткань традиции и культуры.

Цитата о сверхъестественном взята из второго акта трагедии. А что же произошло до? Примерив сюжет на себя, постараемся извлечь поучительное. Во-первых — и это всем, даже малым детям, известно, — по Европе бродил Призрак, который в самые ответственные моменты вдруг кричал из-под сцены загробным голосом, пугая присутствующих. И требовал

немедленно пролить кровь во имя справедливости. Его пытались изловить — Призрак в руки не давался. Клавдий убил брата и совершил государственный переворот, а также призвал ко двору (дабы нейтрализовать, а затем и ликвидировать Гамлета) двух особ, Розенкранца и Гильденстерна. Интересно, что эти двое — при всей государственной важности поручаемой им задачи — фигуры безликие до такой степени, что их все время путали. Гамлет же тем временем объявляет о прерванной связи времен. В общем, ассоциация удивительно прозрачна — хотя наша национальная трагедия и отличается кое в чем от шекспировой. К сожалению, не всегда в лучшую сторону.

Например, к нам Розенкранц и Гильденстерн пришли с маузерами. И сразу, без долгих уговоров, приступили к ликвидации слишком много понимающих Гамлетов. Как класса. Не забывая они и про собственное, «новое» творчество. Пока Розенкранц ликвидировал, Гильденстерн воспевал этот процесс. По-

том они, наверно, менялись местами (достаточно вспомнить революционных поэтов гражданской войны или чекистов, которые, как известно, любили побаловаться рифмой). Архитектура и скульптура также перестали быть искусством, обратившись в средства ленинской «монументальной пропаганды». То есть понятия эстетические сменились агитпроповскими, как аргументы — маузерами. Красота же вообще стала второстепенной, излишней — а иногда даже вредной, потому что была и есть непреходящая ценность, связывающая времена в единую цепь. Которую, разумеется, следовало прервать.

Получилось «советское искусство». Что это за зверь такой: не русское, не... таджикское, а — советское?

Наивно полагать, что оно есть продолжение ветви русской или какой-либо иной культуры, на древе общечеловеческой. Это искусственное образование — искусственное в смысле несущественное. Понятно, что растет оно не из общих корней, а из большевистской идеологии. То есть откуда-то сбоку и поэтому криво. По большому счету «Рабочий и колхозница» не скульптура, «Кавалер Золотой Звезды» не литература, «сталинский амбир» — не архитектура (хоть имеет немалую жилую ценность), «Гимн Советского Союза» — не музыка и не поэзия, а лишь материальное воплощение идеологии, оформление лозунгов с использованием эстетического орнамента. Творение великих художников социалистического реализма в 99,9 случаев из 100 похоже на другое, как Розенкранц на Гильденстерна. То есть вообще не являются предметами искусства. Это необходимо помнить и в отношении к ним из этого исходить.

Время шло. Шекспировы близнецы-братья основательно изменились, дожив до наших дней. Они не при шпаге и даже без маузера в кобуре. Остепенились, потолстели и полысели. Завели кабинеты и растят творческую смену. Однако с недавних пор чудом выжившие гамлеты вновь начали задавать свои проклятые и «далеко идущие» вопросы. И коль скоро ссылка или высылка за рубеж им вроде бы не грозят, Розенкранц с Гильденстерном привычно хватаются за то место, где раньше висела кобура. Что наглядно видно на

примере пленумов СП РСФСР. Да, кое-что, безусловно, меняется. Однако Клавдий у власти — следовательно, Розенкранц с Гильденстерном на посту. И ни постах. Поэтому столь уродливо эклектичны сегодня наша эстетическая атмосфера, облик древних русских городов. А всегда вежливых прибалтов просто уже толпит от бескультуры наших братьев-мигрантов.

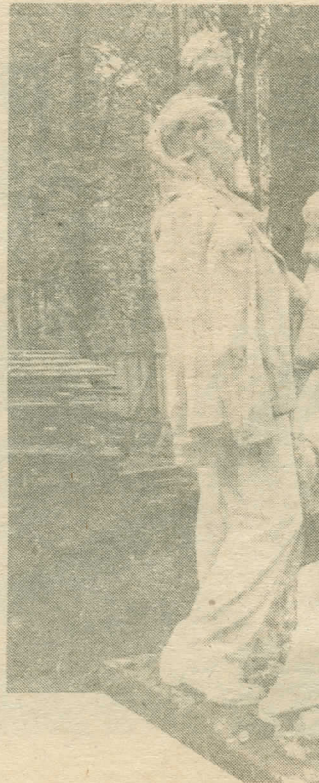
Уродливость не только глаза колет, но и в душу проникает — и приходится говорить об этическом воздействии эстетического кошмара.

ЭСТ-ЭТИКА

Вот один из вечных вопросов: может ли уродливое называться нравственным и наоборот?

В увиденном Гамлетом уродстве Клавдия заключена не простота, а глубина. Может быть — закономерность истории. Вспомните внешность двух знаменитых вандалов недавнего прошлого, дуче и фюрера, пытавшихся на свой лад прервать связь времен — в том числе подменить эстетику. Злодейство и красота тоже, видимо, «две вещи несовместные». Во всяком случае трудно совместимы.

Сон духа и разума рождает лишь чудовищ и лауреатов Государственных премий. Чудовища расплозятся по площадям, и наступит момент,

когда от них уже не убежать. Механизм слаженно вращает шестернями: Розенкранцы и Гильденстерны лепят уродцев, уродцы лепят душу человека, человек строит Дворец съездов в Кремле, куда на слку приходят дети. И все повторяется вновь, в стройном ритме пятiletок, и статуи на углах кричат тебе о классовой борьбе, имена улиц лгут тебе, вбивая в голову двоясмыслие и бессмыслие — вплоть до идиотизма.

Например (наберитесь терпения):

По Ленинскому проспекту, мимо станций метро «Ленинский проспект» метрополитена имени Ленина, мимо потретов В. И. Ленина, в сторону стадиона имени Ленина, что у Ленинских гор, где все чинят и никак не починят станцию метро «Ленинские горы» все того же метрополитена, еду на троллейбусе Завода имени Урицкого, что в городе Энгельсе...

Жаль, не попадалась мне картина в духе соцарта «В. И. Ленин пишет для нас 58-ю статью». Купил бы и повесил над кроватью.

ГАМЛЕТ:

«Неужели эти дети так страшны? Кто их содержит? Как им платит? Что, это их временное призвание? А позже, когда у них погрубеют голоса и они сами станут актерами обыкновенных театров, не пожелают ли они, что старшие восстанавливали их против собственной будущности?»

Детей жалко больше всего. Со стены в садике взирает все тот же. Воспитательница листает богатую иллюстриро-

ванную книжку про Красный Октябрь, а по праздникам — военные парады в имперском духе. Насмотревшись «киношеск», детишки играют в гражданскую войну. И все хотят быть «красными». Хороши также Павлики Морозовы. Трогательная, в общем, забота о будущем.

И конечно — монументальная пропаганда! Кто такой? — спрашивает меня четырехлетний сынишка, глядя чистыми глазами на многометровых свердловых, дзержинских (ильичей узнает сам, называет почему-то «лукачями»). На улице Кирова (бывшей Мясницкой): «А кто такой Киров?» На улице Куйбышевца, на площади Ногина, на проспекте Калинина...

А я стою и размышляю: назвать их всех по советской традиции героями, «хорошими» — проще, но не хочу врать, растить варвара и насилие. Скажу правду — получится «воспитание на негативе». Выбираю, конечно, последнее — как из двух зол меньшее. А хотелось бы выбирать лучшее. Но, к сожалению, детский мир настолько пропитан апологией большевизма и насилия, в самых разнообразных формах, что пока все это нейтрализуешь — глядишь, времени на «позитив» осталось крайне мало.

Разные родители — различный выбор. Плюс учителя со своими «программами эстетического развития» производства Наркомпроса, Розенкранца и Гильденстерна (Господи, как надосло их упомянуть!). Плюс торжественные мероприятия для октябрят и пионеров, тоже со своеобразной эстетикой. Я вроде бы все прибалбало, но величины складываются отрицательные, и в итоге мы получаем не большой Плюс, а длиннющий Минус. Шкандыбающий, уже больше в силу привычки, от такта к такту этический мотив вселенного разрушения: «Весь мир насилия мы разрушим до основания, а затем...» А затем взрослые тети и дяди заламывают руки в искреннем недоумении: откуда, мол, бездуховность?! Откуда-таки склонность к насилию?! Да откуда же, откуда пришли копии железных ножей, символы извращенной этики и эстетики. Они размножаются и цепко держат нас, пока мы занудно сравниваем сомнительные ценности оригиалов. И Розенкранц с Гильденстерном живут и здравствуют, хоть и брезжит сквозь туман — пока лишь как возможное —

СМЕНА СИМВОЛОВ

Живем в окружении символов. Они объединяют и раскалывают нас — как и любой другой народ. Но у нас это имеет свои особенности.

Российские депутаты впадают в панику, увидев российский же национальный флаг. Но дружно бредут к Мавзолею, чтобы поклониться основоположнику массового террора и отцу тоталитаризма. Интеллигентные люди уже начинают смотреть на это с точки зрения христианства. Нет, говорят, такого великого греха, за который тело умершего можно было не предать земле. Это заставляя душу бродить тенью среди живых — что в случае с нашей гробницей жутко похоже на правду. Но что «верным ленинцам» до христианства! Они своего вождя 66 лет по праздникам топтали — и, видимо, топтать будут. Тоже символ, и достаточно безразличный.

То есть у большинства наших управителей, включая народных депутатов, мозги и души вывернуты настолько, что не различают символы добра и зла.

Не сотвори себе кумира...

В «Гамлете» меня всегда тревожил один таинственный персонаж. Стоящий на вершине государственной иерархии — но бесправный совершенно. На протяжении почти всего действия не выражающий себя ничем, кроме крайней пассивности. Однако он же — ключевой образ, связывающий обе ведущие силы трагедии. Жена двух королей и мать принца, королева Гертруда — кто она?

С одной стороны, «сестра и ныне королева наша, наследница военных рубежей» — так говорит о ней Клавдий. «Даниа краса и королева», — вторит ему безумная Офелия. С другой стороны — «безвольные страдают больше всех», как тонко подметил Призрак. Безволие лишает королеву власти как действия. Она становится лишь художественным символом нации, символом государственной власти. Символом — и только. В каком-то смысле безволие королевы — ключ к политической фавеле трагедии.

Гертруда — единственный герой, имевший свободу выбора. Действительно: ни узурпатор Клавдий, ни благородный интеллигент Гамлет (сколько бы он ни точил свою шпагу) не могут изме-

ниться по ходу пьесы, образы добра и зла в трагедии знака не меняют. Клавдий вынужден злодействовать, иначе потеряет все — а Гамлет злодействовать не может, это противоречило бы самой его сути. Возникает патовая ситуация, гибельная для всех, когда силы добра и зла уравновешены в смертельной схватке. Спасти страну может лишь какая-то третья сила. Гамлет обращается к ней с последней надеждой:

«Вам надо исповедаться. Покайтесь»

В содеянном и берегитесь впрредь»

Траву худую вырывают с корнем»

Прошу простить меня за правоту»

Как в наше время просит добродетель»

Прощенья у порока за добро»

Которое она ему приносила (...)

Вот и расстаньтесь с худшей половиной»

Чтоб пользоваться лучшей тем полней»

Спокойной ночи. Не ходите к диде»

Нет совести — прикиньтесь, будто есть»

Привычка, этот враг живого чувства»

Кой в чем и друг»

В личине доброты»

Мы можем сами пристраститься к благу»

Разнашивая нравственный уклад»

Как новый плащ (...)

Повторность изменяет лик вещей»

Чертей смирнот или изгоняют»

Но Гертруда и сына любит, и без мужа никак. Равнодействующие и разнонаправленные силы сковывают ее. Лишь Гертруда и лишь отречением, исповедью и покаянием могла спасти и себя, и гибнущий мир — увя... Последуем совету или уподобимся Гертруде?

Ни отречений, ни покаяний пока не слышать. И помолчите! — как можно доверять тем у власти, кто зовет нас к нравственной экономике и нравственной государственности, поклоняясь идолу Вождя? Не надо делать из народа дурака, время доверчивых дураков уже прошло. Вот если бы реформаторы начали демонтаж всех символов большевистского прошлого, всего того эстетического и этического кошмара, который можно демонтировать без ощутимых матери-

альных потерь, — тогда появилась бы почва для доверия. На то, чтобы захоронить тело Вождя (и «перестать ходить» к нему, как к гамлетопу «дяде»), изъять его портреты из государственных учреждений, переплавить плоды монументальной пропаганды («траву худую вырывают с корнем»), сменить красные флаги на национальные и вернуть, наконец, улицам и городам их исторические и прекрасные имена — на все это много денег не нужно. Положительный же эффект будет колоссальным — хоть доверие и не марксистская категория, но прагматик должен понимать его ценность. Вообще прагматизм, о котором нынче любят порассуждать наверху, состоит не только в том, чтобы убрать идеологию из экономики. Эстетической атмосфере идеология также противопоказана. Показано — очищение.

Не стоит питать иллюзий относительно властей союзной и российской. Я лишь немного надеюсь на тех мэров, которые называют себя демократами. Но как объяснить им, что в повседневной жизни хоть что-то должно реально, зримо меняться? Не на словах — и сегодня иногда можно писать то, что думаешь. Можно еще выйти на улицу и закричать. Но от крика хлеб не родит. И Железный Феликс посреди Лубянской площади не рухнет. Словами не воздвигнешь памятник Гамлету наших дней — Андрею Дмитриевичу Сахарову. Конечно, рано или поздно горожане уронят Феликса, самостоятельно и иррационально. Но тогда у городской власти вместо одной проблемы вырастут сразу две: чинить асфальт и слезать авторитет. Чтобы демонтаж не выглядел разрушением, всегда лучше начинать цивилизованно. Хорошо бы — с прямой трансляцией по ТВ. Плюс ВВС (не путать с вэ-вэ-эс!), АВС, CNN и ННК (они в валюте заплатят). Аудитория будет такая, что наша футбольная сборная скинет от зависти. Дать народу возможность досыта накормить себя — задача, которую не решить ни за год, ни за два. Но уже сегодня равновесие на весах стабильности крайне неустойчиво. Чаша раздражения полна до краев и грозит перенести чашу разумности. Мы пока физически не можем сбросить с нее ни очереди, ни талоны на сахар, ни поголов-

ную нищету. Может быть, для кого-то вопрос о символах мелочь — но стоит ли пренебрегать даже мелочами, если раздражение достигло критической точки?

P.S. Есть в «Гамлете» еще один герой. Мне кажется, самый страшный. Хотя по ходу пьесы он не совершает ни одного дурного поступка и вообще существует как бы за рамками сюжета. Но его присутствие ощущается постоянно. Он не просто персонаж, он — явление. Убито прошлое вместе со старшим Гамлетом. Убит узурпатор Клавдий. Вместе с юным принцем погнбло будущее, отравлен и мертв символ нации — королева Гертруда. Погибает традиция власти, погибает иск. Погибает культура, которую можно было спасти. И приходит век иной.

История делает шаг не вперед — вбок. Приходит Фортинбрас. Принципиально новая власть, железный воин-норвежец. И там, за рамками сюжета, огнем и мечом наводит свой — чужой, железный, — но порядок. Это, безусловно, логичное завершение шекспировского сюжета. Но мы все это уже проходили, и больно жить в ожидании очередного Фортинбраса. Последняя строка трагедии — его слова: «Команду канонаде».

Не хочется, чтобы — вот так. Хочется в постнационализм. Туда, где вандализма нет и быть не может.

Но вандализм, как исторический процесс, все еще длится. Клавдий вспилился в руль власти, Розенкранцы с Гильденстернами отбрыкиваются от демократически заседающих Гамлетов. А основная масса лицедействует, подобно Гертруде, прикидывая: с одной стороны — с другой стороны... Все больше усталость от ожиданий. Не спасает даже испытанный друг советского человека — сатира. Жванецкий про партию — еще смелее. Но человек выходит на улицу и видит — ничто не меняется.

Это уже страшно.

«Еще раз — добрый сон. Из жалости и должен быть суровым. Несчастия начались, готовьтесь к новым».

Это к вопросу о многовариантности хода истории.

Усзая из этой страны, не забудьте прихватить компактного ильича, в виде бюстика. Говорят, там за него конвертируемые деньги дают.

ЗАЩИТА ЛЕНИНА

ДЕБЮТ И ЭНДШПИЛЬ
В КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ

Состоялся Секретариат ЦК КПСС. Отчет — на первых страницах газет. И резонно. Пока армия, КГБ и МВД практически на сто процентов партийны, реальная власть в стране — в руках главных коммунистов. И по-прежнему они решают: жить нам или умереть (за дело Ленина).

ПУБЛИКУЯ в «Столице» № 1 статью «Истукан», редакция опасалась: не устарела ли тема? Написанная в апреле 1990 г. к дню рождения Ильича, статья была последовательно отвергнута несколькими центральными изданиями. Аргументация привычная: давайте все-таки подождем, чем кончится XXVIII съезд. Погодим.

В «Истукане» сообщалось об изготовлении 15 новых памятников Ленину, каждый ценою в несколько сот тысяч. Выразалось сомнение в необходимости делать новые, когда к нам фурами (которые так нужны для овощей и фруктов) везут Лениных из бывших соцстран.

В августе, когда уже и в советских

республиках демонтируют монументы Владимира Ильича, публикация «Истукана», казалось, запоздала. Казалось, всем все уже ясно. Секретариат ЦК КПСС опроверг эти опасения.

16 августа «Правда» опубликовала отчет о заседании Секретариата. Прокомментируем несколько цитат.

«Развитие культуры, науки, образования названы на XXVIII съезде приоритетными направлениями политики партии».

Понятно. С молоком, зерном, атомной энергетикой, алкоголизмом партия (КПСС) уже справилась. Берется за культуру, науку, образование. Их теперь она (КПСС) будет развивать. Это хорошо. Надо только помнить,

что партийная организация производит исключительно партийную литературу, науку и т. д. Остальные — уничтожаются.

«...участившиеся проявления нигилистического отношения к памятникам истории, революционным ценностям советского народа... представляют угрозу делу обновления социализма».

Непонятно. Неизвестно, что такое «рев. ценности сов. народа», неизвестно, что такое «угроза делу обновл. соц-ма». Речь, кажется, идет о реставрации нашей казармы (новое не обновляют), о перелицовке ГУЛАГовского бушлата.

«Нельзя без чувства внутреннего сопротивления воспринимать факты демонтажа памятников В. И. Ленину в ряде мест Латвии, Литвы, Грузии, Молдовы, Украины».

Можно. Если не верите — спросите в ряде мест.

«Авторы письменных и устных обещаний (в большом количестве поступающих в ЦК КПСС) требуют... принять неотложные меры».

Интересно, кто эти «авторы» и какие предлагаются меры? Не раз приходилось видеть, как десятки милиционеров днем и ночью охраняют один памятник Ленину. Если «авторы» действительно так много — пусть они и охраняют изображения любимого вождя. А милиция пусть займется, наконец, тем, за что мы ей деньги платим, — охраняет нашей жизни, достоинства, имущества.

«Взволнованным и тревожным было выступление народного художника СССР, лауреата Ленинской и Государственной премий, Героя Социалистического Труда Л. Е. Кербеля. Отношение к памятникам... вызывает в среде художников непонимание, сказал он. Недавно секция скульптуры Академии художеств СССР собралась, чтобы осудить факты покушений на широко известные в нашей стране и за рубежом произведения, украшавшие площади и улицы».

Понятно «тревожное непонимание в среде художников». И сам Кербель (лауреат Сталинской премии 1950 г.) громоздил Марксов и Лениных у нас и у соседей, и коллеги его всю жизнь толпились у этой кормушки. Что ж тут не понять? Они достаточно откровенны: собираются не для обсуждения, а для осуждения — значит, и им все заранее ясно.

«Выступивший член ЦК КПСС, министр культуры СССР Н. Н. Губенко подчеркнул, что речь идет не просто о памятниках истории, но и о памятниках эпохи... Он резко осудил факты политического вандализма по отношению к дорогим для советских людей символам, запечатленным в камне, граните (тоже камень. — А. М.), металле».

Не «памятник истории», а «памятник эпохи»? Не ради правды, а ради истины?.. С грустью, с разочарованием, не впервые задаем мы вопрос: С КЕМ ВЫ, МИНИСТР КУЛЬТУРЫ? Почему вы в феврале отговариваете советских людей выходить на митинг демократических сил? Почему своим подчиненным приказываете в митинговое воскресенье сидеть в служебных кабинетах? Не кажется ли вам, что вы заблуждаетесь относительно народной любви к «дорогим символам»? Они действительно дорого обошлись и казне, и искусству. Но ведь не диверсанты, не враги народа, а **Советы народных депутатов** принимают решения о демонтаже. И, простите за резкость, — если платит вам Верховный Совет, почему музыку вам заказывает Политбюро?

«Выступившие на заседании секретари ЦК КПСС говорили о... доведении звучащей здесь тревоги до... правоохранительных органов. Секретариат ЦК КПСС осудил противоправные действия в отношении исторических памятников...»
Член Политбюро, секретарь ЦК КПСС А. С. Дзасохов сказал: «Мы решительно осуждаем глумление над памятниками основателю нашего государства, требуем принятия срочных, неотложных мер для прекращения подобного рода действий».

Опять приходится спросить Секретариат ЦК КПСС и члена Политбюро этой партии т. Дзасохова: какие меры имеются в виду? Ведь правоохранительные органы (милиция) подчинены местным Советам. Приказ Советской власти — закон для милиции. В таком случае у КПСС для защиты истуканов от народа нет других средств, кроме танков, лопаток и «черемухи».

«Министр культуры выразил справедливое недоумение по поводу безучастности правоохранительных органов, которые не используют предусмотренных законодательством мер ответственности. На эту пассивность неоднократно указывали деятели культуры, представители творческой интеллигенции. Их беспокоит начавшаяся волна бескультурья, беспамятства. Может ли претендовать на звание цивилизованного современника человек, поднимающий руку на произведения искусства?»

Приходится указать «деятелям культуры» и «представителям интеллигенции», огорченным пассивностью внутренних войск, что «начавшаяся волна бескультурья» началась не сегодня. Волну эту подняли большевики в 1917-м. Именно коммунисты грабили, жгли, гадили и уничтожали, подстрекая к этому всякий сброд. Срывать кресты, стрелять священников, оправляться на иконы, подтираться ризами, взрывать храмы, в целев-

ших гноить картошку... Все это вытворять на глазах народа, вытворять с наглой демонстративной безнаказанностью, цинизмом, жестокостью, садизмом, воистину издеваясь над всем святым, а теперь возмущаться «начавшейся волной бескультурья»?! Если кто-то крушит памятники (и обкомы!), то это вносят ваши идеи, это ваши уроки приносят плоды. Столько лет сеять ветер...

С кем вы, министр? С кем вы, «деятели» и «представители»? Как поворачивается у вас язык выражать «справедливое недоумение»? Вы хотите, чтобы милиция била или чтобы стреляла?.. Я дам вам совет: не хвататься за саперную лопатку, если вы видите, как подросток пишет дерьмом матерное слово на памятнике Ленину; врите на себе волосы, посыпайте голову пеплом и восклицайте «моя вина!» Потому что вы, деятели культуры и представители интеллигенции, участвующие по сей день в Секретариатах ЦК Коммунистической партии Советского Союза, полностью подтверждаете правоту основателя вашей партии и нашего государства. Ленин писал: «Интеллектуальные силы рабочих и крестьян растут и крепнут в борьбе за свержение буржуазии и ее пособников, интеллигентов, лакеев капитала, мнящих себя мозгом нации. На деле это не мозг, а говно».

Лакеев капитала встречал нечасто, а вот лакеев ЦК КПСС — коллективного распределителя дач, пайков, тиражей и Госпремий, — таких лакеев не счесть. Не упрямитесь, уберите ваши «украшения» с улиц и площадей в свои горкомы и обкомы. Молитесь своему кумиру. А народ насмотрелся. Устал. Больше не хочет. Больше не может. Одна дворняжка, заживо ободранная советскими комсомольцами «на шапку», вызывает у людей неизмеримо больше жалости, чем любое количество уничтоженных памятников товарищу Ленину и его товарищам.

Говоря серьезно, нам не стоит слишком волноваться по поводу решений Секретариата и постановлений Политбюро ЦК КПСС. Не действуют эти постановления ни на погоду, ни на урожай, ни даже на уборку урожая. Историк подтвердит: все, что КПСС бралась улучшить и сохранить, все, чего касались «Постановления о дальнейшем подъеме и развитии», — все гнило, гнило, шло прахом. Точно сказано: как царь Мидас — чего ни касался — превращал в золото, так Советская власть — чего ни коснется — превращает в дерьмо.

Секретариат беспокоится о «неуважительном отношении к произведениям искусства». Вон что! А когда убивали Бабеля, Мейерхольда, жгли книги, картины, за бесценок спускали Эрмитаж, били царские сервизы на свадьбе обкомовских дочек (вчера!

вчера, а не при Сталине) — ничего? не беспокоило?

Будет врать-то. Ведь никто уже не верит, что вы заботитесь об искусстве, об украшении площадей. Вы же не горюете об уничтоженных памятниках Сталину (или тихонько горюете?). Разве в каменных Ильичах больше искусства?

Член Политбюро, секретарь ЦК КПСС товарищ Дзасохов сетует: «Вспомним печальные, трагичные тридцатые годы, когда громилась храмы. Мы это пережили». Вы, тов. Дзасохов, пережили. А мы никак не можем это пережить.

Тов. Дзасохов огорчен: «К сожалению, сегодня опять, хотя и в отдельных районах, происходит наступление на памятники». «Опять»? Приравнять террор, расстрелы и посадки священников, уничтожение храмов, государственную войну против христианства и — народный протест против безобразных истуканов, языческих кумиров, грязных от крови человеческих жертв? Говоря «опять», член Политбюро уравнивает Ленина с Христом.

Один говорил: не убий. Другой приказывал «расстреливать как можно больше». Ошибся тов. Дзасохов.

Ошибся? Нет — проговорился.

Для товарища Дзасохова и его товарищей по Политбюро и сотен тысяч их товарищей в парткомах, райкомах, горкомах, обкомах, крайкомах, ЦК республик, в армии, КГБ, МВД и в ЦК КПСС — для всех них сравнение Ленина с Христом совершенно точно.

Христианство кормило в России десятки тысяч священников. Они жили на добровольные даяния свободно верующих людей. Сотни тысяч парт-аппаратчиков кормятся с коммунистической идеи; дань взимают насильно. Ленин им не нужен, они его и не читали. Нужна религия, обеспечивающая их сладкую, льготную жизнь. Свержение кумира есть не уничтожение произведения искусства, а конец религии. Кто будет приносить жертвы и взносы разбитому на куски или замаранному нечистотами божку? Конец религии — конец власти жрецов — голодный, нищий, позорный конец.

Жрецы готовы объявить джихад, готовы приговорить к смерти Марка Захарова — первого, кто публично (по ТВ!) сказал, что пора уже похоронить мумию по-человечески.

Жрецы в смертельной ярости, в смертельном ужасе. Они в смертельном цейтноте разыгрывают защиту Ленина, хватаясь то за саперные лопатки, то за фигуры деятелей культуры. Они пытаются спасти позицию — ясно, что они спасают себя и только себя.

Под этой, затянувшейся на 70 с лишним лет кровавой игрой против народа в учебнике истории будет написано: красные начинают и проигрывают.

Партия проиграна.

Александр МИНКИН

P.S. Номер был готов к печати, когда поступило сообщение: «На центральной площади Тбилиси демонтирован памятник В. И. Ленину». Насколько мы знаем — это был последний Ленин в Грузинской ССР. Сотни милиционеров, охранявших статую, занялись более жизненными проблемами.

*С первого сентября
открыта подписка на еженедельник*

*Получать журнал по подписке
дешевле, чем покупать его в киоске.*

«СТОЛИЦА»

Наш индекс 73746

Условия подписки:

на 3 месяца — 12 рублей 35 копеек;
на 6 месяцев — 24 рубля 70 копеек;
годовая — 49 рублей 40 копеек.

Подписка принимается во всех отделениях связи.

В случае отказа в подписке — обращайтесь в редакцию.

Трагедия Оша — тысячи погибших. Кто ответит за это?

Открытое письмо Чингизу Айтматову

Уважаемый Чингиз Торекулович!

Вы прекрасно знаете, как к Вам относится узбекский народ. Почти все Ваши произведения сначала публикуются на узбекском языке, затем на киргизском. Некоторые Ваши произведения даже переведены на турецкий язык с узбекского (например, «Плаха»). Стихотворения узбекских поэтов, посвященные Вам, могут составить огромный том.

Вы — единственный человек из среды киргизской интеллигенции — дали правдивую оценку ошским событиям. Вы, как писатель и общественный деятель, принадлежите не только киргизскому народу и даже не тюркским народам, а всему миру. Мы, узбеки, гордимся Вами.

Количество жертв ошской трагедии значительно выше, чем указывается в сведениях ТАСС. Такого не было ни в Сумгаите, ни в Баку, ни в Фергане.

Я, как узбек, глубоко переживаю за сожженных детей, женщин, стариков, за изнасилованных несовершеннолетних девочек, за нарубленное человеческое мясо с надписью «Цена за 1 кг мяса сарта* 1 руб. 20 коп.», за трехмесячного младенца, изжаренного на шашлык (в прямом смысле этого слова) на газовой плите, за мужчин, живыми посаженных на кол, за глаза, уши, которые похоронены отдельно от тел, за тысячи погибших.

В эти тревожные дни узбекская интеллигенция оберегает киргизов, проживающих в Узбекистане, от возможных кровопролитий. Даже в те страшные дни руководство республики вопреки воле народа изо всех сил старалось не допустить проникновения в Ошскую область анджанцев, а в это время в Узгене и в других городах продолжалась резня узбеков и руководство Ошской области продолжало поддерживать братоубийственную кампанию преступников.

Не мне рассказывать Вам о дружбе узбекского и киргизского народов. Во время нападок на Вас со страниц газеты «Комсомольская правда», когда Токомбаева выдавали за основоположника киргизской письменности, интеллигенция узбекского народа заявила, что Алишер Навои, Бабур, Авиценна, Улугбек, Бируни, Фергана, Хорезми, Нодира, Зебуннисо и другие великие салафи принадлежат не только узбекскому народу, а всем тюркским народам, в том числе и киргизскому.

В том, что произошло в Оше, виноваты не только представители киргизского народа. Виноват Владимир Ильич. Туркестан был разделен на куски еще по его указу. А ведь до революции наша Родина был единой и называлась Туркестан. Почти по всей территории вместе жили узбеки, казахи, туркмены, киргизы, таджики и другие народы. Клиническая операция, исполненная И. В. Сталиным по завету Ильича над Туркестаном, разделила нас на куски. От этого проиграли все народы, проживающие на древней земле. Большевики в своих имперских амбициях зашли даже глубже, чем завоеватели царской России. «Разделяй и властвуй» — вот их конечная цель. Впервые благодаря «коммунистическим идеалам» народы, разговаривавшие прежде на одном языке, после революции стали переводить друг друга.

Это трагедия века! Это преступление!

Великого азербайджанского поэта Физули мы до сих пор читаем в оригинале, а современных азербайджанских поэтов переводим.

Вернемся к ранам, к ошской трагедии.

Я родился в Чартакском районе Неманганской области, соседствующем с Джаны-Дюльским районом Ошской области. Впервые мои стихи были опубликованы на киргизском языке, затем на узбекском.

Моя старшая сестра замужем за киргизом, а младший брат женат на киргизке. Сколько еще можно привести примеров смешанных браков...

Вам хорошо известно, что, когда автономная киргизская область была превращена в союзную республику, Ошская область была передана из состава Узбекской ССР в состав Киргизской ССР. И узбеки никогда не просили присоединения Ошской области к Узбекской ССР. Ведь эти народы всегда жили бок о бок, и ныне на территории Узбекистана проживает около ста тысяч киргизов. Может, было и «разумно» разместить на этой территории части Советской Армии, изгнанные из Восточной Европы.

Ни для кого не секрет, что Ошскую область окружает со всех сторон Ферганская долина, в которой проживают свыше пяти миллионов узбеков. Ведь армия не всегда будет охранять покой киргизов.

Я болею за семьи моих близких, старшей сестры, младшего брата. Я хочу, чтобы на этой древней земле больше не проливалась кровь. Что же делать во избежание дальнейшего кровопролития?

Я считаю, что всех виновников геноцида необходимо выявить и строго наказать. Перед моим взором — тела сожженных, расстрелянных.

Чтобы не усугубить вражду между двумя народами, чтобы узбекский народ не стал врагом киргизского народа, он должен видеть и знать, что существует правосудие, справедливость. Что в наше время нет места средневековой морали и звериной жестокости.

Расследованием преступлений должны заниматься не киргизы, не узбеки и не русские, проживающие на территории Киргизской ССР. Следовало бы привлечь для расследования независимых юристов из ООН, республик Средней Азии и Казахстана, Азербайджана и Прибалтики.

Убийц-фашистов надо судить открытым судом перед жителями городов Оша, Узгена, Аравана, Анджана, Намангана и Ферганы. Должны быть наказаны виновные вплоть до члена Политбюро, первого секретаря ЦК КП Киргизии Масалиева, не без участия которого разворачивались трагические события...

Я надеюсь на то, что Вы, как большой писатель, как гражданин, как член Президентского совета, будете способствовать примирению двух братских народов.

Я предлагаю прежде всего привлечь к строжайшей уголовной ответственности первого секретаря Ошского обкома партии Сыдыкова, мобилизовавшего весь транспорт, огнестрельное оружие, спиртные напитки и даже вертолеты для геноцида узбеков.

Это было бы поучительным уроком для отдельных элементов, решающих межнациональные проблемы с помощью кнута.

ТУРА МИРЗА,
член Ошского комитета Союза писателей Узбекистана

* Так киргизы презрительно называют узбеков.

«ЧЕРНАЯ КНИЖКА»

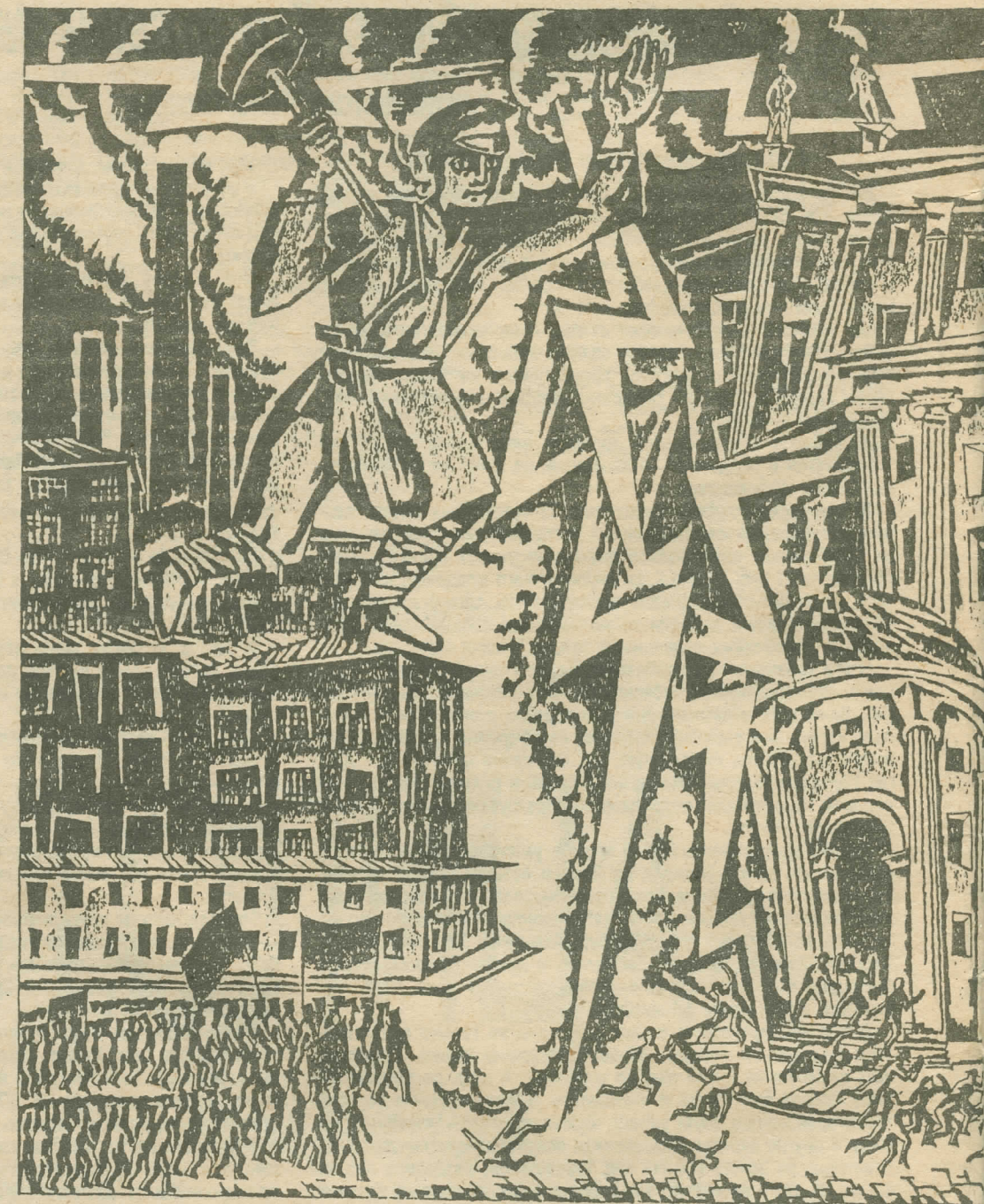
Зинаида
ГИППИУС

(Из
Петербургских
дневников)

Игнатий Нивинский. 1919 г.

Зинаида Николаевна ГИППИУС (1869–1945) — известная русская поэтесса, жена и соратник выдающегося русского философа, историка, публициста Д. С. Мережковского. Обладая глубоким умом и врожденной художественной интуицией, Зинаида Николаевна все предреволюционные годы находилась в самом центре русской общественной и интеллектуальной жизни. Ее дом на Сергиевской (ныне в Ленинграде это дом по ул. Чайковского, 73) всегда был полон: здесь бывали Керенский и Горький, Блок и Милоков, Савиных и Бунин, ставшая впоследствии знаменитой молодежь (достаточно сказать, что именно З. Н. ГИППИУС ввела в литературу таких разных поэтов, как Сергей Есенин и Осип Мандельштам).

Здесь, в доме на Сергиевской, стала она в 1914 году, в день начала мировой войны вести свой дневник. Записи делались вплоть до конца 1919 года, до отъезда из России в эмиграцию. Часть этого дневника (записи с 1 августа 1914 по 6 ноября 1917 года) была опубликована в 1929 году в Белграде. Записи с 7 ноября

1917 г. по 22 октября 1918 г. появились в Московском самиздатском сборнике «Память» (1979 г., выпуск 4; перепечатано в издательстве УМСА—PRESS в Париже в 1981 г.). Предлагаем вниманию читателей заключительную часть дневника З. Н. ГИППИУС — так называемую «Чер-

ную книжку», повествующую о самом трагическом периоде ее петербургской жизни — о 1919 году. Впервые «Черная книжка» появилась в белградском журнале «Русская мысль» (№№ 1–4, 1921 г.). В 1990 г. в нью-йоркском издательстве «Телекс» «Петербургские дневники» Зинаиды

Гиппиус вышли в полном объеме (составитель А. Себреников). Благодарим составителя за предоставленную «Столице» возможность познакомить своих читателей с «Черной книжкой» Зинаиды Гиппиус.

Дневник З. Н. Гиппиус — потрясающий документ эпохи, живое свидетельство

времени. «...Вот они, эти строки. Я помню, как я их писала. Я помню, как я, из осторожности, преуменьшала, скользила по фактам, — я не преувеличивала. Я вспоминаю недописанные слова, вижу нарочные буквы. Для меня эти скользкие строки — налиты кровью и живут, — ибо я знаю воздух, в котором они рождались. Увы, как мало они значат для тех, кто никогда не дышал этим густым, совсем особенным по тяжести, воздухом!» — писала Зинаида Николаевна в предисловии к белградской публикации.

Еще несколько строк из предисловия, чтобы ввести читателя в курс дела, рассказать ему об обстановке, в которой писался дневник Гиппиус: «К весне 19 года общее положение было такое: в силу бесчисленных (иногда противоречивых и спутанных, но всегда угрожающих) декретов, приближительно все было «национализировано», — «большевизировано». Все считалось принадлежащим «государству» (большевикам). Не говоря о еще оставшихся фабриках и заводах, — но и все лавки, все магазины, все предприятия и учреждения, все дома, все недвижимость, почти все движимости (крупные) — все это по идее переходило в ведение и собственность государства. Декреты и направлялись в сторону воплощения этой идеи. Нельзя сказать, чтобы воплощение шло стройно. В конце концов это просто было желание прибрать все к своим рукам. И большею частью кончалось разрушением, уничтожением того, что объявлялось «национализированным». Захваченные магазины, предприятия и заводы закрывались; захват частной торговли повел к прекращению вообще всякой торговли, к закрытию всех магазинов и к страшному развитию торговли нелегальной, спекулятивной, воровской. На нее большевикам поневоле приходилось смотреть сквозь пальцы и лишь периодически громить и хватать покупающих-продающих на улицах, в частных помещениях, на рынках; рынки, единственный источник питания решительно для всех (даже для большинства коммунистов) — тоже были нелегальщиной. Террористические налеты на рынки, со стрельбой и смертоубийством кончались просто

разграблением продовольствия в пользу отряда, который совершал налет. Продовольствия прежде всего, но так как нет вещи, которой нельзя встретить на рынке, — то забиралось и остальное, — старые онучи, ручки от дверей, драные штаны, бронзовые подсвечники, древнее бархатное евангелие, выкраденное из какого-нибудь книгохранилища, дамские рубашки, обивка мебели... Мебель тоже считалась собственностью государства, а так как подолой дивана тащить нельзя, то люди сдирали обивку и норовили ее сбить хоть за полфунта соломенного хлеба... Надо было видеть, как с визгами, воплями и стонами кидались торгующие врассыпную при слухе, что близки красноармейцы! Всякий хватал свою рухлядь, а часто, в суматохе, и чужую; бежали, толкались, лезли в пустые подвалы, в разбитые окна... Туда же спешили и покупатели, — ведь покупать в Совдепии не менее преступно, чем продавать, — хотя сам Зиновьев отлично знает, что без этого преступления Совдепия нежилась бы, за немением подданных, дней через 10.

Как известно, все население Петербурга взято «на учет». Всякий, так или ина-

че, обязан служить «государству», — занимать место если не в армии, то в каком-нибудь правительственном учреждении. Да ведь человек иначе и зарабатывать никакого не может иметь. И почти вся оставшаяся интеллигенция очутилась в большевистских чиновниках. Платят за это ровно столько, чтобы умереть с голоду медленно, а не быстро. К весне 19 года почти все наши знакомые изменились до неузнаваемости, точно другой человек стал. Опухшим — их было очень много — рекомендовалось есть картофель с кожурой, — но к весне картофель вообще исчез, исчезло даже наше лакомство — лепешки из картофельных шкурков. Тогда царила воля, — и кажется я до смертного часа не забуду ее пронзительный, тошный запах, подымавший голову из каждой тарелки супа, из каждой котомки прохожего.

Новые чиновники, загнанные на службу голодом и плеткой, — русские интеллигентные люди, — не изменились, конечно, не стали большевиками. Водораздел между «склонившимися» и «сдавшимися», между служащими «за страх» и другими «за совесть» — всегда был очень ясен. Сдавшиеся, предавшиеся насчитывают

ся единицами; они усердствуют, яхшуются с комиссарами, говорят высокие слова о «народном гнев», но менее ловкие все-таки голодают (я все говорю о «чиновниках», а не об откровенных спекулянтах). Есть еще «приспособившиеся»: это просто люди обывательского типа: они тянут ляжку, думая только о еде: не прочь извернуться, где могут, не прочь и ругнуть за углом «советскую» власть. Но к чести русской интеллигенции надо сказать, что громадная ее часть, подавляющее большинство, состоит именно из «склонившихся», из тех, что с великим страданием, со стиснутыми зубами несут чугуный крест жизни.

И вот главный вывод Гиппиус, то, ради чего мы печатаем сегодня ее дневник: «Россией сейчас распоряжается ничтожная кучка людей, к которой вся остальная часть населения в громадном большинстве относится отрицательно и даже враждебно». Ужас, который пережил русский народ в революционные и послереволюционные годы, был сродни ужасу, переживаемому народом, захваченным чужеземными жестокими захватчиками. Об этом — страницы, которые предлагаем мы вашему вниманию.

Черная книжка

1919 г. Июнь. С.П.Б.

... Не забывай моих последних дней...
... О, эти наши дни последние,
Остатки неподвижных дней.
И небо в полночь стало меднее,
Да зори голые длинней...

Июнь... Все хорошо. Все как быть должно. Инвалиды (грязный дом напротив нас, тоже угловой, с железными балконами) заводят свою музыку разное: то с самого утра, то попозже. Но заведя — уже не прекращают. Что-нибудь да зудит: или гармоника, или дудка, или граммофон. Иногда граммофон и гармоника вместе. В разных этажах. Кто не дудит — лежит брюхом на подоконниках, разнастанный, смотрит или плюет на тротуар.

После 11 ч. вечера, когда уже запрещено ходить по улицам (т. е. после 8, — ведь у нас «революционное» время, часы на 3 часа вперед!), музыка не кончается, но валявшиеся на подоконниках сходят на подъезд, усаживаются. Вокруг толпятся так называемые «барышни», в белых туфлях, — «Катки мои толстоморденские», о которых А. Блок написал:

«С юнкерьем гулять ходила,
С солдатьем гулять пошла».

Визги. Хохотки.

Инвалиды (и почему они — инвалиды? все они целы, никто не ранен, госпиталя тут нет) — «инвалиды» — здоровые, крепкие мужчины. Праздник и будни у них одинаковы. Они ничем не заняты. Слышно, будто спекулируют, но лишь по знакомству.

Нам ни одной картофелины не продали.

А граммофон их звенит в ушах, даже ночью, светлой, как день, когда уже спят инвалиды, замолк граммофон.

Утрами по зеленой уличной траве извиваются змеями приютские дети, — «пролетарские» дети, — это их ведут в Таврический сад. Они — то в красных, то в желтых шапчонках, похожих на дурацкие колпаки. Мордочки землистого цвета, сами голоногие. На нашей улице, когда-то очень аристократической, очень много было красивых особняков. Они все давно реквизированы, наиболее разрушенные — покинуты, отданы «под детей». Приюты доканчивают эти особняки. Мимо некоторых уже пройти нельзя, — такая грязь и вонь. Стекла выбиты. На подоконниках лежат дети, — совершенно так, как инвалиды лежат, — мальчишки и девчонки, большие и малые, и как инвалиды глазают и плюют на улицы. Самые маленькие играют сором на разломленных плитах тротуара, под деревьями, или бегают по уличной траве, шлепая голыми пятками. Ставят детей в пары и ведут в Таврический лишь по утрам. Остальное время дня они свободны. И праздны, опять совершенно так же, как инвалиды.

Есть, впрочем, и много отличий между детьми и инвалидами. Хотя бы это одно: у детей лица желтые — у инвалидов красные.

Вчера (28 июня) дежурила у ворот. Ведь у нас со времени весенней большевистской паники установлено бесменное дежурство на тротуаре, день и ночь. Дежурят все, без изъятия, жильцы дома по очереди, по три часа каждый. Для чего это нужно сидеть на пустынной, всегда светлой улице — не знает никто. Но сидят. Где барышня на доске, где дитя, где старик. Под одними воротами раз видела дежурящую интеллигентного обличия старуху; такую старуху, что ей вынесли на тротуар драное кресло из квартиры. Сидит покорно, защищает, бедная, свой «революционный» дом и «красный Петроград» от «белых негодяев...» которые даже не наступают.

Вчера, во время моих трех часов «защиты» — улица являла вид самый необыкновенный. Шныряли, грохоча и дребезжа, расшатанные, вонючие большевистские автомобили. Маршировали какие-то ободранцы с винтовками. Словом — царило непривычное оживление. Узнаю тут же, на улице, что рядом в Таврическом дворце идет назначенный большевиками митинг и заседание их Совета. И что дела как-то неожиданно-неприятно там обертываются для большевиков, даже трамваи вдруг забастовали. Ну что же, разбастуют.

Без всякого волнения, почти без любопытства, слежу за шныряющими властями. Постоянная история, и ни

чего ни из одной не выходит...

Женщины с черновато-синими лицами, с горшками и посудинами в ослабевших руках (суп с вареной картошкой из общественной столовой) — останавливались на углах, шушукались, озирались. Напрасно, голубушки! У надежды глаза так же велики, как и у страха.

Рынки опять разогнали и запечатали. Из казны дается на день 1/8 хлеба. Муку ржаную обещали нам принести тайком — 200 р. фунт.

Катя спросила у меня 300 рублей, — отдать за починку туфель.

Если ночью горит электричество — значит в этом районе обыски. У нас уже было два. Оцепляют дом и ходят целую ночь, толпясь по квартирам. В первый раз обыском заведовал какой-то «товарищ Савин», подслеповатый, одетый, как рабочий. Сопровождающий обыск друг (ужасно он похож, без воротничка, на большую, худую, печальную птицу) — шепнул «товарищу», что тут, мол, писатели, какое у них оружие! Савин слегка ковырнул мой бумага и спросил: участвую ли я *теперь* в периодических изданиях? На мой отрицательный ответ ничего, однако, не сказал. Куча баб в платках (новые сыщицы-коммунистки) интересовались больше содержимым моих шкафов. Шептались. В то время мы только что начинали продажу, и бабы явно были недовольны, что шкаф не пуст. Однако, обошлось. Наш друг ходил по пятам каждой бабы.

На втором обыске женщин не было. Зато дети. Мальчик лет 9 на вид, шустрый и любопытный, усердно рылся в комодах и в письменном столе Дм. Серг.* Но в комодах с особенным вкусом. Этот, наверно, коммунист. При каком еще строе, кроме коммунистического, удалось бы юному государственному деятелю ползая по чужим ящикам! А тут — открывай любой. — «Ведь, подумайте, ведь они детей развращают! Детей! Ведь я на этого мальчика без стыда и жалости смотреть не мог!» — вопил бедный И. И.** в негодовании на другой день.

Яркое солнце, высокая ограда С. собора. На каменной приступочке сидит дама в трауре. Сидит бессильно, как-то вся опустившись. Вдруг тихо, мучительно, протянула руку. Не на хлеб попросила — куда! Кто теперь в состоянии подать «на хлеб». На воблу.

Холеры еще нет. Есть дизентерия. И растет. С тех пор, как выключили все телефоны — мы почти не сообщаемся. Не знаем, кто болен, кто жив, кто умер. Трудно знать друг о друге, — а увидаться еще труднее.

Извозчика можно достать — от 500 р. — конец.

Мухи. Тишина. Если кто-нибудь не возвращается домой — значит, его

* Д. С. Мережковский.

** Доктор И. И. Манухин, друг и сосед Мережковских.

арестовали. Так арестовали мужа нашей квартирной соседки, древнего-древнего старика. Он не был, да и не мог быть причастен к «контрреволюции», он просто шел по Гороховой. И домой не пришел. Несчастливая старуха неделю сходила с ума, а когда, наконец, узнала, где он сидит, и собралась послать ему еду (заклученные кормятся только тем, что им присылают «с воли») — то оказалось, что старец уже умер. От воспаления легких или от голода.

Так же не вернулся домой другой старик, знакомый З. Этот зашел случайно в швейцарское посольство, а там засада.

Еще не умер, сидит до сих пор. Любопытно, что он давно на большевистской же службе, в каком-то учреждении, которое его от Гороховой требует, он нужен... Но Гороховая не отдает.

Опять неудавшаяся гроза, — какое лето странное! Но посежело.

А в общем ничего не изменяется. Пыталась целый день подовать старые башмаки. Не дают полторы тысячи, — малы. Отдала задешово. Есть-то надо.

Еще одного надо записать в синодик. Передался большевиком А. Ф. Кони. Известный всему Петербургу сенатор Кони, писатель и лектор, хромой, 75-летний старец. За пролетку и крупу решил «служить пролетариату». Написал об этом «самому» Луначарскому. Тот бросился читать письмо всюду: «Товарищи, А. Ф. Кони — наш! Вот его письмо». Уже объявлены какие-то лекции Кони — красноармейцам.

Самое жалкое — это что он, кажется, не очень и нуждался. Дима* не так давно был у него. Зачем же на старости лет? Крупы будет больше, будут за ним на лекции пролетку посылать — но ведь стыдно!

С Москвой, жаль, почти нет сообщений. А то бы достал книжку Брюсова «Почему я стал коммунистом». Он теперь, говорят, важная шишка у большевиков. Общид цenzор. (Издавна злоупотребляет наркотиками.)

Валерий Брюсов — один из наших «больших талантов». Поэт «конца века», — их когда-то называли «декадентами». Мы с ним были всю жизнь очень хороши, хотя дружить так, как я дружила с Блоком и с Белым, с ним было трудно. Не больно ли, что как раз эти двое последних, лучшие, кажется, из поэтов и личные мои долгие друзья — чуть не первыми пришли к большевикам? Впрочем, — какой большевик — Блок! Он и вертится где-то около — в левых эсэрах. Он и А. Белый — это просто «потерянные дети», ничего не понимающие, а-политичные отныне и до века. Блок и сам как-то соглашался, что он «потерянное дитя», не больше.

Но бывают времена, когда нельзя

быть безответственным, когда всякий обязан быть человеком. И я «взорвала мосты» между нами, как это ни больно. Пусть у Блока, да и у Белого, — «душа невинна»: я не прошу им никогда.

Брюсов другого типа. Он не «потерянное дитя», хотя так же безответствен. Но о разрыве с Брюсовым я не жалею. Я жалею его самого.

Все-таки самый замечательный русский поэт и писатель — Сологуб, — остался «человеком». Не пошел к большевикам. И не пойдет. Невесело ему зато живется.

Молодой поэт Натан В. из кружка Горького, но очень восставший здесь против большевиков, — в Киеве очутился на посту Луначарского. Интеллигенты стали под его покровительством.

Шла дама по Таврическому саду. На одной ноге туфля, на другой — лапоть.

Деревянные дома приказано снести на дрова. О, разрушать живо, разрушать мастера. Разломают и растаскают.

Таскают и торцы. Сегодня сама видела, как мальчишка с невинным видом разбирает мостовую. Под торцом доски. Их еще не трогают. Впрочем нет, выворачивают и доски, ибо кроме «плешин» — вынутых торцов, — кое-где на улицах есть и бездонные ямы.

Н. был арестован в Павловске на музыке, во время облавы. Допрашивал сам Петерс, наш «беспощадный» (латыш). Не верил, что Н. студент. Оттого, верно, и выпустил. На студентов особенно гонение. С весны их начали прибираться к рукам. Яростно мобилизуют. Но все-таки кое-кто выкручивается. Университет вообще разрушен, но остаток студентов все-таки нежелательный элемент. Это, хотя и — увь! — пассивная, но все-таки оппозиция. Большевики же не терпят вблизи никакой, даже пассивной, даже глухой и немой. И если только могут, что только могут, уничтожают. Непременно уничтожат студентов, — останутся только профессора. Студенты все-таки им, большевикам, кажутся коллективной оппозицией, а профессора разведены, каждый — отдельная оппозиция, и они их преследуют отдельно.

Сегодня прибавили еще 1/8 фунта хлеба на два дня. Какое объединение.

Ночи стали темнее.

Да, и очень темнее. Ведь уже старый июль вполнине. Сегодня 15 июля.

Косит дизентерия. Направо и налево. Нет дома, где нет больных. В нашем доме уже двое умерло. Холера только в развитии.

16 июля. Утром из окна: едет воз гробов. Белые, новые, блестят на солнце. Воз обвязан веревками.

В гробах — покойники, кому уда-

лось похорониться. Это не всякому удается. Запаха я не слышала, хотя окно было отворено. А на Загородном — пишет «Правда» — сильно пахнут, когда едут.

Няня моя, чтобы получить парусиновые туфли за 117 р. (ей удалось добыть ордер казенный!), стояла в очереди сегодня, вчера и третьего дня с 7 час. утра до 5. Десять часов подряд.

Ничего не получила.

А И. И. ездил к Горькому, опять из-за брата (ведь у И. И. брата арестовали).

Рассказывает: попал на обед, по несчастью. Мне не предложили, да я бы и не согласился ни за что взять его, Горьковский, кусок в рот; но, признаюсь, был я голоден, и неприятно очень было: и котлеты, и огурцы свежие, кисель черничный...

Бедный И. И., когда-то буквально спасший Горького от смерти! За это ему теперь позволяют смотреть, как Горький обедает. И только: потому что на просьбу относительно брата Горький ответил: «Вы мне надоели! Ну и пусть вашего брата расстреляют!»

Об этом И. И. рассказывал с волнением, с дрожью в голосе. Не оттого, что расстреляют брата (его, вероятно, не расстреляют), не оттого, что Горький забыл, что сделал для него И. И., — а потому, что И. И. видит теперь Горького, настоящий облик человека, которого он любил... и любит, может быть, до сих пор.

Меня же Горький и не ранил (я никогда его не любила) и не удивляет (я всегда видела его довольно ясно). Это человек прежде всего не только не культурный, но *неспособный* к культуре внутренне. А кроме того — у него совершенно бабья душа. Он может быть и добр — и зол. Он все может и ни за что не отвечает. Он какой-то бессознательный. Сейчас он приносит много вреда, играет роль крайне отрицательную, — но все это, в конце концов, женская пассивность, — «путь Магдалины». Но Магдалина, которая никогда не раскается, ибо никогда не поймет своих грехов.

Не завидую я его котлетам. Наша затхлая каша и водянистый суп, на которых мы сидим месяцами (равно как и И. И.) — право, пища более здоровая!

Старика Г., знакомого З.* (я о нем писала), не выпустили, но отправили в Москву, на работы, в лагерь. Обвинений никаких. На работу нужно ходить за 35 верст.

Что-то все делается, делается, мы чуем, а что — не знаем.

Границы плотно закрыты. В «Правде» и в «Известиях» — абсолютная чепуха. А это наши две *единственные* газеты, два полулиста грязной бумаги, — официозы. (В «коммунистическом государстве» пресса допускается,

ведь, только *казенная*. Впрочем, оно никаких книг и не издает, издает пока лишь брошюры коммунистические. Книги соответственные еще не написаны, все старые — «контрреволюционные»; можно подождать, кстати и бумаги мало. Ленинки печатать — и то не хватает.)

Что пишется в официозах — понять нельзя. Мы и не понимаем.

И никто. Думаю, сами большевики мало понимают, мало знают. Живут со дня на день. Зеленая армия ширится.

Дизентерия, дизентерия... И холера тоже. В субботу пять лет войны. *Наша* война кончиться не может, поэтому я уже и мира не понимаю!

Надо продавать все до нитки. Но не умую, плохо идет продажа.

Дмитрий* сидит до истощения, целыми днями, корректируя глупые, малограмотные переводы глупых романов для «Всемирной Литературы». Это такое учреждение, созданное покровительством Горького и одного из его паразитов — Тихонова, для подкармливания будто бы интеллигентов. Переводы эти не печатаются — да и незачем их печатать.

Платят 300 ленинок с громадного листа (ремингтон на счет переводчика), а за корректуру — 100 ленинок.

Дмитрий сидит над этими корректурами днем, а я по ночам. Над каким-то французским романом, переведенным голодной барышней, 14 ночей просидела.

Интересно, на что в Совдепии пригодились писатели. Да и то, в сущности, не пригодились. Это так, благотворительность, копеечка, поданная Горьким Мережковскому.

На кофеечку эту (за 14 ночей я получила около тысячи ленинок, полдня жизни) — не раскутишься. Выгоднее продать старые штаны.

Ощущение *лжи* вокруг — ощущение чисто-физическое. Я этого раньше не знала. Как будто с дыханием в рот вливается какая-то холодная и липкая струя. Я чувствую не только ее липкость, но и особый запах, ни с чем не сравнимый.

Сегодня опять всю ночь горело элечество — обыски. Верно для принудительных работ.

Яркий день. Годовщина (пять лет!) войны. С тех пор почти не живу. О, как я ненавидела ее всегда, этот европейский позор, эту бессмысленную петлю, которую человечество накинulo на себя! Я уже не говорю о России. Я не говорю и о побежденных. Но с первого мгновения я знала, что эта война грозит неисчислимыми бедствиями *всей* Европе, и победителям и побежденным. Помню, как я упрямо, до тупости, восставала на войну, шла против если не всех, — то многих, иногда против самых близких людей

* В. А. Злобин, секретарь Мережковских.

* Д. С. Мережковский.

СТОЛИЦА

(не против Д. С., он был со мной). Общественно — мы звука не могли издать не военного, благодаря царской цензуре. На мой доклад в Религиозно-Философском О-ве, самый осторожный, нападали в течение двух заседаний. Я до сих пор утверждаю, что здравый смысл был на моей стороне. А после мне приходилось выслушивать такие вопросы: «вот, вы всегда были против войны, значит, вы за большевиков?» За большевиков! Как будто мы их не знали, как будто мы не знали до всякой революции, что большевики — это перманентная война, безысходная война?

Большевистская власть в России — порождение, детище войны. И пока она будет — будет война. Гражданская? Как бы не так! Просто себе война, только двойная еще, и внешняя, и внутренняя. И последняя в самой омерзительной форме террора, т. е. убийства вооруженными — безоружных и беззащитных. Но довольно об этом, довольно! Я слышу выстрелы. Оставляю перо, иду на открытый балкон.

Посередине улицы медленно собираются люди. Дети, женщины... даже знаменитые «инвалиды», что напротив, слезли с подоконников, — и музыку забыли. Глядят вверх. Совершенно безмолвствуют. Как замороженные — и взрослые, и дети. В чистейшем голубом воздухе, между домами, — круглые, точно белые клубочки, плавают дымки. Это «наши» (большевистские) части стреляют в небо по будто бы налетевшим «вражеским» аэропланам. На белые ватные комочки «наших» орудий никто не смотрит. Глядят в другую сторону и выше, ища «врагов». Мальчишка жадно и робко указывает куда-то перстом, все оборачиваются туда. Но, кажется, ничего не видит. По крайней мере я, несмотря на бинокль, ничего не вижу.

Кто — «они»? Белая армия? Союзники — англичане или французы? Зачем это? Прилетают любоваться, как мы вымираем? Да ведь с этой высоты все равно не видно.

Балкон меня не удовлетворяет. Втихомолку, накинув платок, бегу с Катей, — горничной, по черному ходу вниз и подхожу к жидкой кучке посреди улицы.

Совсем ничего не вижу в небе (бинокль дома остался), а люди гробово молчат. Я жду. Вот, слышу, желтая баба шепчет соседке:

— И чего они — летают-летают... Союзники тоже... Хотя бы бумажку сбросили, когда придут, или что...

Тихо говорила баба, но ближний «инвалид» слышал. Он, впрочем, невинен.

— Чего бумажку, булку бы сбросили, вот это дело!

Баба вдруг разъярилась:

— Булки захотел, толстомордый! Хотя бы бомбу шваркнули, и за то бы спасибо! Разорвало бы окающих,

да и нам уж один конец, легче бы!

Сказав это, баба крупными шагами, бодрясь, пошла прочь. Но я знаю, — струсилась. Хотя не видать ничего «такого» окодо, а все же... С улицы легче всего попасть на Горюховую, а там в списках потеряешься, и каюк. Это и бабам хорошо известно.

Пальба затихла, кучка стала расходиться. Вернулась и я домой.

Да зачем эти праздные налсты?

Вчера то же было, говорят, в Кропштадте. То же самое.

Зачем это?

Дни — как день один, громадный, только мигающий — ночью. Текучее неподвижное время. Лупорожий А-в с нашего двора, праздный ражий дестина из шоферов (не совсем праздный, широко спекулирует, кажется) — купил наше пианино за 7 т. ленинок, самовар новый за тысячу и за 7 т. мой парижский мех — жене.

Приходит, кроме того, всякие спекулянты, тип один, обычный, — тип нашего Гржебина: тот же аферизм, нажива на чужой петле. Гржебин даже лобопытный индивидуум. Прирожденный паразит и мародер интеллигентской среды. Вечно он околачивается около всяких литературных предприятий, издательств, — к некоторым даже присасывался, — но в общем удачи не имел. Иногда промахивался: в книгоиздательстве «Шиповник» раз получил гонорар за художника Сомова, и когда это открылось, — слезно умолял не предавать дело огласке. До войны бедствовал, случалось — занимал по 5 рублей: во время войны уже несколько окрылился, завел свой журнальчик, самый патриотический и военный — «Отчество».

С первого момента революции он, как клещ, впился в Горького. Не отставал от него ни на шаг, кто-то видел его на запятках автомобиля великнягини Ксении Александровны, когда в нем, в мартовские дни, разъезжал Горький. (Быть может, автомобиль был не Ксении, другой вел. княгини, за это не ручаюсь.)

Горькому сметливый Зиновий остался верен. Все поднимаясь и поднимаясь по паразитарной лестнице, он вышел в чины. Теперь он правая рука — главный фактор Горького. Вхож к нему во всякое время, достает ему по случаю разные «предметы искусства» — ведь Горький жадно скупает всякие вазы и эмали у презренных «буржуев», умирающих с голоду. (У старика Е., интеллигентного либерала, больного, сам приехал смотреть остатки китайского фарфора. И как торговался!) Квартира Горького имеет вид музея — или лавки старьевщика, пожалуй: ведь горька участь Горького тут, мало он понимает в «предметах искусства», несмотря на всю охоту смертную. Часами сидит, перетирает эмали, любитесь приобретенным... и верно думает, бедняжка, что это страшно «культурно»!

В последнее время стал скупать и порнографические альбомы. Но и в них ничего не понимает. Мне говорил один антиквар-библиотекарь, с невинной досадой: «Заплатил Горький за один альбом такой 10 тысяч, а он и пяти не стоит!»

Кроме альбомов и эмалей, Зиновий Гржебин поставляет Горькому и царские сторублевки. И. И. случайно натолкнулся на Гржебина в передней Горького с целым узлом таких сторублевок, завязанных в платок.

Но присосавшись к Горькому, Зиновий делает попутно и свои главные дела: какие-то громадные, темные обороты с финляндской бумагой, с финляндской валютой, и даже с какими-то «масленками»: Бог уж их знает, что это за «масленки». Должно быть — вкусные дела, ибо он живет в нашем доме в громадной квартире бывшего домовладельца, покупает сразу пуд телятины (50 тысяч), имеет свою пролетку и лошадь (даже не знаю, сколько, — тысячи 3 в день?).

К писателям Гржебин относится теперь по-меценатски. У него есть как бы свое (полу-легальное, под крылом Горького) издательство. Он скупает всех писателей с именами, — скупает «впрок», — ведь теперь нельзя издавать. На случай переворота — вся русская литература в его руках, по договорам, на многие лета, — и как выгодно приобретенная! Буквально, буквально за несколько кусков хлеба!

Ни один издатель при мне и со мной так бесстыдно не торговался, как Гржебин. А уж кажется, перевидали издателей мы на своем веку.

Стыдно сказать, за сколько он покупал меня и Мережковского. Стыдно не нам, конечно. Люди с петлей на шее уже таких вещей не стыдятся.

Однако, что я — столько о Гржебине. Это сегодня день такой, все разные комиссионеры. Мебельщик развязно предлагал Д. С-чу продать ему «всю его личную библиотеку и рукописи». У Злобиных он уже купил гостиную — за 12 рублей (тысяч). Армьянка-бриллиантица поздно вечером принесла мне 6 тысяч за мою брошку (большой бриллиант). Шестьсот взяла себе. Показывала — в сумочке у нее великолепное бриллиантовое кольцо чье-то — 400 тысяч. Получит за комиссию 40 т. сразу.

Это все крупные аферисты, гады, которыми кишит наша гнилая «социалистическая» заводь. Мелочь же порой даже симпатична, — вроде чухонки, бывшей кухарки расстрелянного министра Щегловитого. Эти все-таки очень рискуют, когда тащут наши вещи на рынок. На рынках вечные облавы, разгоны, стрельба, избивения.

Сегодня избивали на Мальцевском. Убили 12-ти-летней девочку. (Сами ж даже, говорят, смутились.)

Чем объяснить эти облавы? Разве любовью к искусству, главным образом. Через час после избивений те же люди на тех же местах снова торгуют

тем же. Да и как иначе? Кто бы остался в живых, если бы не торговали они — вопреки избиениям?

Надо понять, что мы не знаем даже того, что делается буквально в ста шагах от нас (в Таврическом Дворце, например). Тогда будет понятно, что мы не можем составить себе представление о совершающемся в нескольких верстах, не говоря уже о Юге или Европе!

Вот характерная иллюстрация.

На недавней конференции «матросов и красноармейцев» наш петербургский диктатор, Зиновьев (Радомысльский), пережил весьма неприятную, весьма щекотливую минуту. Казалось бы, собрание надежное, профильтрованное (других не собирают). В «Правде», для осведомления верноподанных, в отчете об этой конференции было напечатано (цитирую дословно), что «т. Зиновьев объявил о прибытии великого писателя Горького, великого про-

тивника войны, теперь великого поборника советской власти». И Горький сказал речь: «...воюйте, а то придет Колчак и оторвет вам голову». После этого «был покрыт длительными овациями».

Нам посчастливилось узнать правду, помимо «Правды», — от очевидцев, присутствовавших на собрании (имен, конечно, не назову). Надежное собрание возмутилось. «Коммунисты» вдруг точно збесились: полезли на Зиновьева с криками: «долой войну! долой комиссаров!».

Кое-где стали сжиматься кулаки. Зиновьев, окруженный, струсил. Хотел удрать задним ходом, — и не мог. Предусмотрительная личная секретарша Зиновьева, — Костина, бросилась отыскивать Горького. Ездил на Зиновьевском автомобиле по всему городу, даже в наш дом заглядывала, — а вдруг Горький, случаем, у И. И.? Где-то отыскала, наконец, привезла — спасти Зиновьева, спасти большевиков.

Горький говорит мало, глухо, отрывисто, — будто лает. Насчет Колчака, «отрыва головы» и совета воевать — очевидцы не говорили, может быть, не дослышали.

Красноречие Горького вряд ли могло иметь решающее значение, но «верная и преданная» часть сборища постаралась использовать выход «великого писателя, поборника» и т. д., как диверсию отвлекающую. После нее «конференцию» быстро закончили и закрыли.

Вскоре после напечатанного отчета И. И. был у Горького (все из-за брата). В упор спросил его, правда ли, что Горький большевиков спасал? Правда ли, что требовал продолжения войны? Неужели, как выразился И. И., — «Горький и этим теперь *онаскужен*»?

На это Горький пролаял мрачно, что ни слова не говорил о войне. Будто бы в Москву даже ездил, чтобы «протестовать» против напечатанного о нем, да вот «ничего сделать не может».

Какой, подумаешь, несчастный обиженный!

Говорит еще, что в Москве — «вор на воре, негодяй на негодяе...» (а здесь? кого он спасал?).

Если можно было еще кем-нибудь возмущаться, то Горьким — первым. Но возмущенье и ненависть — перевертели. Да люди и стали выше ненависти. Сожалительное презрение, а иногда брезгливость. Больше ничего.

Оплавав Венгрию, большевики застучали. Троицкий, главнокомандующий армией «всёя России», требует, однако, чтобы к зиме, эта армия уничтожила всех «белых», которые еще занимают часть России. «Тогда мы поговорим с Европой».

Работы много — ведь уже август, даже по старому стилю.

Косит дизентерия.

Т. (моя сестра) лежит третью неделю. Страшная, желтая, худая. Лекарств нет.

Соли нет.

Почти насильно записывают в партию коммунистов. Открыто устрашают: «...а если кто...» Дураки — боются.

Петерса убрали в Киев. Положение Киева острое. Кажется, его теснят всякие «банды», от них стонут сами большевики. Впрочем — что мы знаем?

Арестованная (по доносу домового комитета, из-за созвучий фамилий) и через 3 недели выпущенная, Ел. (близкий нам человек) рассказывает, между прочим.

Расстреливают офицеров, сидящих с женами вместе, человек 10—11 в день. Выводят на двор, комендант, с папирской в зубах, считает, — уводит.

При Ел. этот комендант (коменданты все из последних низов), проходя мимо тут же стоящих, помертвевших жен, шутил: «Вот, вы теперь молодя вдовушка! Да не жалейте, ваш муж мерзавец был! В красной армии служить не хотел».

Недавно расстреляли профессора Б. Никольского. Имущество его и великолепную библиотеку конфисковали. Жена его сошла с ума. Остались — дочь 18 лет и сын 17-ти. На днях сына потребовали во «Всеобуч» (всеобщее военное обучение). Он явился. Там ему сразу комиссар с хохотком объявил (шутники эти комиссары!) — «А вы знаете, где тело вашего папашки? Мы его зверькам скормили».

Зверей Зоологического Сада, еще не подошедших, кормят свежими трупами расстрелянных, благо Петропавловская крепость близко, — это всем известно. Но родственникам, кажется, не объявляли раньше.

Объявление так действовало на мальчика, что он четвертый день лежит в бреду. (Имя комиссара я знаю.)

Вчера доктор Х. утешал И. И., что у них теперь хорошо устроилось, несмотря на недостаток мяса: сердце и печень человеческих трупов пропускают через мясорубку и выделывают пептоны, питательную среду, бульон... для культуры бацилл, например.

Доктор этот крайне изумился, когда И. И. внезапно завопил, что не переносит такого «глума» над человеческим телом, и убежал, схватив фуражку.

Надо помнить, что сейчас в СПб-ге, при абсолютном отсутствии одних вещей и скудости других, есть нечто в изобилии: трупы. Оставим расстрелянных. Но и смертность в городе, по скромной большевистской статистике (петитом) — 6,5%, при 1,2% рожде-нии. Не забудем, что это *большевистская*, официальная статистика.

(Продолжение в следующем номере)

СТОЛИЦА

Юрий
БОГОМОЛОВ

Что СУЛИТ НАМ ТЕЛЕВИЗИОННЫЙ НАЛОГ

Мысль о том, чтобы сделать наше телевидение платным, мне показалась несколько непривычной.

Но с другой стороны, если наша медицина становится все более бесплатной, если обещают подорожать свет, газ и водопроводная вода, то почему телеизображение должно оставаться дармовым?

Председатель Гостелерадио Ненашев и его заместитель по технике Юшкявичус меня почти убедили в том, что мы, телезрители, для своей же пользы обязаны скинуться.

У них — в Гостелерадио — множество расходов: надо совершенствовать и расширять материально-техническую базу, платить за аренду эфира, покупать у Госкино за большие деньги кинофильмы... Назывались и еще какие-то затратные статьи. Но один аргумент меня насторожил. Это когда то ли Председатель, то ли Заместитель сказал, что, мол, во всем мире телевидение — платное.

В последнее время, едва заходит речь о грозящем нам непопулярном новшестве, тут же следует ссылка на мировой опыт...

Что, вот, у них давно так...

Что буханка черного хлеба, например, там стоит 2 доллара, а не 20 копеек.

Потом, правда, выясняется масса привходящих обстоятельств, существенно меняющих представление о том, что там есть на самом деле и что может произойти здесь.

Но очередной маяк зажжен.

Так вот, о манящих огнях абонементного ТВ.

Там платное телевидение, как правило, существует наряду с бесплатным. Оно поставлено в условия жесткой конкурентной борьбы за телезрителя.

Там телевидение по преимуществу частнособственническое. И при всех идейных минусах подобного положения есть один физический плюс: такое ТВ финансово, стало быть, экономически независимо от своего абонента.

Здесь государственно-собственническое ТВ находится на бюджете и, следовательно, на содержании налогоплательщиков, коими мы, телезрители, и являемся.

Отсюда следует очень важное обстоятельство, о котором умалчивают оба ответственных работника, а именно: наше телевидение для нас, телезрителей, ни одного дня не было бесплатным. С введением прогрессивного налогообложения, а также с повышением цены на электроэнергию телеизображение для каждого из нас будет обходиться еще дороже. И вот сверх всего этого предполагается ввести абонементную плату за

фото Н. Самойловой

пользованием телевизором!

Вопрос, однако, не в том, насколько обосновано такое лукавое, под сурдинку разговоров о западных порядках, повышение цен на телезрелища.

Самый существенный вопрос: явится ли эта мера для ТВ и ТВ-зрителей шагом в направлении к рыночным отношениям?

У меня ощущение, что в лучшем случае законсервирует командное положение нынешней администрации, а в худшем — усилит ее позиции.

Впрочем, судите сами.

В условиях абсолютного монополизма Гостелерадио на эфир и моноцентризма общесоюзного вещания абонементная плата едва ли сможет работать как рыночный инструмент, как регулятор качества информационного пайка. Мы опять будем платить вообще за «картинку» и окажемся, в сущности, под прессом дополнительного телевизионного налога, которым администрация сможет распоряжаться по своему, а не абонента, усмотрению.

На Западе частные телекомпании подстегиваемы с двух сторон: одна вождя находится у рекламодателей, а другая — у абонента. И все взаимнообязаны. Владелец телекомпании,

теряя абонента, теряет и рекламодателя. Он либо проигрывает дважды, либо дважды выигрывает.

Поэтому телевизионный частник все время прислушивается к гласу народа. Для этого им придумана и внедрена специальная система зондажа зрительских симпатий и предпочтений. Ежедневно, а в иных случаях дважды в день, на рабочие столы телефункционеров ложатся данные о рейтингах и индексах популярности каждой программы. Кроме того, эти данные ежедневно публикуются в печати. Никто не платит и не продает вслепую.

В этом случае абонементная плата — плата за услугу, а не госналог.

Новый налог под маской абонементной платы позволит Госкомитету почувствовать себя более комфортно в условиях рынка: административные рычаги он дополнит экономическими стимулами и таким образом только укрепит свое командное положение по отношению к телезрителю и, к слову сказать, — творческому работнику.

Михаил Федорович Ненашев любит повторять однажды им прочитанное: «Жить в обществе и быть свободным от общества нельзя». Это камушек в огороде тех, кто пытается подбросить нам чуждую идею о необходимости независимого от государства ТВ.

«Камушек-цитата», брошенная в одну сторону, летит в прямо противоположную.

Оказывается, можно жить и работать в обществе и быть совершенно свободным от него.

Государственно-монополистическое телевидение по своей природе — самое независимое и свободное от общества телевидение. Гостелерадио доказывает это на практике ежедневно.

Теперь это, впрочем, будет делать все труднее и труднее. Но руководство не отчаивается. Оно принимает превентивные меры.

Возможное введение абонементной платы — одна из них.

НАБЛЮДАЯ политическую жизнь страны, многие уже отметили странное противостояние некоторых сверхкрупных городов (Москва, Ленинград, Свердловск, Донецк...) обширным регионам, где выборы до сих пор склонны проводить без выбора, где аппарат по-прежнему всевластен, где люди, как встарь, пуше глаза боятся радикальных перемен. Где до сих пор убеждены, что для счастья необходимы

высоком уровне реанимируются представления о журналистах как о неких «приводных ремнях» от вышестоящих оракулов к нижестоящим массам. Как о послушных и легко управляемых, охотно «оставляющих свое мнение на кухне» солдат партгосаппарата. «Такое впечатление, — было сказано где-нибудь, а на встрече Президента с тележурналистами в Останкино, — что наша пресса что-то ищет еще даль-

ше, чем те ориентиры, которые выстроены в последнее время». Неужто вновь напоминают сверчкам про шесток? Я убежден — отношение к прессе, манипуляции с ее профессиональной сутью и ее правами — одна из причин разыгравшейся на всевозможных съездах драмы непонимания, существенно тормозящей перестройку. Драмы, повторю, отнюдь не случайной и вполне руко-творной.

Нынешняя осень, похоже, готова стать последним приговором командно-административной казенщины в глазах масс: невиданный урожай гибнет при полнейшей беспомощности «самой передовой системы». Может ли быть более веское доказательство непригодности ее к употреблению, когда овощи гниют — а страна на пороге нищеты и голода, когда само изобилие становится очередной напастью и бедствием!

ПОЛИТИКА ГАЗЕТНОГО КИОСКА

лишь железной рукой введенные «дисциплина и порядок». Где всерьез раздражены «говорильней» и только с нею связывают пустые прилавки.

Демократические тенденции наиболее сильны в столицах. «Периферия» явно настроена более консервативно и даже склонна третировать москвичей и ленинградцев на съездах. Отнюдь не в силу природной «инерционности», хотя и это важно. Все заметнее результат воздействия на страну хитрого пропагандистского трюка: большинству регионов явно не хватает простой информированности.

Мы наблюдаем расслоение общества по признаку причастности к самому ходу общественной мысли. Разрыв все более драматичен. Его можно сопоставить с растущим отставанием всей страны от мировых научных и технических кондиций: передовые страны в наших глазах ушли куда-то за горизонт XXI века, мы для них пребываем едва ли не в зоне феодализма. И уже трудно говорить на равных: компьютер не состыкуешь с серпом и молотом, которые на нашем государственном гербе выглядят теперь не столько символом, сколько насмешкой. Два мира, интеллектуальная дистанция между которыми, увы, растет.

В век телефаксов мы теряем даже те нити коммуникаций, которые имели. Издательское дело не просто в кризисе, оно агонизирует. Бумаги нет. Вот уж грядущая подписная кампания обещает стать серьезным испытанием для кошельков и без того изнуренных нуждою сограждан.

Вновь и вновь на самом

фото Э. Кудрявникова

СТОЛИЦА

В этих условиях честная информация и здравый смысл таят в себе настоящую угрозу аппарату и его насильственному «престолу». Пробуждающаяся, независимая от официоза, неконтролируемая мысль людей неизбежно принимает направление остро-критическое, социальная напряженность на пределе. Напряглась и рука, лежащая на кране дозволенной гласности, она уже вполне готова его прикрутить, не мытьем, так катаньем пресечь распространение невыгодных «своекорыстной бюрократии» свидетельств.

Бумажный кризис умело нагнетается и используется. И бьет он отнюдь не по изданиям консервативного толка, лобовно пестующим пресловутые «принципы», повторяющим старые идеологические клише. Бумаги и всесоюзного эфира не хватает именно для новых, пусть спорных, но живых идей, вызывающих к размышлению, честному анализу и переоценке привычных категорий. Хотя ясно: сегодня уже не обойтись без этого кипения идей, без их столкновения; в тушковой ситуации нельзя пренебречь ни одним из конструктивных предложений. Нужно поле для обсуждения, трибуна для высказываний — нужна пресса, где все голоса звучат с равным правом.

Но равенства никак не получается. Пусть консервативная и реакционная печать кричит о том, что ее затирают, — на самом деле «ущемляет» ее лишь стихийная потеря популярности, а потому и падение тиражей. Взрывообразный рост подписки на «Аргументы и факты», и «Огонек» — это ведь результат свободного выбора читателей. И во многом — их голос за демократические преобразования.

Этот выбор, подчеркнем, никем не спровоцированный, не навязанный, естественный, спонтанный.

Но аппарат всегда умел находить способ обуздать стихию. Он более чем успешно компенсирует «ущемленным» их поражение — не подпиской, так искусственно обеспеченной свободной продажей. Он даст им явную фору, ибо их тиражи словно бы уже не зависят от спроса, от свободного читательского выбора. У них теперь есть существенное преимущество перед «Известиями», «Комсомольской правдой», «Литгазетой»,

которые из-за полнотой выбранного подпиской лимита бумаги практически исчезли из всех газетных киосков по всем просторам родины чудесной.

И оттого, сдва выхав за пределы Москвы, оказавшись словно бы в иной стране и другой политической ситуации. Ощущение, что кто-то разом отсек все ставшие необходимыми источники информации, и устоявшийся для москвича мир политических координат вдруг перекашивается вправо. Мнения, остающиеся на виду, демонстрируют такую обескураживающую приверженность все тем же «принципам», они так уныло похожи друг на друга и так напоминают самозаклинания, что тебя резко отбрасывает лет на десять назад.

Даже киоскеры в большинстве городов и весей давно забыли, когда в продаже были «Известия» с их «Политическим дневником», «Аргументы и факты» с их социологическими опросами, «Литгазета» с ее интеллектуальными запасами. Выбирать здесь приходится между «Правдой» и «Советской Россией», толстые пачки которых громоздятся на прилавках, да еще «Красной звездой», почему-то в избобилии предлагаемой мирному населению на сорок пятом году мирной жизни. Те, кто регулярно читает эти газеты, знают позицию и репутацию «Советской России», первой поднявшей голос в защиту «принципов» и не уступившей с той поры ни пяди; знают явный крен в консерватизм былой и даже слегка обновленной «Правды», которая и сегодня, при объявленной многопартийности и стремительной потере авторитета, по инерции скромно называет себя главной газетой.

Иной, непривычный пейзаж и в телевизионном эфире. Уже нет откровенных дискуссий, раскаленной информации, знакомых лиц, новых политических авторитетов. Нет Ленинградской программы, которую москвичи предпочитают всем другим. Нет Московской, все чаще привлекающей внимание думающих людей. Есть официальное «Время» с ввсеренным комментарием и все более скучным «видеорядом», и лишь раз в неделю «Взгляд», до ухода в долгосрочный отпуск, являлся изумленным зрителям этаким диссонансом, «ужасным дитятем» пе-

рестросных пережестов, выплеском и парадоксом.

За пределами столиц исчезает главное — реальная система координат, уровень, на который взойшла общественная мысль в огромном большинстве средств массовой информации, здесь практически недоступных. Подчеркиваю: речь идет о центральной печати, способной объединить распластанные на одной шестой земного шара регионы в страну, в единый поток идей и свободный взаимообмен мыслей. Местные демократы оказываются как бы в изоляции от общесоюзных движений. Конечно, они преодолевают изоляцию своими силами, ищут выход в прессу, создают собственные органы информации. Караван идет, несмотря на свирепый лай. Но процесс обновления движется как бы на предельно выжатых тормозах.

А как же, скажут мне, свободная подписка? Ведь желающие получают выбранные ими издания на дом в самом далеком далеке. Однако разве не ясно, что издание, которое не появляется в киосках, как бы перестает существовать в сознании масс, исчезает из поля зрения. И потому теряет в активности воздействия, остается полем боя газетам, по-прежнему мелькающим в свободной продаже и при полном отсутствии выбора навязывающих свою точку зрения. В этих условиях «на престоле», без сомнения, по-прежнему «Правда», «Советская Россия», «Красная звезда», работающие без конкурентов и демонстрирующие трогательное единодушие.

Таким образом, наша изобретательная бюрократия нашла новый эффективный рычаг дрессировки общественного мнения. Идеи демократов, не слишком привнесшие в «привилегированных» изданиях, растекаются по стране хилым, то и дело пересыхающим ручейком. Москвичам и ленинградцам, напряженно ловящим каждое выступление по ТВ, каждое слово в печати Травкина или Собчака, Гавриила Попова или Станкевича, Болдырева или Афанасьева... я мог бы долго продолжать список имен, определяющих политическое лицо сегодняшних «левых», — трудно даже вообразить, что на просторах страны эти фигуры известны скорее понаслышке. Чаще всего в искривленном изображении. Но без них нынешняя

политическая жизнь просто не существует.

Так стоит ли удивляться тому, что агрессивно вскипающее при каждом упоминании о демократических течениях большинство на съездах знает об их лидерах только то, что они «тнут к капитализму и его ужасам»!

Информационная блокада — так можно назвать ситуацию, сложившуюся за пределами наших столиц. Ее зона расширяется. Ее «силовое поле» кем-то четко определено. И вот уже в самой Москве, на Арбате, можно свободно извлечь из толстых пачек р-р-разоблачительные листовки о жене Президента, но первый же номер «Демократической России» в киосках появился разве на миг, его тираж где-то растворился без остатка, а немногие экземпляры, расклеенные энтузиастами на улицах, тут же были тщательно соскоблены.

Пока лучшие умы страны пытаются в спорах найти выход из кризиса, пока идет целительное раскрепощение общественной мысли, сотни тысяч газетных киосков по всей стране жестко диктуют свою политику. И последние события ясно демонстрируют, до какой степени эта политика опасна.

Валерий КИЧИН

Нелли
ЛОГИНОВА

Ищите учителя

— Заяц, поторопись! — зовет мама сына.

— А вы знаете, что ваш «заяц» — дебил? — подходит к ней учительница.

(Из разговора в вестибюле школы после уроков)

В КАКУЮ ШКОЛУ отдать ребенка — что поближе или что получше? Оправданна ли ежедневная езда из Щелково в Кунцево и обратно ради «престижной» школы? Эти вопросы с тревогой мне задают знакомые, поскольку я бываю на уроках и как бы «знаю толк», по их мнению.

Если речь идет о малыше, отвечаю всегда и неизменно: ищите не школу, а учительницу. Не здание, не интерьер, не престиж и слава, не отчетность в роно и не директор-лидер, а характер первой учительницы, ее глаза, речь и манеры важны для вашего чада. Она примет ребенка из рук в руки и — одно из двух: или плавно продолжит вашу родительскую опеку над ним, или создаст постоянную стрессовую ситуацию, вызовет сперва ступор и боязнь, затем и стойкое отвращение у ребенка к школе. Научить читать и считать — она научит, одна чуть раньше, другая чуть позже. Но создать деловую тишину, а не тихий ужас умеет не каждая.

Часто рассказываю, как сама искала школу. Составила список из девяти учителей третьих (!) классов трех ближайших школ — это было ранней весной, и эти девять человек готовились осенью принять первоклашек. Прихожу на урок к первой... третьей... девятой. Придумала разные предлоги: «мне надо посмотреть школьную ме-

бель — удобно ли детям сидеть», «не душно ли в классе к концу урока» и т. д. (Мне жалобно говорят: у вас профессия такая — везде пускают... Да бросьте! У каждого «такая» профессия, что в школу попасть не проблема. Если очень нужно.)

Вот что я наблюдала. Одна учительница — опытная, пожилая, с усами —

вела урок слишком тихо. Она как бы устала за сорок лет службы и как бы «отбывала принудилровку» на работе. Если ребенок шалил, она мрачно глядела на него и молчала, пока он не затихал. Ей как бы уже неохота было даже делать замечания. Урок в эти минуты «стоял» на месте. Атмосфера в классе была вялая,

сонная.

У другой учительницы в классе царил террор. Окрик, угроза, тычок в спину, в затылок — ее способ добиться тишины. К концу занятий она была возбуждена, даже взвинчена. Ушла в свою каморку, хлопнув дверью.

Но больше всего меня поразила третья. Красавица в зеленых очках и высоких сапогах с ботфортами приняла меня ласково. Весело и с улыбкой начала вести урок. Но минут через двадцать она перестала... видеть детей. То есть буквально ослепла до минус двенадцати. Ее взгляд «брал» ребятшек примерно с двух-трех первых парт. Она им что-то объясняла, сердилась, на кого-то стучала кулачком, кого-то даже к столу подзвала показать, как пишется слово... А я-то сидела на последней парте и с интересом наблюдала жизнь «камчатки». Двое играли в детский конструктор, разложив его на парте. Двое рисовали. Один спал. Один смотрел в окно и тихонько что-то пел. А еще двое вели нанайскую борьбу в проходе на полу между партами. Они боролись, а точнее, дрались по-настоящему, но молча. Еще несколько детей смотрели на них.

Слышу голос учительницы: «Волынцев! Завтра придешь с матерью!» Ищу бедного Волынцева — нет, это не «нанаец», это шалун со второй парты.

Виновата ли красавица, что у нее «ограниченный кругозор»? Нет, не виновата. Это ее защитная реакция на «жужжание».

Дело в том, что малышовой класс жужжит и весь шевелится. То есть каждый из тридцати пяти или сорока (а бывает и больше) детей что-то делает, что-то достает из портфеля, из парты, что-то ищет в карманах, на полу, что-то говорит соседу, чему-то смеется. На голос учительницы все замолкли, смотрят на доску, но уже через минуту (можно засесть по часам) зашевелились, зашептались...

Чтобы это психологически (и психически) выдержать, нужен особый

характер учительницы. Она должна быть... Я искала для себя и нашла свое слово — «мелочная».

Такая учительница мне попалась, не помню уже, пятой или шестой по счету.

Татьяна Григорьевна умудрялась оставаться «включенной» в занятия всех сорока детей на протяжении всех сорока пяти минут. Создавалось впечатление, что у нее, как бы это сказать точнее, «нет других забот». Буквально ни единой мысли «вне» класса! Вся — здесь. **И ни разу не повысила голос.** С ума сойти!

— Как вы думаете, ребята, почему я подняла руку? — говорит она.

Дети оглядываются. Один сразу смекнул:

— Потому что Юра сидит под партой.

— Верно. Как вы думаете, что делает Юра под партой?

— Ищет фломастер, — тянут несколько голосов.

— Верно. Юра, возьми мой фломастер, и продолжай урок.

Вылезает Юра, запарился, взъерошенный. Идет к столу.

Нет, это искусство говорить с детьми на их языке, в их собственном темпе (вот главное! — и, увы, оно не поддается «науче-

нию»), нельзя передать словами. Я сразу поняла, что выбрала учительницу. Дети были спокойны — вот что меня устраивало.

По рядам между партами не бегала психопатка — молодая или старая, неважно. Можно было распахнуть дверь настежь во время урока — в коридоре был бы слышен лишь ровный гул, легкие смешки, но — ни воплей разъяренной учительницы, ни детского плача...

Время показало, что мой расчет был правильный. Ребенок четыре года легко ходил в школу, озабоченный только «делом»: придумать, решить, раскрасить, сочинить и т. д. И не было в его лексиконе таких слов, как «боюсь», «противно», «не хочется», «надоело».

ХАРАКТЕРНЫЙ СЛУЧАЙ: в раздевалке, где толпились родители, я увидела девочку, которая подходила ко всем по очереди и просила две копейки «позвонить бабушке». В кулачке у нее уже скопился десяток монет, а она все просила. И таким жалобным тоном... Татьяна Григорьевна увидела эту сцену, обняла девочку и увела из раздевалки. А потом — уже из профессионального интереса — я

задала вопрос Татьяне Григорьевне: «Неужели вы не рассказали маме, что ее дочь попрошайничала?» Ответом мне было искреннее удивление: «Что вы! Разве можно! Дети такое вытворяют! А родители бывают такие грубые! Откуда я знаю — а вдруг девочку изобьют ремнем!»

Высший класс работы, подумала я тогда. Ибо на столе в редакции у меня лежали вороха писем от родителей с обидами: «учительница назвала семилетнюю нашу дочь воровкой за жвачку», «...объявила на собрании, что по нашему сыну, 9 лет, плачет тюрьма», «...такого наговорила, что пришлось выпороть» и т. д.

В нашей семье начались слезы лишь в пятом классе, когда сменились все учителя и классным руководителем стала математичка.

Слезы лились у нас до того самого дня, пока мы не покинули эту школу. А дело было так.

— Запишите условие задачи, — говорит учительница и видит, что ученица Базулина завязывает шнурки на туфле. Учительница повышает голос и говорит отчетливо: «Базулину продали в рабство в Америку. Повесили ей на

грудь дощечку «Сорок долларов». Но за эту цену Базулину никто не купил. На другой день ей повесили дощечку «Тридцать долларов». — Учительница делает паузу и спрашивает: «На сколько процентов подешевела Базулина?»

Скромная, тихая Нина Базулина оглядывается вокруг, не зная, как ей реагировать. Кто-то из детей засмеялся. Другие замерли. С моим же чадом случилась первая в жизни и самая настоящая истерика. Вернувшись домой, чадо заявило, что в эту школу больше ни ногой. Пришлось переводить.

Это маленький пример, когда в престижной и знаменитой школе вполне успешно может «воспитывать» детей человек нравственно глухой. И никакой рейтинг школы в городской сети не спасет детей от унижения.

Об этом я и твержу всем, кто раздумывает, куда определить сына, дочь. Чтобы не смотрели на вывеску школы, а пристальнее наблюдали за ребенком: скучает? злится? обижен? угнетен? спокоен? деловит? Наша родительская обязанность — защитить его, помочь в полную силу «прожить» десять лет своей жизни, а не промучиться.

Разумеется, набор учителей — всегда букет характеров. И рядом с отличным словесником и доброй историчкой может трудиться «ненормальный» физик и грубая биологиня. Но разве не точно так же мы с вами живем и трудимся в конторах и на заводах? Все неплохо, но вот один из начальников донимает... Мы решаемся на увольнение, если становится невозможно. Такова же и школьная ситуация.

Нелепо иногда звучат риторические вопросы родителя: «Какое право имеет Иванова оскорблять моего сына! Она же — педагог!» Не имеет права. Но что делать: она неумна, малограмотна, вульгарна, вспыльчива, зато «предмет знает» (как говорят в районе дефицит с учителями этой дисциплины, то

вся администрация стеной встанет.

Поберегите свои и детские нервы, говорю часто таким родителям, смените школу. Но учтите, что и там будет своя «иванова», а может быть, и не одна.

Знаю немало случаев, когда родителей зашкаливало: «С какой стати нам уходить, пусть она (он) уходит». Если учитель нужен школе и роно (или имеет «связи» в любых верхах), то начиналась затяжная война, в которой родители и ученик всегда проигрывали.

Я сейчас не теорию излагаю — законно ли, справедливо ли это. Из практики исхожу — за четверть века навидалась таких конфликтов и наперед знаю финал. На моих глазах родители садели и теряли здоровье, сражаясь со школьной администра-

цией. За редким исключением — безуспешно.

«Уходите», — неизменно прошу я, выслушав очередную кошмар с «дебиллами», «уголовниками» и проч. «А если некуда — терпите, изворачивайтесь, ищите подход к учительнице, но помогите ребенку».

Никакой совет — не панацея. Призываю лишь к гибкости душевной: у себя на работе можете поступать или не поступать по принципам, а в школе не вам, а подростку сидеть лицом к лицу и кругом зависеть от учительницы, с которой вы сражаетесь.

Не идеальную школу ведь рассматриваем сейчас, а живую.

ПОМНЮ, В ЗАЛЕ СУДА увольняли учителя литературы. Повод смехотворный: два опоздания на урок и один «прогул» за 30 лет безупречной, бле-

стящей работы. Среди его выпускников — писатели, переводчики, журналисты, но почему-то никого не было в суде (впрочем, вспоминаю — никто понятия не имел, что их любимый учитель пытается опротестовать в суде грубое увольнение). Что меня потрясло? Настолько — что не смогла тогда статью написать? Не нашла слов — и мне бы не поверили — для характеристики ответчиков. Сейчас могу сказать, что это был «птичий двор» из сказки Андерсена. Окажись я в этом зале случайно, никогда бы не поверила, что эти семь-восемь женщин (администрация и актив) — педагоги. Даже внешне, даже в лексике, логике, манерах они напоминали кого угодно: официанток заоблудных чайных, продавцов овощей с лотков,

работниц паспортных столов — только не учителей. В зале суда стоял базарный крик на тему: «Ишь какой умный нашелся!» Под стать этой компании была и судья. И заседатели один к одному. На каждый тихий ответ уволенного учителя: «Это не прогугл... Ждал «Скорую»... Не дождался...» — следовал взрыв реплик, типа «ха-ха», «так ему и поверили». В иске отказали. Немедленно соседняя школа подхватила известного учителя.

А я все не могу забыть эту компанию ответчиков. Каждая из этих женщин по 20—40 лет стоит у класной доски и чему-то учит наших детей. Чему?

Вот почему твержу с закрытыми глазами: ищите учителя, группу учителей, а не бассейн в школе, не рекреации, не престиж.

«Мама, что такое «частное отделение»?» — спросил сын. Мать не сразу поняла, потом разобралась, какие «два слова» учительница повторяет весь урок, а мальчик не понимает смысла. Оказалось: «частное от деления». За одну минуту мать объяснила сыну загадку. Этот мальчик — и был тот «заяц», которого молоденькая учительница уже определила в ряды дебилов. А школа-то — в сердце столицы...

Против чего возражаю? Когда родители сбагрили дитя в школу и отныне

твердят лишь одно: школа «должна-должна-должна...» Должна, а не может? Не оставляйте ребенка в четырех ее стенах наедине со своими проблемами, страхами, обидами. Поближе стойте.

Кому-то нечаянно везет со школой. Кто в Измайлове живет — у них 734-я под боком, «школа Тубельского», как ее называют. Последний раз видела его во фраке с бабочкой на шее — что-то из Пушкина играл на школьной сцене. В антракте его обступила группа учителей из Томска насчет завтрашнего расписания — из такой дали прилетели подышать свободой, которая, оказывается, отлично может вписаться в режим и дух школы.

Будто клад нашли те жители Кунцева, кому повезло попасть в первый класс к Лысенковой в 587-ю. Вот уж мастер! Ее малыши никогда не спугают частное от деления со сказуемым и подлежащим. Для них эти термины, правила и формулы — все равно что «кино» и «мороженое». Они заканчивают учебный год, зная уже половину программы будущего класса. А то и всю программу. И никаких тебе дебилов в классе, а есть медлительные, которых она так же ровно любит.

Кто-то живет возле 825-й «школы Караковского», кто-то у метро «Пролетарская» хогит в школу Бо-

гуславского, кому-то повезло попасть в «школу Мильграма» — 45-ю, счастливицы оказались в классах у Соболева (67-я) и Айзермана (242-я). И есть еще тысячи не таких известных или вовсе не заметных замечательных учителей, которых надо искать прилежно, упорно и настойчиво для своих детей — отдельно в малышовые, отдельно в средние и особо тщательно — в старшие классы. Это три совершенно разные «школы». Не надо их мешать в кучу.

В самой зачуханной школе вы можете найти первую учительницу, на которую разве что не молятся родители. Расспросите их (не одного-двух, а хотя бы треть) — и смело отдавайте или, наоборот, бегите подальше, если отзывы со вздохом. Так же тщательно — опросом — надо выбирать 5—8-е классы. А старшие — как вуз или техникум, желательно с экспертами. То есть сво дитя надо сперва понять, у психолога проконсультировать: наклонности, силы, способности и т. д. И не говорите мне, что это трудно, невозможно. Тем более теперь, когда кругом кооперативы. Вон как быстро мы находим репетиторов и чуть ли не годовую свою зарплату им отдаем — нередко совершенно зря, мимо цели.

В СЕ, ЧТО НАПИСАНО в этой статье, касается

только забытых родителей (вроде меня), которые входят в школу с трепетом, боятся директора, готовы разрыдаться на собраниях. И совсем не касаются счастливых. Это особая категория, хозяева жизни (неважно, где и кем работают), и мне всегда доставляет удовольствие глядеть на них. Они входят в школу, как к себе домой, оомко зовут учителя и спокойно спрашивают, доволен ли он их отпрыском. При этом заранее улыбаются в предвкушении восторгов учителя. Никакая критика, даже пустяковая, в адрес ребенка, ими заведомо не принимается. Учителя хорошо знают этот тип родителя и «не связываются», и правильно делают. Себе дороже будет. За этих детей можно быть спокойным: они надежно защищены счастливыми родителями.

Но, увы, нас, комплексующих, большинство. Потому и делюсь своими наблюдениями с теми, кто в них нуждается.

Вот и недавно: беру газету и вижу, что дали звание «заслуженной» недостойному. Не человек, а «осиное гнездо» сплетен, унижает и обижает детей постоянно... «Но зато как знает предмет!» — говорят в роно. Ну и шла бы в математики-теоретики, а не в школу. Наши, родительские и детские, критерии порой прямо противоположны критериям роно — гуно. У нас детская душа на первом месте.

ОТРАЖЕНИЕ

ПОКА МУЖА РАЗЫСКИВАЕТ МИЛИЦИЯ...

Разводов становится больше. В 1987 году было расторгнуто 535 900 браков, а два года спустя уже 645 300. Причем из всех разводов Госкомстат СССР выделил лишь те супружеские пары, которые имеют несовершеннолетних детей. Только в Грузии и Армении за два года такие семьи разводиться стали чуть меньше — на 700 и 100 разводов соответственно.

Как и во всем прочем, главенствует РСФСР — с 316 100 разводы участились до 381 600. На Украине было 109 500 разводов, а стало 130 800, в Казахстане на 3700 больше, в Таджикистане — на тысячу, в Литве — на 2300...

Свыше 770 тысяч детей в 1989 году остались с одним из родителей. В их пользу было взыскано алиментов в 581 200 случаях. В городе из 100 семей каждая восьмая — неполноценная, в деревне — тринадцатая. И доходы их очень часто неполные, потому что алименты не хотят выплачивать десятки тысяч

людей. Только в 1989 году милиция разыскивала 104 тысячи алиментоплательщиков. С 1984 по 1989 год 130 тысяч родителей были осуждены за неуплату алиментов. К 1989 году в стране жили 1 862 000 матерей-одиночек. Тем из них, чьих мужей искала милиция, государство платило каждый месяц по 20 рублей. Из-за того, что кормить детей бывает нечем, 10 тысяч их ежегодно оказывается в домах ребенка.

Подростки, не имеющие отца или матери, тем не менее, ведут себя гораздо лучше, чем их сверстники из полной семьи. Из 958 100 детей, доставленных в милицию в 1989 году, лишь 283 600 — из неполной семьи. На учете в инспекциях по делам несовершеннолетних из 515 100 — лишь 177 900 полусироты. Однако среди осужденных доля подростков без отца или матери очень высока — 40 процентов. В Литве и Эстонии их 46 процентов, в Латвии — больше половины.

ДЕТИ ГОСУДАРСТВА

Семнадцать молодых, вполне нормальных людей провели детство в сумасшедшем доме и были помещены в пансионат для престарелых.

НЕДАВНО я узнал, что каждый десятый житель страны — инвалид. Это открытие было не менее поразительным, чем все остальные, происшедшие за последние годы, касающиеся истории, идеологии и нравственности в СССР.

А потом произошло мое знакомство с молодыми ребятами, живущими в московском пансионате № 6 для ветеранов труда, расположенном на улице Островитянова. Их здесь 17 человек, средний возраст примерно 23 года. Родившиеся с клеймом физической неполноценности — детским церебральным параличом (ДЦП), — брошенные родителями и ставшие уже почти взрослыми, ребята приоткрыли незнакомую мне до этого сторону российской действительности.

Дима Кузин любит футбол, собирает о нем книги и читает только их. Страстный болельщик ЦСКА. Отец — дипломат, работает в Монголии. Когда звонит сыну, всегда повторяет, что делает все возможное, чтобы Диме

жилось лучше. А Дима просит отца привезти печатную машинку — мечтает научиться печатать. Правая рука не очень повинуется, но Дима знает много примеров, когда именно печатная машинка давала инвалидам возможность работать — ведь передвигается он на коляске.

Гена Афанасьев, как и Дима, всю жизнь проводит на колесах. У него нет конкретной мечты, но его мысли всегда четки и определены, точно отражают суть проблемы, пути ее решения. Гена всегда знает, что нужно делать и ради чего.

Игорь Марков с самого начала поразил меня красотой своего лица и очень грамотной речью: он говорит настоящим литературным языком — медленно-медленно, задумчиво строит фразы, почти не поправляя сказанного, и они получаются законченными, как написанные набело. Он читает историческую литературу, изучает испанский и хочет стать переводчиком.

Тоненькая и невысокая, с аккуратной, каштанового цвета челочкой, Катя Павлова. Ее с детства тянет рисовать, и она мечтает о профессии художника-оформителя. Читает Джека Лондона, Зоценко...

Все они что-то любят, о чем-то мечтают, от чего-то

СТОЛИЦА

страдают. Они — личности, однако никто из тех, от кого зависит их судьба, не хочет с этим считаться. Государство наше, где «все лучшее — детям», предоставляет тем из них, кто родился с какими-либо отклонениями и был отвергнут родителями, широкую сеть психоневрологических диспансеров (ПНИ). Что ж, страна на деле «забылась» о своих детях, поместив новорожденных малышей с ДЦП в такие заведения. Видимо, ей просто больше нигде было их размещать, ведь очевидно, что паралич еще не означает умственной отсталости. Дело в том, что во многих случаях, связанных с ДЦП, о нервно-психическом состоянии новорожденного трудно судить с достаточной точностью. Это можно сделать, когда ребенок достигает двух-трехлетнего возраста, проанализировав динамику его умственного развития. Существует масса примеров, когда дети с ДЦП, оставаясь инвалидами, получают образование и профессию, а став взрослыми, живут жизнью психически здоровых людей. Но... такое бывает лишь с теми, кого не бросили родители и воспитывали в семье.

Формирование личности происходит на протяжении первых пяти лет жизни человека. А что произойдет с изначально психически здоровыми детьми, если они с рождения находятся за зарешеченными стеклами в обществе умственно отсталых сверстников да жестоких санитаров?

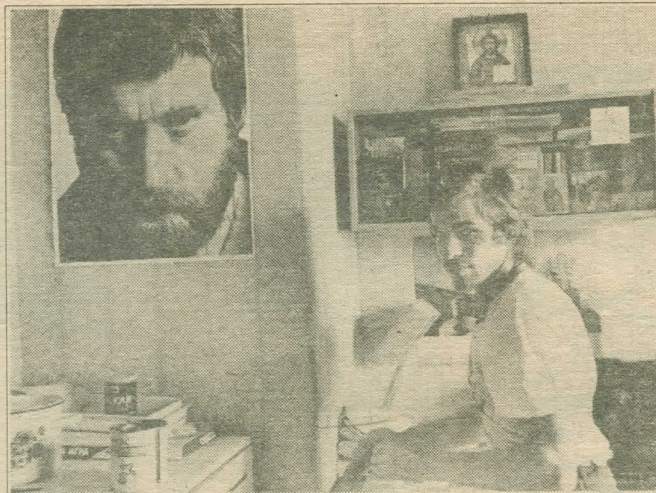
Этот вопрос задавали себе многие и отвечали на него по-разному.

Государство, а в его лице Министерство социального обеспечения, пришло к выводу, что в этом случае ничего, кроме умственной отсталости, сформироваться не может. Так в диагнозе моих новых знакомых появилась запись: «олигофрения в стадии дебильности». Ребятам тогда было 5—6 лет. Государству, видимо, проще считать ненужных ему людей, частью которых у нас являются инвалиды, — дебилами. Тогда с ними меньше хлопот и проблем, тогда не нужно строить дома-интернаты специально для отказных детей с ДЦП, каких очень много рождается на просторах нашей необъятной родины. Тогда их не нужно ничему обучать: достаточно четырех классов спецшколы. Ребятам так и говорили: «Читать, писать мы вас научили, и хватит. Вам никуда не поступать, ничего не кончать». Тогда отпадает необходимость в профессиональном обучении. Зачем ребятам профессия, если они содержатся на полном государственном обеспечении: страна дает им кров, пищу и одежду (правда, не перечисляет ни копейки пенсии). Проще дать им II группу инвалидности, которая в сочетании с диагнозом «олигофрения» не дает ребятам возможности устроиться на работу. Остается жить «на всем готовом» и собирать коробочки для тортов или пипетки, зарабатывая мелочь, которую и потратить-то нигде и не на что.

Но существует и другая точка зрения. Врачи, проводившие тестирование ребят, утверждают: как таковой олигофрении нет, а есть социальная и педагогическая запущенность.

Я много общался с ребятами и согласен с этим выводом. Это такие же люди, как и мы с вами, просто на некоторые вещи смотрят несколько иначе: иногда проще, иногда сложнее, иногда наивнее.

Игорь представляет себе систему социального обеспечения будущего в виде небольших городков для инвалидов или приземленные: «Для них (для нас) нужен центр, где инвалиды могли бы получить профессиональные навыки,

повысить свой образовательный ценз и затем выйти в жизнь». Катя немного с грустью говорит, что «мы друг друга очень долго уже знаем». В результате переводов из одного интерната в другой друзья часто расстаются, но «дороги всегда снова перекрещиваются». Дима жалуется, что слово «милосердие» затерли у нас, затаскали. «Однажды мы с другом ловили такси. Как только таксисты видели, что я в коляске, прибавляли ход и проскакивали мимо. Нам тогда пришлось искать машину с помощью милиции».

Некоторые взрослые говорили мне, что им легче находить общий язык и общаться с этими молодыми людьми, чем с собственными отпрысками того же возраста, из-за правильного русского языка, на котором говорят ребята, благодаря их детской наивности, терпению, доброте.

КАК ЖЕ ОКАЗАЛИСЬ 17 молодых людей среди пятисот ветеранов труда? Это эксперимент Министерства социального обеспечения. Перед министерством постоянно стоит проблема: что делать с вот такими отказными детьми-паралитиками, для которых, повторяю, не существует специальных интернатов — ведь они уже вышли за возрастные рамки ПНИ. Начинание, как всегда, имело в виду самые благие намерения: предполагалось, что ветераны станут передавать огромный жизненный опыт молодежи. Так по путевке главного управления домов-интернатов ребята оказались в совершенно иной, более раскрепощенной, по сравнению с ПНИ, обстановке. «Им созданы здесь все условия, они живут на правах ветеранов — имеют такие же отдельные комнаты, питание, одежду, возможность выхода в город, поездки в театр», — говорит директор пансионата Вячеслав Копылов.

Но идиллии не получилось.

Молодость особенно нетерпима к обману, несправедливости и всегда сует нос туда, куда старики не просят. И поэтому дирекции пансионата вездесущие, пронзительные, все знающие возмутители спокойствия сразу же стали поперек горла. «После ПНИ нам здесь живется как у Христа за пазухой, хотя, когда мы приехали, нас тут встретили в штыхы», — рассказывает Дима, а Игорь продолжает: «Ведь с нами надо постоянно заниматься и решать какие-то проблемы. А зачем администрации проблемы? Лучше жить спокойной жизнью. Бабушки ничего не требуют: поели, попили, поспали, погуляли, день прошел — и ладно».

Депутат Черемушкинского райсовета, на территории которого находится интернат, Евгений Твердохлебов отмечает: «Эти заведения раньше никакому общественному контролю не подлежали, и там накопилась масса проблем. Если бы не попали туда эти дети, общественность никогда бы не узнала, что там творится. До сих пор нам неизвестно, как тратятся перечисленные сюда предприятиями нашего района пожертвования».

Депутаты района добиваются организации медицинской комиссии, способной непредвзято и объективно подвергнуть проверке диагноз олигофрении. Это клеймо постоянно угрожает ребятам возвращением в ПНИ, которого они боятся как огня. Прецедент уже есть: полгода назад после многочисленных требований и комиссий был снят диагноз Игорю. «Я почувствовал себя человеком, пусть не на все сто процентов, но человеком, а не дебилом». В 21 год Игорь родился заново.

Еще одно требование заключается в том, чтобы дать ребятам третью группу инвалидности, позволяющую уйти из пансионата, получить у государства жилье, устроиться на посильную работу и жить самостоятельно. Об этом мечтают все, кто более или менее хорошо передвигается без колясок. Никто не боится трудностей одинокой жизни, дефицита, очередей, поисков работы. Они хотят вырваться отсюда, обрести независимость и свободу. А я боюсь за них.

Для того чтобы, как говорят ребята, «выйти на волю» и работать по той специальности, о которой каждый из них мечтает, нужно учиться. Но в пансионате нет ни мастеров, ни преподавателей, ни помещений для этого.

Дирекция, встретившая молодежь сначала без особой радости, после того как ребята подключили к борьбе все-союзную прессу, радио, кино и депутатов, теперь делает отчаянные попытки перевести молодежь обратно в ПНИ. Предлогов для этого более чем достаточно. И отсутствие необходимых ребятам врачей, и нехватка одежды подходящих размеров, и отсутствие помещений для работы и учебы.

Казалось бы, пригласить врачей, закупить одежду, выделить помещения не составляет большого труда, тем

более что Копылов говорил мне о своей полной самостоятельности как директора. Но он просто не хочет ею воспользоваться. После общения с ним и его заместителем у меня сложилось впечатление, что старые проблемы не решаются, а новые создаются намеренно.

Комиссии по пересмотру диагноза всегда ведомственные и заранее знают, какой нужен результат. Вот почему конфликт между молодежью и стариками всячески раздувается дирекцией: «Почему мы должны поступаться правом пятисот пожилых людей на покой и отдых ради семнадцати человек?» Среди обитателей пансионата существует поощряемая администрацией группа, постоянно пишущая жалобы на молодежь во всевозможные инстанции. Видимо, их и пригласили в кабинет директора во время нашего с ним разговора. «Актив» недоволен присутствием молодых в пансионате. «У нас совершенно разное видение мира, — говорят старики, — мы всю жизнь работали, зарабатывая себе право на отдых, а они считают нас из-за этого дураками».

Вот вам и «передача опыта».

Мне представляется вполне перспективной борьба депутатов за предоставление пансионату статуса дома ветеранов труда и инвалидов, за создание на базе интерната центра реабилитации инвалидов. Но пока эти глобальные цели остаются только в мечтах, как, впрочем, и цели совершенно обыденные. Ребята по-прежнему, вопреки логике, продолжают жить на разных этажах, старики пишут жалобы, дирекция, упирая на диагноз олигофрении, добивается возвращения ребят в ПНИ и пальцем не шевелит для того, чтобы молодежь могла учиться и получать профессиональные навыки. И ясно, что пока всё — даже дети, по несчастью брошенные родителями, — будет принадлежать у нас государству, не будет жизни у этих людей.

Разумеется, уже не вернуть семнадцати ребятам проведенные в казенщине годы. Но мы в силах помочь тем, кто только родился с этим зловещим диагнозом — ДЦП, отделить их от психических больных. И навсегда перекрыть проторенную дорогу из детства — сразу в старость.

Тимофей ПУНАНОВ

ПРЕСС-МЫШЕЛОВКА

ВЫСОКОЕ МНЕНИЕ

Писатель В. Распутин — ныне член Президентского совета — дал интервью журналу «Нью-Йорк таймс мэгэзин».

«Я думаю, сегодня евреи у нас должны почувствовать ответственность за грехи революции и за те последствия, к которым она привела... Они должны почувствовать ответственность за террор, который существовал во время революции и особенно после нее. Они сыграли тут большую роль, и вина их велика. Как за убийство Бога, так и за это...»

(Перепечатка из «Известий», 30 июня 1990 года)

ОТ РЕДАКЦИИ «СТОЛИЦЫ»

СКРОМНОЕ СУЖДЕНИЕ

Раньше короли держали при себе шутов и карл, а теперь стараются держать людей образован-

ных. Они должны хорошо знать историю религии, ход революции, уметь поговорить с иностранным журналистом. Словом, у них должна быть голова на плечах. Но если кто-то из них не знает самого простого — что во всем виноваты евреи, тот шут, карла и урод. И ему не сносить головы! По-настоящему образованный человек может даже не знать истории религии, течения революции, он может не уметь дать интервью иностранному корреспонденту, но, если он знает, что во всем виноваты евреи, значит, у него светлая голова и короли без его советов обходиться не могут совершенно.

Дмитрий
ПРОКОФЬЕВ

«...там на четверть бывший
наш народ...»

Владимир Высоцкий

Это — смотря как считать. Если по статистике — получится намного меньше. Даже включая нынешнюю массовую эмиграцию из Советского Союза в Израиль. Смотрим в справочник: с 1882 по 1914 год — около 25 тыс. чел. С 1917 по 1948 — 60 тыс. С 1948 по середину 80-х — еще 180 тысяч эмигрантов. Итого, если прибавить тех, кто едет в Израиль сейчас, получится около десяти процентов еврейского населения Израиля.

Если считать по сохранению «духа российской диаспоры», так вообще почти никого нет. У советских туристов, артистов, общественных деятелей, которые в последнее время довольно часто посещают Израиль, реакция шоковая: «Это единственная страна, в которой нет евреев!» То есть тот стереотип еврея, который сложился в нашем обыденном сознании, отсутствует. Это доказывает, в первую очередь, силу возникшей в стране культуры, быстро и достаточно успешно абсорбирующей новых иммигрантов.

Но можно посчитать и по-иному. Не исходя из еврейских культурных корней российской «черты оседлости» (именно отсюда, из произведений Шолом-Алейхема и других еврейских бытописателей России, архетип «еврея» перекопывал в наши представления), а по русским корням, по степени воздействия русской культуры и российского менталитета... И если основываться на этом факторе (приводя в ужас зыскуюющую национальную чистоту с обеих сторон баррикады «еврейского вопроса»), то оценка Высоцкого окажется чуть ли не преуменьшенной. Отноше-

Русский

Отряд
«Ашомер»
в
Реховате

Израиль

ние к России — не к российской государственности, разумеется, а к России как культурному феномену — у израильтян существенно отличается от отношения к любой другой стране. О роли России в культурном пространстве израильской нации очень точно сказал министр религий Звулун Хамер во время своего визита в Москву: «Я происхожу из семьи польских выходцев, не имею никаких российских корней, но отношение к России у меня, как и у многих в Израиле, как к «России-матери», «старой родине».

Если обратиться к израильской культуре, то выделить в ней российские (не еврейско-российские, а именно русско-украинские) корни очень легко, особенно на ранних этапах развития. Прежде всего в наи-

более народном виде искусства — песне. Еще в израильских песнях 50—60-х годов отчетливо слышится южнорусский и украинский мелос (и при этом практически полностью отсутствуют следы мелодического строя классической еврейской песни черты оседлости). Влияние русской литературы второй половины XIX — начала XX веков на израильскую прозу — общее место в любом исследовании израильских литературоведов. В более космополитических видах искусства — классической музыке и живописи — русское влияние менее очевидно, но и там оно обнаруживается исследователями.

Направившись на первый взгляд парадоксальный вывод: израильская культура на раннем своем этапе явилась своего рода

«русским зарубежьем». Причем речь идет в данном случае не только — и не столько — об искусстве. Но и о политических, общественных идеях, о направлениях экономического экспериментирования, а в самом общем смысле — о формировании национального менталитета.

Каким образом это произошло? Чтобы ответить на этот вопрос, нам придется вернуться на сто лет назад, к истокам еврейской колонизации Палестины, к периоду закладки основ новой нации — израильтян. В этот период (1882—1914 гг.) из общего количества еврейских иммигрантов выходцы из России составляли 35—40%. При этом значительная часть из них — выходцы из районов национальных окраин — Польши, Литвы, Бессарабии, то есть ара-

Иоав и Дина Дубровины — «образцовые сельские хозяй-ева Палестины» — казаки с Дона

Ицхак Табенкин разраба-тывают концепцию «еврей-ского труда на еврейской земле», в соответствии с которой большинство им-мигрантов проходят через школу работы на земле в «рабочих батальонах». Вы-ходец из России Берл Кац-нельсон становится при-знанным лидером и идеоло-гом рабочего движения.

Пожалуй, самым экстре-мальным выражением на-родническо-эсеровского мировоззрения российских сионистов, видевших идеал общественного устройства в русской крестьянской об-щине, явилась проведен-ная в последние годы XIX века операция по неле-

гальному ввозу в Палести-ну «субботников», одной из русских сект, распро-странившихся среди кре-стьян юга России. «Суббот-ники» выполняли некото-рые обряды иудаизма (в частности, праздновали выходной день не в вос-кресенье, а в субботу). Царское правительство от-носило к ним, как и к другим новым сектам (мо-локанам, духоборам и т.д.), с откровенной враждебно-стью и подвергало пресле-дованиям, вынуждая отка-заться от их веры и вер-нуться в лоно ортодо-ксального православия.

У «субботников» одним из безусловных религиоз-ных установлений было па-ломничество в Палестину. Поскольку сектанты были почти исключительно кре-стьянами и такое путеше-ствие было для них сопря-жено с распродажей хо-зяйства, для многих из них паломничество оборачива-лось в конце концов эми-грацией. В середине 90-х годов XIX века руководи-тели секты обратились к представителям «Ховевей-Цион» в Палестине Дizen-гофу и Яффе с просьбой помочь членам секты посе-литься в Галилее, где евре-ями были куплены крупные земельные уча-стки. В поселке Седжера «субботники» стали не только создателями и со-владельцами «образцовой фермы»: они также осно-

лов нерусской культуры. Однако, если взять любой энциклопедический спра-вочник, изданный в Изра-иле, сразу же обнаружится, что существенное боль-шинство политических, об-щественных, культурных деятелей этого периода в Палестине — русскогово-рящие. Это основатели всех политических партий, мэры первых еврейских го-родов и поселков, дирек-торы первых гимназий, первых больниц, промыш-ленных предприятий и бан-ков; это первые писатели и первые издатели... Ины-ми словами, это практиче-ски все социально и куль-турно активное ядро обще-ства.

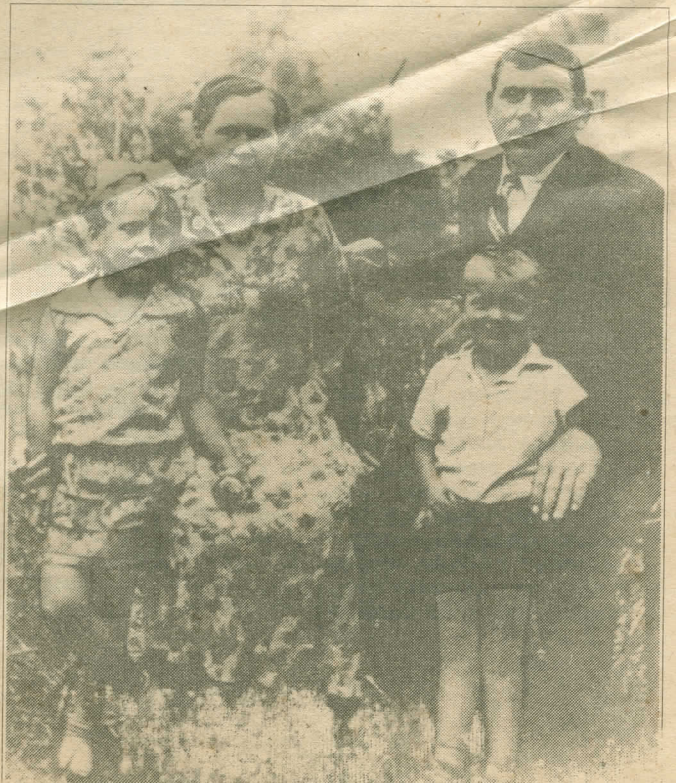
И это неудивительно: российский сионизм — движение евреев за «алию» (репатриацию) в Палестину, библейскую «страну Израиля», — зародился на весьма однород-ной социальной базе руси-фицированной еврейской интеллигенции. Первыми стали так называемые «палестинофилы» («Хове-вей-Цион») начала 80-х го-дов XIX века (за 15 лет до того, как Теодор Герцль созвал в Базеле 1-й сиони-стский конгресс!) — груп-па, большинство членов которой прошло через на-роднические организации. Затем, в начале XX века, большинство российских сионистов — это выходцы из эсеров. Показательно, что в идейном плане вы-ходцы из России привнес-ли в классическую сио-

Грамота «образцового сельского хозяина», полученная И. Дубровиным на Всеипалестинской сельскохозяйственной выставке в 1927 г.

нистскую модель Герцля два основных народниче-ско-эсеровских элемента: идеализацию крестьянско-го труда и постоянную на-целенность на коллекти-вистские, социалистическо-го толка, эксперименты. Эмигранты из России соз-дали в Палестине образцы всех форм коллективных хозяйств, от кооперативов и профсоюзного сектора национальной экономики (дающего сегодня свыше 20% ВВП) до коммуни-стских бунцев. Выходец из России Аарон Давид Гордон про-водит «религию труда», основанную на идеях Льва Толстого, и закладывает идейные основы коллек-тивного, исключаящего на-емный труд, сектора сель-ского хозяйства. Выходцы из России Йосеф Виткин и

Второе поколение «субботников»

вали своего рода сельскохозяйственную школу для иммигрантов-евреев, в подавляющем большинстве не владевших навыками ведения сельского хозяйства. Если бы не они, пишет израильский историк Р. Баки в исследовании, посвященном роли «субботников» в становлении еврейской экономики Палестины, единственным источником для обучения сельскому хозяйству были бы арабские феллахи с их отсталой техникой и допотопными методами обработки земли. «Субботники» стали также самыми наболеежными из иммигрантов — куда больше, чем еврей-сионисты, бывшие в подавляющей своей массе атеистами. Д. Бен-Гурион (первый премьер-министр Израиля) рассказывает в своих воспоминаниях о Седжере, что одни лишь «новообращенные русские иммигранты» молились ежедневно. Причем молитвы читали по-русски, поскольку это был единственный язык, который они знали.

«Субботники» очень быстро растворились в массе еврейских поселенцев. Еще в первые годы XX века все они приняли ивритские фамилии — кстати, подав в этом пример и собственно евреям. Они в первых рядах пошли изучать иврит — еще тогда, когда среди иммигрантов-евреев продолжались споры с теми, кто хотел сохранить верность идишу. Письменных свидетельств об этой русской иммиграции сохранилось немного — ведь «субботники» были крестьяне, в основном малограмотные. Но израильтяне, увлекающиеся генеалогией, могут рассказать, что семейство Эфрони, например, ведет род от Нецаевых, Дрор — от Куракиных, Якови — от Матвеевых, Шмуэли — от Протопоповых и т. д. Куракин, например, был князем, православным священником, который принял иудаизм и переехал в Палестину. Полагают, что именно он послужил прототипом Анатоля Курагина в «Войне и мире» Л. Толстого. В поселке Эсод-Амаале заботливо сохраня-

ется дом-музей основателя этого населенного пункта, донского казака-«субботника» Иоава Дубровина, еще в конце 20-х годов получившего диплом «образцового сельского хозяина Палестины».

Но нелегальная доставка российскими сионистами в Палестину «иудействующих» русских крестьян — отнюдь не единственный и, наверное, не главный путь распространения русской культуры в еврейском секторе («ишув») страны. Дело в том, что и сами-то российские сионисты не могли принести никакой другой культуры, кроме русской, потому что никакой другой не имели. Сионисты были самыми ассимилированными из российских евреев: основная масса местечковых жителей в то время еще находилась под влиянием раввина, видевшего в сионистском тезисе «репатриации на землю предков» нарушение одного из главных талмудических запретов: «не приближать конечных дверей» (согласно ортодоксальному иудаизму, собирание еврейской диаспоры в Палестине может произойти лишь перед концом света). А рабочая масса в основном тянулась к социал-демократам — большевикам и меньшевикам.

Сионизм распространился почти исключительно среди образованных слоев — а получить образование в царской России еврей мог лишь при хорошем владении русским языком. Недаром самыми заметными фигурами в сионистском лагере в России начала века стали русскоязычный публицист и переводчик (на русский язык!) поэзии Зеев (Владимир Евгеньевич) Жаботинский и петербургский инженер-электрик Пинхас (Петр Мартынович) Рутенберг — один из ближайших сподвижников Георгия Гапона — впоследствии основатель Палестинской электрокомпании.

Что же приводило народников и эсеров к идее эмиграции из России, к чьей культуре, социальной и политической, они принадлежали безраздельно? В первую очередь, без-

разочарование в революции и революционных методах. Деятельность народолюбцев, достигшая своей кульминации 1 марта 1881 г. (убийство царя Александра II), завершилась разгромом организации и серией еврейских погромов. Погромами ответил царский режим и на революцию 1905 года. Провоцируя погромы, власти рассчитывали не только отвлечь внимание масс от революционной борьбы, но и создать впечатление, будто выступления против режима — это «козни инородцев». В этих условиях действия евреев-революционеров квалифицировались значительной частью интеллигенции как «использование еврейской крови в качестве смазочного масла для колес революции». Нахман Сыркин, один из идеологов российского сионизма, характеризовал евреев-большевиков и других «революционистов» как антинациональную и антинародную силу. Все обвинения, которые в последнее время звучат в работах И. Р. Шафаревича, были высказаны Сыркиным еще в конце прошлого века (!), когда он назвал евреев, действующих в революционных российских организациях, «добровольными рабами».

Но вот парадокс российского сионизма: выступая против ассимиляции евреев и их участия в революционном движении, он с не-

меньшим пылом отвергал тот культурный «бэкграунд», который сложился в еврейских поселениях черты оседлости. Именно сионисты в России — куда больше, чем их единомышленники в странах Запада — вели борьбу против «диаспорности», против идиша, против иудаизма... Причина проста — сами они к еврейской культуре черты оседлости не принадлежали. Эти люди, будучи евреями по происхождению, воспитались на русской культуре — одном из величайших достижений европейской цивилизации того времени, и еврейская культура диаспоры была для них неприемлема (тем более, что определяющим элементом в ней являлся иудаизм, а раввинат, как мы показали выше, занимал резко антиссионистские позиции). И, прибывая в Палестину, выходцы из России принимались за создание «нового человека на новой земле»: с новым языком (ивритом), новой экономикой (основанной на сельском хозяйстве, а не на торговле и ремесленничестве, как в России), с новыми моделями поведения (антирелигиозность, коллективистское экспериментаторство, собственные военизированные формирования и т.д.). «Нового человека» — на основе единственной культуры, которую знали новоприбывшие активисты: культуры России...

Дом-музей И. Дубровина в Эсод-Амаале

**Анатолий
РУБИНОВ**

Казалось, что никакие силы сладить с несуществующей проституцией не могут, поскольку проститутки вечны. Районные отделения милиции устраивали облавы на проституток, заводили на них карточки и даже фотографировали — поголовно всех. То же сделали и вокзальные отделения. В каждом имелся фотоальбом. Одна за другой шли там фотографии женщин, которые не стремились быть прекрасными. Объектив застал их врасплох. Нередко после борьбы и перебранки. Женщины на карточках были всклокоченными, с открытыми ртами, некоторые наполовину беззубые. Казалось, что от фотографии исходит вонь, от этих жриц любви, которые день за днем, год за годом торговали своими иррациональными удовольствиями. Под ка-

ждой карточкой давались краткие сведения — фамилия, имя и отчество, иногда с добавлением «точно не установлено», год рождения и адрес. Пятого пункта в этой альбомной анкете не было, хотя иногда и встречался: осетинка, мордовка, но это вовсе не говорило о шовинизме — просто нелипкая деталь на случай опознания.

Иногда милиция озобоченно искала падшую женщину, ездил к ней домой, уважительно усаживала в машину. Им льстило, что не по любовному делу. Вероятно, кто-то сказал, что такая-то проститутка, возможно, что-то добавит в расследование об убийстве, совершенном на каком-то дальнем дворе, на черном ходу, где-то на привокзальных путях, на чердаке...

В таких случаях проститутки проникались важностью дела, к которому были призваны, и становились озобоченными, серьезными. Искренне хотели помочь, надеясь повысить свое значение в глазах милиции. Они даже переставали материться, стараясь походить на приличных женщин, — например, на продавщиц, которые сердито торгуют водкой и от которых зависит в жизни так много.

Но о заслугах проституток забывали быстро. Даже ту, которая дала ценные сведения при расследовании, гнали прочь, когда объявлялась новая кампания по наведению чистоты. Эти кампании предшествовали всем радостным событиям — фестивалям, Олимпиаде, сессии Верховного Совета, Съезду, всем революционным праздникам, выборам. Тогда против проституток шли стены. Объединенными силами милиции и дружинников, которые сменили бригадмилцев, против проституток направлялась техника: машины с маленькими окошками в решетку. Эти радостные события и революционные праздники заезавшиеся проститутки проводили в КПЗ, камере предварительного заключения. Там они орала и оскорбляли неблагодарных милиционеров. Опытные же проститутки хорошо следили за календарем, за листками, напечатанными красным цветом, и нет-нет да и прислушивались к тому, что говорится в утренних выпусках программы телевизионных новостей, и в опасные дни не подходили к трем вокза-

лам на пушечный выстрел.

Но где взять столько техники, столько дружинников, чтобы устраивать наступления каждый вечер! Казалось, что против человеческого естества не погрешь.

Однако философы были неправы. Неожиданно выяснилось, что проституция зиждется отнюдь не на желании любви. Борьба против пьянства и алкоголизма, объявленная в 1985 году, всеместная и решительная, непредусмотренно разрушила то, на что она не покушалась.

Когда магазины не стали вечером выдавать спиртного, проститутке не для чего стало выходить на панель после закрытия винных магазинов. Когда на улицах меньше стало подвыпивших мужчин, не стало и осмелевших кавалеров-искателей. И они сами, немножко протрезвевшие, как-то потеряли интерес к опустевшим трем вокзалам. Давний промысел стал хиреть. Он почти иссяк. Люди старшего возраста, которые всегда склонны судить о жизни на основе возможностей своей физиологии, полагали, что незаконная любовь ушла навеки, как уличная газовая горелка. Но то была ошибка!

Газовая горелка засветилась, засияла ярче прежнего. Она вспыхнула не там, где она когда-то чадила, — запылала в виде созвездия современных электрических лампочек под хрустальными люстрами.

Оказалось, что Платная Любовь не ушла. Оказалось, наоборот, цена ее необыкновенно подскочила, и на смену падшим ангелам, грязным, патлатым, даже от фотографий которых разит вонью, пришли шикарные женщины, превосходно одетые, благоухающие лучшими на свете французскими духами, одетые зимой в шубы из норки, знающие иностранные языки, — самые красивые, самые шикарные женщины Москвы.

...Последствия исторических событий предвидеть трудно. Кто может приложить к своей судьбе, скажем, сообщение о предстоящей сессии Верховного Совета — обыкновенному человеку, хоть и депутатского возраста, слушать доклад во Дворце и выходить там на трибуну не суждено. Но как раз перед такой сессией Моссовет примет решение о сносе еще

Фото С. Титова

нескольких ветхих строений, и не депутат благодаря сессии окажется в новой квартире, его сын познакомится на новой лестничной площадке с дочерью соседа, они потом поженятся, разведутся, и отец будет готов уехать хоть в Чертаново, хоть в Чернигов, хоть в Чернобыль, чтобы не видеть своего отпрыска, так полюбившего дочь алкоголика. Вот и говорите после этого, что политические события обыкновенных людей не касаются и что такие события важны только для крупных деятелей.

Политическое решение построить торговый Центр на Шелепихе заинтересовало поначалу только жителей этого богатого забытого истинно деревенского уголка на болотистом берегу Москвы-реки. Само название Шелепиха внушало матерям страх, если их дети ездили туда купаться. Политики думали об улучшении советско-американских отношений, и поэтому новость была продекларирована теледиктором почти в самом начале очередной программы «Время». Маленькие дети в это время уже ложились спать — после предыдущей передачи «Спокойной ночи, малыши!». Кто бы мог подумать тогда, что именно в этот вечер решилась судьба некоторых пока невинных девочек? Когда они подрастут, на Шелепихе, у самого берега Москвы-реки, вырастут несколько соединенных между собой зданий необычной архитектуры с оранжевыми стеклами. В эти дома будут пускать только людей с иностранными паспортами. Там появятся лучшие в Москве рестораны и магазины, которые будут брать любой валютой, кроме местной. Там будут говорить только по-иностранному, а завтракать, обедать и ужинать там станут только богатые приезжие люди. И, главное, кто бы мог подумать, что сама судьба этих домов с оранжевыми стеклами станет зависеть от московских проституток, которыми станут некоторые невинные девочки, засыпавшие сразу после передачи «Спокойной ночи, малыши!» и в наступающей дремоте так и не осознавшие всей важности политического сообщения о строительстве новых домов на болоте...

В октябре 1986 года читающая Москва была потрясена статьей в газете «Московский комсомолец», в которой рассказывалось о потерявших всякий стыд необычайно шикарных женщинах, в большинстве своем еще комсомольского возраста. Газета постеснялась назвать их профессию, потому что тогда держалась,

несмотря на факты, прежнего мнения, что у нас нет ни проституции, ни проститутток.

Получилось очень занятно и непонятно: необычайно шикарные женщины распродают самих себя и, как это ни странно, в результате распродажи оказываются одетыми еще шикарнее. Снимая с себя туалеты, они надевают еще более роскошные одежды. За одно только раздевание в гостиничном номере для иностранцев в Центре торговли они берут сто долларов, иногда успевают за день раздеться и одеться по нескольку раз и в результате чрезвычайно много платят за пользование телефоном — иные по три с половиной тысячи рублей в месяц.

Вся читающая догадливая Москва занималась в те дни арифметикой. Устно и на листочке подсчитывались доходы бывших невинных девочек, которые пропустили судьбоносную передачу программы «Время»: Если три с половиной тысячи рублей идет только на телефон, то сколько же на еду, одежду, парфюмерию, такси?.. Получались астрономические цифры! Люди, хорошо знающие арифметику, пришли к выводу, что в «Московском комсомольце» вкралась опечатка — для поддержания такого миллионерского житья надо было раздеваться и одеваться очень резко, за минуту два раза. Добровольные математики понимали, что это нелегко, потому что они все-таки немного знали физиологию, и пришли к выводу, что раздевание стоит не сто долларов, а гораздо больше. Получается, что это самая прибыльная профессия! Даже самые добропорядочные люди, никогда не видевшие несуществующих в нашей стране проституток, подозревали, что между раздеванием и одеванием происходит еще что-то, самое главное, за что и платят деньги эти глупые иностранные люди, которые не знают, что на доллары можно купить там, где государственная валюта — рубль.

Там доллары можно обменять на чеки. На них купить японский кассетный магнитофон. Отнести его в комиссионку, где за него заплатят вдвое дороже — рублями. С этими деньгами пойти к спекулянту и купить кофточку с люреком, который блестит, как самое настоящее золото. Что же это за женщины комсомольского возраста, которые так богаты и которые совершенно бесстыдно занимаются своим позорным чужестранным ремеслом, без всякого патриотического чувства!

В статье говорилось, что они и знакомиться не желают с теми, у кого в кармане водятся только рубли. Почему общественность терпит это? Почему, вместо того чтобы писать статьи, не арестовать всех этих женщин, не расстрелять или по крайней мере не сослать, не причинить хотя бы какой-нибудь телесный урон, который после этого не позволил бы им заниматься их предательским ремеслом?

Мало было в тогдашней прессе таких статей, которые прочитала вся страна, во всяком случае вся Москва. С негодованием отнеслись к продажным женщинам, например, секретарши, которые, если они молоды, за те же действия с

начальниками получают только премию — через бухгалтерию. Негодовали любительницы туристских путешествий — хотя на туристских маршрутах в менее комфортабельных условиях приличные женщины совершают с приличными мужчинами те же действия, но зато совершенно бескорыстно. Больше того, некоторые туристские дамы везут на туристские тропы бутылки лучшей водки «с винтом» и этим, наоборот, расплачиваются с мужчинами, располагая их к удовольствию.

Шикарные, лучше всех одетые москвички подверглись единодушному осуждению. Если бы кто-нибудь подал клич собрать добровольное войско для наступления против антипатриотических действий этих беспутных женщин, то можно было бы образовать роты, батальоны, полки — так много нашлось бы охотников. Но эту борьбу доверили наследникам боевых традиций Красной Пресни — комсомольцам-юношам Краснопресненского района с незапятнанной репутацией.

В дома с оранжевыми стеклами стали пропускать не только по иностранным паспортам, но и по удостоверению дружинника. Нештатных гостей вскоре стало так много, что иностранцы шли на ужин сквозь строй мужчин с горящими от бдительности глазами. Так гости незаметно потеряли аппетит не только к женщинам — ко всей русской кухне. Проститутки были изловлены, ресторан опустел, магазины, торгующие на доллары, бездействовали. Дружинники остались одни, наедине с официантами и продавцами. Борьба закончилась полной победой и вместе с тем полным хозяйственным застоём огромного здания, приносящего стране доход в долларовых банкнотах.

То была хозяйственная катастрофа, которая вдруг открыла, чья кипучая деятельность рождала бурно текущий с Красной Пресни валютный поток.

Но даже после лютых морозов идет весна. Приходит теплое солнце, и на выжженной равнине из жухлой прошлогодней травы поднимаются дикие нежные тюльпаны, а потом и все цветы земли. Никто не мог предвидеть разорительного результата такой решительной ликвидации очага разврата. Но, оказывается, газету прочли не только с негодованием. Кое-кто порадовался и широко открыл глаза. Молодая поросль, нежные тюльпаны, ринулись на выгоревшую долину. Еще более красивые создания, некоторые вдобавок и более молодые, пришли для того, чтобы отвоевать место, положенное им по законам красоты и возраста.

Внезапно оказалось, что изловлены были не все проститутки, а только самые глупенькие. И новички повели штурм на уцелевших, вернувшихся на пепелище шикарных женщин — не для того, чтобы уничтожить их, а чтобы стать в их ряды, потому что, отсидев недельку-другую дома и потерпев в безделье финансовый урон, те возвратились на свои посты.

Выяснилось, что их тут ждали. Не только клиенты, но и завистники из числа официантов, метрдотелей, швейцаров, продавщиц чековых товаров. Тем не-

вольно пришлось признать, кто является двигателем торговли этого самого главного Международного центра торговли. Победительницам, однако, постепенно стали снова завидовать, и вообще мало кто может понять душу долларовой проститутки, разглядеть за аристократической внешностью страдания, которые выпадают на их долю каждую ночь и каждый день...

Проститутки-аристократки не так уж много. Тяжелая борьба за существование отбирает самых достойных. Никакие приемные комиссии даже в театральные вузы, где на одно место претендует сто молодых людей, желающих стать артистами, не предъявляют таких высоких требований к кандидатам. В театральный вуз можно принять по знакомству — потом по знакомству можно устроить в академический театр. Долларовыми проститутками становятся только те, кто имеет все необходимые для своей профессии достоинства. Надо, однако, признать, что здесь, с другой стороны, нет и ограничений, которые предъявляет анкета. Ни прошлое родителей, ни национальная принадлежность не может стать препятствием. Даже отсутствие печатных трудов. В актеры могут пропустить какого-нибудь тщедушного недоросля — на комические роли или дурнушку — для «вторых ролей». Независимая от прошлого родителей, от национальной принадлежности, от образования, долларовая проститутка всегда играет главную, первую роль. Вторую роль играет ее клиент, которого она должна принять. Или, согласно профессиональному языку, снять. То есть повести себя таким образом, чтобы даже примерный семьянин, оказавшийся на чужбине, поняв, что он уже скучает, чтобы захотел развлечься, поговорить с милым созданием, ощутить тепло женственности, увидев вблизи загадочную русскую душу — естественно, открытой.

Этому никто не учит. Самой надо открыть секреты психологии и покорять одного за другим: прижимистого американского бизнесмена, чистейшего западногерманского фирмача, осторожного турецкого финансиста, сдержанного, но разгульного, когда придет для этого час, арабского нефтяного шейха. Кроме психологии, которая дается интуицией, нужно знание языков. Конечно, бывали случаи, когда страстной любви не мешал языковой барьер — в такие минуты с особой силой проявлялась человеческая общность. В определенных ситуациях все люди обходятся одинаковыми жестами и междометиями. И если язык используется, то отнюдь не для произнесения слов.

Успех проститутки торгового Центра зависит не только от молодости, счастливой внешности и владения языками. Нужны такт, превосходные манеры и некоторая агрессивность. Правильно говорит русская поговорка о лежачем камне, под который вода не течет.

Прежде чем лечь, надо умно посидеть в ресторане. Не изображая недотрогу, показывая себя женщиной вполне светской, однако не лишенной и некоторых слабостей. Все искусство в том, чтобы начать разговор, незаметным приемом побудить мужчину обратиться первому. А потом показать безупречные манеры,

не спешить излишне, но и не тянуть. Время — действительно деньги, особенно вечером — и не рубли, а доллары. Достойными манерами надо увлечь мужчину собой, взглядом прибавить ему смелости, чтобы он предложил заглянуть в его гостиничный номер, всего лишь посмотреть, как он тут живет, какой дивный вид открывается вечером из оранжевых стекол на Москву и на Москву-реку — все это и есть умение «снять клиента».

Дальнейшее идет по общей для всех широт и долгот международной программе. Однако с некоторыми индивидуальными особенностями... Людей много, но индивидуальных особенностей меньше. Именно они дают возможность молча заполнить пятый пункт нашей отечественной анкеты. Однако человек, воспитанный на художественной литературе или на статьях наших журналистов-международников, удивится, что национальные особенности разных народов словно бы поменялись.

У нас нет оснований не доверять впечатлениям международных проститутки — женщины образованных и непредубежденных. Немцы скупы? Ничего подобного. Они по-американски щедры, а вот американцы, оказывается, по-немецки скуповаты...

Приученная своей профессией к наблюдательности, проститутка из ванной гостиничного номера уловила знакомый звук, который издает молния ее сумочки. О своем только что состоявшемся любовнике-немце она тогда подумала самое худшее. Но вида не подала. Афродитой вышла она из пенной купели — благоуханная, освеженная. Она хорошо понимала, что в такие минуты не надо быть навязчивой: после того, что произошло, мужчины превьше всего ценят кротость, и не высказывала ни слова подозрения. Как благоразумно она поступила! Когда она потом шла длинным гостиничным коридором, внезапно остановилась, будто бы для того, чтобы накрапить губы, а сама быстренько пересмотрела содержимое сумочки. Там было не двести бундесмарок, соответствующих ста долларам, — эти деньги она сама положила, направляясь в ванную. В сумочке находилось пятьсот бундесмарок! Благодарный, справедливый немец тихонько открывал молнию ее сумочки для того, чтобы заплатить за работу, сколько она стоила, — несильно прибавил премию, надбавку за качество. А двумя часами раньше она, свежая и полная сил — это был первый в этот день клиент, — старательно выполнила все, что мог ожидать от нее американец, заплативший положенные сто долларов, и при прощании хотела, словно по забывчивости, положить себе чужую пачку «Кэмел». Уже разлюбивший ее клиент жестом показал ей, чтобы она положила сигареты на место. Так кто же скуп — западные немцы или американцы?..

Но скупее всех — кто бы это мог предположить! — жрецы любви, французы. А первую, заочную школу любви они проходили как раз по французским романам. Иной француз вдруг показывает, что он, оказывается, в затруднении — видите ли, десяти долларов не хватило. Не возьмет ли мадемуазель пару па-

чек сигарет — вместо недостающего?..

А запасливые японцы, наоборот, любят что-нибудь подарить сверх договоренного. Чаще всего какую-нибудь электронику: например, спичечную коробку, которая ловит средние и длинные радиоволны. В ресторане японцы держатся группой, приглашают за свой стол и не ждут, когда им намекаешь: дескать, купите даме «дринк». Сами идут к буфетной стойке, несут, улыбаясь, виски, джин. А потом вдруг разом разбегаются по своим номерам. Уходят, однако, не следует. Кто-нибудь из них тут же появится снова и будет вертеть, будто балуясь, ключом от номера. На ключе выбиты крупные цифры. Ничего не стоит углядеть их. Только неопытного человека обманет невыразительность японских, с косым разрезом, глаз. Кажется, что он смотрит вовсе не на тебя, но только на кого ему смотреть, если поблизости только одна достойная внимания женщина? И она смело поднимается на этаж, который соответствует первой цифре на ключе, потом легонько стучит в номер, которому соответствуют остальные цифры, дверь немедленно распахивается. Ее ждали, и все уже готово, даже лишняя бутылка «дринка», которую она сразу предназначает для того, чтобы унести с собой.

О японцах можно сказать, что они люди коллектива и живут по его законам: оставаясь все вместе, не мешают друг другу действовать по отдельности. Через полчаса другой японец вертит в гостиничном холле ключ с другим номером. В конце концов, косоватый разрез глаз, если быть внимательной, совсем уж не такой загадочный. Нужно просто понимать японскую психологию, ненавязчивый характер, деликатность по отношению к коллеге и умение терпеливо ждать своей очереди. Японцы, конечно, все на одно лицо, но если хорошенько присмотреться, то они все-таки отличаются друг от друга. Сами же японцы европейские лица запоминают хорошо. Случается, что сидит он в баре, медленно пьет свой «дринк» и эдак незаметно

оглядывается. Непосвященный человек подумает, что японец просто отдыхает, проводит культурно время, а он, оказывается, ждет, когда ты подойдешь, потому что три месяца назад познакомился с тобой и считает, что ты — его московская жена. Никому не позволяет «снять себя» другой, какие бы намеки она ему ни делала. Иногда так привяжется, что хоть подавай на развод, чтоб он отстал. Правду в «Московском комсомольце» писали: девушки из торгового Центра платят за междугородные телефонные разговоры. Как и было велено, надо позвонить, спросить, когда ждать, а жене или там секретарше говоришь, что звонят из Москвы по поручению торгового Центра. И так они серьезно ведут свои деловые переговоры, назначают дату совещания — никто не отгадает его «повестку дня». Японцы люди очень деловые, уважают точность и аккуратность. И высоко ценят эти качества в других...

Турки чем-то похожи на японцев. Они тоже держатся стайкой, все ухаживают за одной, но потом не разбредаются по своим номерам. Гурьбой идут на продолжение совещания в какой-нибудь богатый номер из нескольких комнат. Берут с собой разные «дринки», хотя выпивать им, мусульманам, не положено, а также фрукты, орешки, шоколад. Сидят в гостиной и о чем-то говорят между собой по-турецки — может быть, о поэзии, а может, и о курсе цен на фондовой бирже, а тем временем в соседней комнате, если надо, произносят, задыхаясь, отдельные слова по-английски. Можно сказать, что это комната — гости. Она будет там оставаться до тех пор, пока все турки чинно, не спеша, не пройдут по одному через ее покои. Вот почему гостя любит турок: не надо еще не остывшей спускаться вниз в ресторан и ждать, когда отыщется подходящий, чтобы его «снять». В самой дальней комнате богатого номера действует невидимая благородная очередь из людей, которые сидят в гостиной и так степенно наслаждаются неторопливой восточной бе-

седой.

После вечера и ночи в торговом Центре бывает, что кто-нибудь утром позвонит. Очень обидно, что не дали поспать. Но если позвонивший сообщает, что в Москву приехали турки, то сон как рукой снимет — ради такого сообщения можно нарушить сон. Это самая лучшая новость.

Правда, хороши и гости из Саудовской Аравии, но есть у них и недостаток. Они тоже спокойны и уважительны, платят еще больше — по высшей таксе. Хорошо, когда цены за баррель нефти поднимаются. Это тут же ощущается в постели — клиент становится щедрее. Но, расплатившись, вдруг преобразается. Строго требует, чтобы хорошенько помылась, но раньше тщательно вымоется сам и трет мочалкой локти и колени. Становится сердитым, сводит брови, не разрешает прикасаться ни к ручке двери, ни к стакану. Нельзя даже к стенке прислониться. Надо ждать, когда он помолится, сам отворит дверь и с презрением выпустит из номера, бубня что-то про себя. Наверное, какое-то проклятие.

Девушки очень обижаются на такие холодные проводы. Утешает только большой заработок. Тогда они говорят себе, что никогда больше не будут водиться с шейхами, которые вдруг делают тебя существом нечистым, хотя все делили пополам. Но вдруг вечером он снова огненным взглядом черных глаз из-под тех же, но расправленных черных бровей врзлет даст понять, что снова любит тебя, словно бы забыл, как рассердился, чуть не убил за то, что она к чистой ручке двери прикоснулась, — на глазах снова тер ее полотенцем и заставил отнести, бросить тряпку в ванную комнату.

В такие моменты вспоминаются любвеобильные и бессильные, очаровательные старички. Некый западногерманский богач любит приглашать по шесть девушек сразу. Какое веселье царит у него за столом! Каждой он скажет доброе

слово, каждую поцелует, и все целуют его — по одной и вместе, сразу шестером. Какая возня тогда поднимается! Каждая хочет дотянуться до губ, и он норовит попасть каждой в губы. Бывает, что в суматохе бутылку свалит на пол или же стол свернут на бок. И все смеются тогда еще звонче, даже у хозяина не портится настроение, хотя, может быть, ему придется платить за разбитую посуду. А кончается веселье раздачей презентов. Какого только парфюма он, запазливый, не захватил с собой! И тени для век, и щечочки для ресниц, и французские духи, и румяна, и пахучий тальк для присыпки, и помада, и лак для ногтей, и блески для посыпки висков. Весь чемодан разберут, уже угомонятся, а он вдруг другой чемодан отворяет — бери, что надо. И вдобавок каждой по триста бундесмарок даст. Когда прощаются, опять начинается кутерьма: каждой так хочется поцеловать доброго старичка!

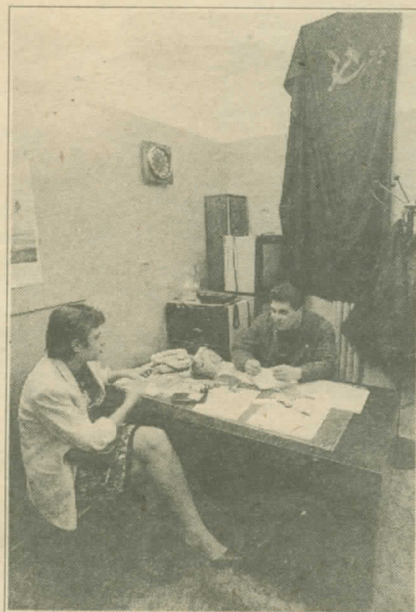
Посторонний человек, проезжая по Краснопресненской набережной, долго глядит на необычное здание с цветными стеклами. Иной подумает: и чего в нем особенного! Дом как дом, только что окна непрозрачные. Посторонний человек — это москвич. Москвич даже не подозревает, что это не здание, а целый мир, какого он отродясь не видал, если только не бывал когда-нибудь в каких-нибудь парижских и лондонских. Внутри этих зданий огромный крытый двор высотой метров эдак сто, там бьют фонтаны, растут диковинные деревья, проложены садовые дорожки. Там кафе, в которых пьют не водку, а джин с тоником, виски, заморское пиво, божоле и потребляют при этом горы льда. Постороннему человеку даже не понять, зачем тот лед, когда пьют как раз то, что, наоборот, горючит. Там, как по отвесным скалам, вверх-вниз снуют прозрачные, в белой окантовке лифты, и можно видеть, как на этом аттракционе едут степенные люди, не смущаясь того, что видны издали. Над этим двором солнце никогда не заходит. Над ним сверкает яркий ровный свет, каким бывает божий свет там, где небо не застилают облака.

В это солнечное царство сведущие люди стараются заглянуть хоть одним глазком. У широкого парадного подъезда, за стеклом, лицом к дворику, над которым ползут прозрачные лифты и повсюду цветут диковинные деревья, всегда немало дам, которые своим видом показывают, что в них течет голубая кровь, а тем мужчинам, которые умеют смотреть, и то, что эта кровь умеет бурлить.

О, чудо взгляда! Он волшебней всяких там электромагнитных колебаний, с помощью которых по Земному шару и в космос летят музыка и речь, — взгляд может передать желание на любом незнакомом языке. Со скоростью света он способен пролететь путь туда и обратно и принести весть, что человек понят, услышан, любим. И тогда сквозь цветное стекло летит другого рода взгляд, который тоже понимают люди всех языков и наречий и который может быть послан незнакомому человеку только тогда, когда предыдущее послание вернулось с положительным ответом. Этот второй

взгляд красноречив и откровенен: देखать, заходи — есть о чем поговорить...

Надо видеть, какое оживленное действие вызывает это невидимое постороннему приказание. Прекрасно одетая женщина, томившаяся ожиданием, вмиг переходит на высокие скорости. Подняв подбородок, она шагает туда, где стоит неприступный швейцар, всем своим видом показывающий суровость закона и преданность строгим правилам чужого дома на родном берегу. Удивительно, какое понимание психологии проявляет и

человек в ливрее! Он никогда не откроит дверь министру, если не будет ему сказано, что это министр, и даже после этого он постарается, не роняя своего достоинства, проверить пропуск. Немало людей идет эдак напролом, думая, что они хозяева, что им все доступно, но мало перед кем распахивал двери швейцар. Он, однако, чувствует отражение лазерного луча, который зажегся и был молча передан через цветное стекло. Этот все прожигающий луч он увидел в глазах идущей напролом дамы — и двери распахиваются. Швейцар, который, казалось бы, не умеет улыаться, становится приветлив, как опереточный герой, протягивает руку даме, словно бы моля ее разрешить ему поцеловать ее, но получает от нее нечто гораздо большее — ровно двадцать пять рублей одной бумажкой. Как бы ни была одета дама, в каком бы возрасте она ни была, по денежной купюре можно мигом узнать, свой ли человек она здесь. У дамы с серьезными намерениями, входящей в обитель для иностранцев, в руках должна быть непременно русская денежка, непременно лиловая двадцатипятирублевка. За красную десятку сюда не пустят, две бумажки вызовут подозрение, а зеленая пятидесятирублевка испугает.

Бедная долларова проститутка всегда рискует, всегда платит вперед, как человек, который на свой страх и риск начинает новое дело. Господин, выпустивший лазерный луч, может за это время исчезнуть — то ли в одном из прозрачных

лифтов, то ли в непрозрачных коридорах, но трус не играет в хоккей — проститутка может быть некрасивой, глупой, но она должна быть обязательно чистоплотной на вид и смелой. Некоторые господа оказываются совершенно безответственными. Возможно, они глумятся над бедными советскими женщинами, посылая лживые сигналы. А возможно и другое — трусливым оказывается господин. За те две минуты, что дама минует государственную границу, этот паспортный контроль, господин может вспомнить о своей семье и пожелать остаться безгрешным, хотя согрешить так хотелось. В любом случае гостю предстоит проявить немало стараний, чтобы провести операцию отважно и вдохновенно.

Всегда оказывается, что обманутые уже есть. Наметанным взглядом легко найти эту жертву, и они тут же объединяются. И вот в зале ресторана «Континенталь» с его темным, слабым, но отчего-то соединяющим людей светом две красивые, шикарно одетые женщины усаживаются за столик независимо и свободно, по-светски разговаривают и всем своим видом показывают, что они ценят жизнь и презирают суету.

Они смотрят только друг на друга и нисколько не интересуются окружающими. Но как-то так получается, что находятся мужчины, которые их тем не менее заметили, и разглядывают, и соображают, как бы привлечь внимание к себе. Эти невозможно глупые мужчины! Они соображают, ищут слова, хотя все так ясно, и берет досада от их медлительности.

Бизнесмен, а здесь живут только деловые люди, должен быть предприимчивым и в отношении к женщине. Его промедление оскорбляет и вводит в расход. Иногда — в неоплатные расходы, потому что не всегда у долларовой проститутки в сумочке, где водится косметика, остался хоть один рубль на случай провала. Но у бывалой здешней посетительницы имеется кредит.

Разыгрывается спектакль, который понятен всем, в том числе и официантам. Отобранные из среды лучших официантов города, самые опытные и самые статные, они еще и весьма сообразительные — каждая здешняя проститутка обещает доход. Сколько выпьет одинокий мужчина, сколько он съест, если он вдобавок хочет иметь стройную фигуру! Но если пересадить женщину за мужской стол или мужчину за женский, то немедленно начнется коммерция — заснут стройные официанты, зашевелился повара и буфетчики, зазвенят ножи и вилки, загремит посуда. Жизнь начинается с женщины-искусительницы!

(Окончание следует).

СТОЛИЦА

ПРОИЗВЕДЕНИЯ Леонида Ламма я впервые увидел на страницах журнала «А—Я» и прочитал о нем пространную статью, изобилующую иностранными терминами. Журнал этот даже в том раннеперестроечном году все еще считался «подпольным», и я не стал слишком сосредотачиваться на его художественно-искусствоведческих достоинствах. Я был благодарен авторам уже за то, что они расширили мой советский посюсторонний кругозор и подарили еще одного художника-документалиста.

Я настаиваю именно на этом двухчастном определении, так как для меня Леонид Ламм — художник, который вернулся оттуда и с достоверностью очевидца изобразил нашу необъятную «сумрачную зону». Ему выпало пребывать в ней всего лишь три года (1973—1976). «За что он туда попал?» — спросит любознательный зритель-читатель. Увы, за извечное человеческое стремление — быть свободным и свободно выбирать место жительства. Художника арестовали через три недели после подачи документов на эмиграцию.

Леонид Ламм родился в Москве в 1928 году, в 40-е и 50-е годы учился в Московском архитектурном и Московском полиграфическом институтах. После возвращения из тюрьмы и лагеря у него в 1978 году (как это ни парадоксально) открылась персональная выставка в ЦДРИ, а в 1982 году он (несмотря на упомянутое персональное экспонирование) эмигрировал в США, где и проживает в настоящее время.

Уже там, в приютившей его Америке, художник «путем инкорпорирования бытового и лагерного багажа в работы последнего времени» осуществил цикл живописных объектов под общим названием «Воспоминания о сумрачной зоне».

Фото Т. Шавердиева

«Воспоминания о сумрачной зоне»

Там же был создан и другой специфический цикл «На свободу с чистой совестью» (1984). Это своего рода документация тюремной жизни, где все изображено вроде бы предельно конкретно («Полковник Подрез», «Вертухай Николай», «Бутырская доска почета», «Унитаз», «Бак для мусора» и т. д.), и в то же время перед нами явно универсальные символы любых всесоюзных мест «с южных гор до северных морей». В их универсальности и стандартности убеждает и сетка «точных» чертежных размеров (цифр, линий и стрелок), которые лишь поначалу кажутся странными на поверхности живописного холста или графического листа. Подобной топографической разметкой Ламм лишь подтверждает, что сии лица и атрибуты не плод его большого воображения, а «объективная реальность, данная нам в ощущениях». Тоскливая, надо сказать, реальность, но, увы, неизжитая, несмотря на благую готовность приступить, наконец, к построению «пра-

вового государства» в одной отдельно взятой стране. Может быть, из-за этой отдельности и все наши беды. Нам бы в «семью народов», и, глядишь, не нужно будет никуда уезжать ни художникам, ни «широкому зрителю».

Вот и Вячеслав Сысоев, о котором была статья в первом номере «Столицы», уехал в Европу и никак не возвращается на прежнее место жительства, где отсидел свой срок за слишком соцреалистическую сатиру. Мне трудно из Москвы судить, как воспринимается специфическое советское искусство там — на «диком Западе». Боюсь, что наш отечественный «сюр» до конца непереводим. Увидеть и понять его можно только изнутри, предварительно испытав на себе. Ламм и Сысоев испытали и теперь документально и психологически точно знакомят весь мир с нашим внутренним пространством, со всеми его отдельными рекреациями, камерами № 310 и № 319, досками почета и внутренними дворами,

покинуть которые можно только «с чистой совестью».

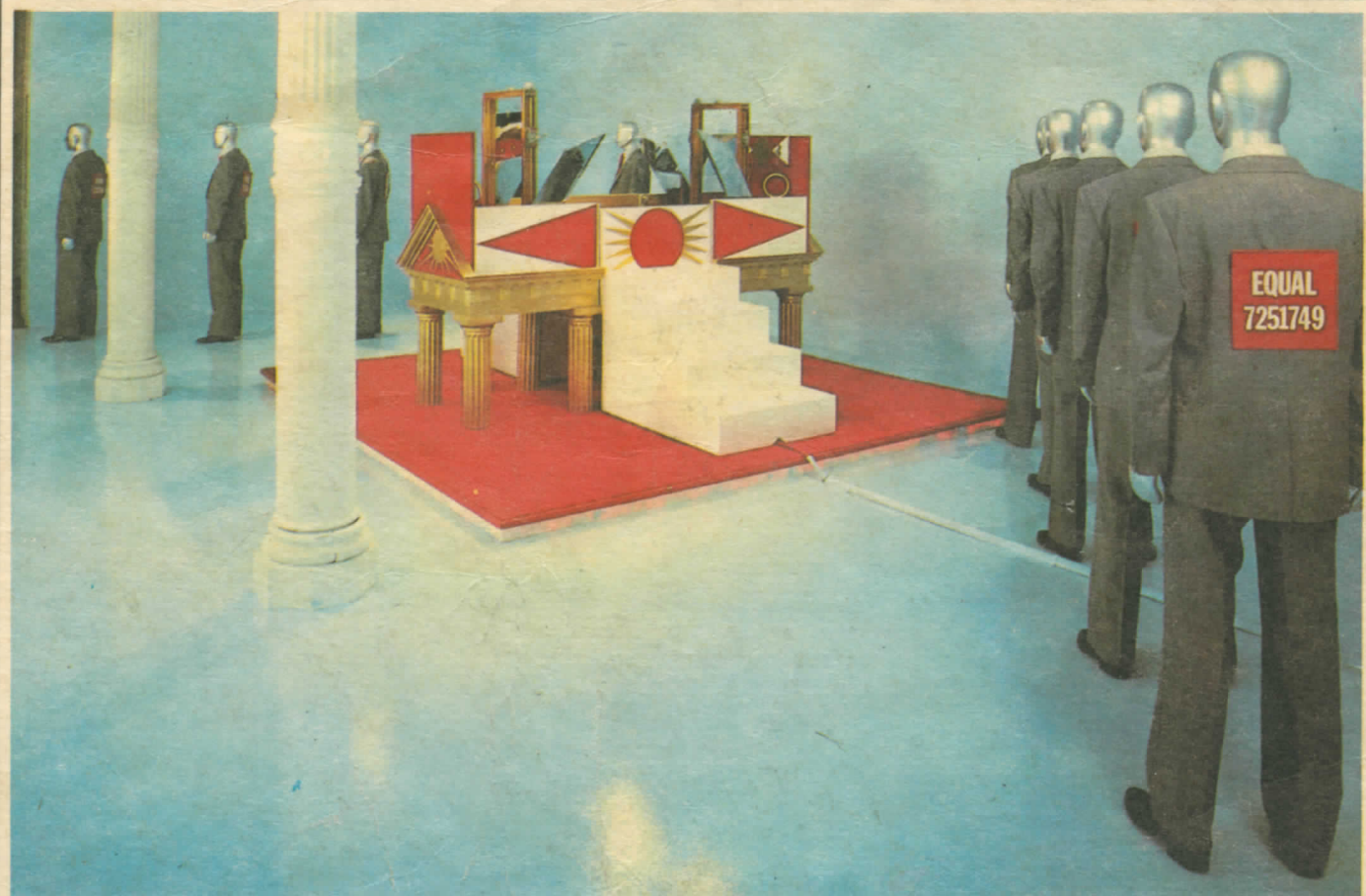
Вероятно, коллеги-искусствоведы избалуют меня в отсутствии научного искусствоведческого анализа конкретных произведений и, соответственно, в чрезмерном внимании к тому «сору», из которого искусство делается. Поэтому какую и объясняю, что не способен видеть в документальных творениях Ламма одно только высокое искусство.

Одного из лучших и тончайших наших соц-артистов — Эрика Булатова — когда-то спросили, как он относится к «эстетике высотных зданий». На что он ответил цитатой из Рильке, считавшего, что «прекрасное — это ужасное в безопасной степени» и что он, Булатов, эти здания и всю величественную эпоху все еще не считает для себя безопасной. Вот и у меня та же помеха — эстетика тюремно-застойной эпохи, которая никак не позволяет относиться к ней только как к воспоминаниям о прошлом.

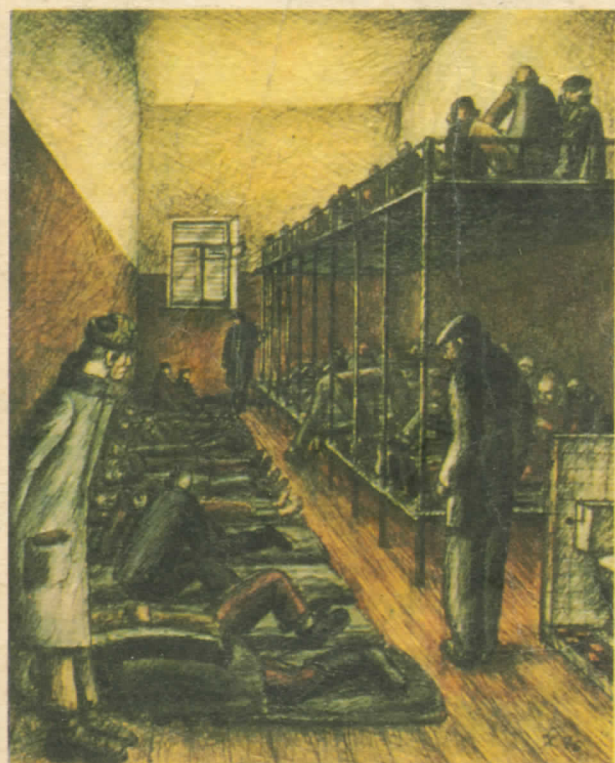
Вильям МЕЙЛАНД

Прогулочный двор, Бутырская тюрьма. 1975г.

Актный зал. Бутырская тюрьма. 1976 г.

Добро пожаловать в царство равенства
Прокрустово ложе. 1990 г.

Камера n 319. Бутырская тюрьма. 1975 г.

